

Автономная некоммерческая организация
«Центр стратегических оценок и прогнозов»

Полончук Р.А., Шашок Л.А.

Ближневосточная политика Китайской Народной Республики

Москва
2021

УДК 327
ББК 66.4
П52

Полончук Р.А., Шашок Л.А.

П52 Ближневосточная политика Китайской Народной Республики. — М.: АНО ЦСОиП, 2021. — 168 с.

ISBN 978–5–906661–30–2

В издании представлено современное состояние ближневосточной политики Китайской Народной Республики. Рассматривается общее значение стран Ближнего Востока во внешнеполитическом курсе китайского государства. Оцениваются подходы руководства КНР к выстраиванию отношений с ближневосточными странами. Анализируются основные направления развития ближневосточной политики КНР.

Издание предназначено для широкого круга специалистов, изучающих международные отношения и внешнюю политику КНР.

© Полончук Р.А., Шашок Л.А., 2021

© АНО «Центр стратегических оценок и прогнозов», 2021

ISBN 978–5–906661–30–2

© Воробьев А.В., оформление, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	7
2. Ближний Восток в системе глобальных приоритетов Пекина	14
2.1. Общее значение стран Ближнего Востока во внешней политике КНР	14
2.2. Подготовка к установлению отношений КНР со странами Ближнего Востока.....	25
2.3. Роль дипломатической службы КНР в развитии контактов со странами Ближнего Востока	41
2.4. Научные и аналитические организации КНР, задействованные в формулировании подходов к деятельности на Ближнем Востоке.....	50
3. Ближневосточный вектор китайской внешней политики	57
3.1. Подходы руководства КНР к выстраиванию отношений с арабскими странами Ближнего Востока	57
3.2. Подходы руководства КНР к выстраиванию отношений с неарабскими государствами Ближнего Востока ..	67
3.3. Направления ближневосточной политики КНР.....	72
4. Сотрудничество КНР со странами Ближнего Востока	87
4.1. Сотрудничество КНР с Саудовской Аравией	87
4.2. Сотрудничество КНР с Ираном	92
4.3. Сотрудничество КНР с Израилем	98
4.4. Сотрудничество КНР с Египтом	103
4.5. Сотрудничество КНР с Турцией	106
4.6. Сотрудничество КНР с Ливаном, Иорданией и Палестиной	107
4.7. Сотрудничество КНР с Бахрейном, Катаром, Кувейтом, Оманом и ОАЭ.....	111
4.8. Сотрудничество КНР с Сирией, Ливией, Ираком и Йеменом	122
5. ПЕРСПЕКТИВЫ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ	131
5.1. Направления развития ближневосточной политики КНР.....	131
5.2. Отношения Китая и США на Ближнем Востоке.....	137
5.3. Сотрудничество Китая и России на Ближнем Востоке ...	147
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	163
Список сокращений	165
Об авторах.....	167

Введение

Последние два десятилетия Китайская Народная Республика (КНР) последовательно расширяет географию своих национальных интересов. Показательно в этом плане понятие «глобальное добрососедство», активно используемое в китайской политической науке и практике с середины 2000-х гг. наряду с уже ставшим традиционным понятием «пояс добрососедства», под которым подразумеваются отношения с сопредельными странами. Параллельно с этим происходит внедрение в общественное сознание психологии «великой державы» и идеи «великого возрождения китайской нации».

Наряду с необходимостью взаимодействовать с европейскими партнерами, все большее место во внешнеполитическом курсе КНР отводится странам Ближнего Востока. Такое положение дел обусловлено растущей зависимостью энергетической безопасности Китая от стабильных поставок углеводородов из ближневосточных стран. Кроме того, КНР активно продвигает на Ближнем Востоке проекты в сфере высоких технологий, продовольственной безопасности и военно-технического сотрудничества. Вышеизложенное определяет актуальность проведения научных исследований ближневосточной политики КНР на современном этапе развития, а также определение основных направлений ее развития.

В монографии предпринята попытка провести комплексный анализ современного состояния и основных направлений развития ближневосточной политики КНР.

Ближневосточная политика Китая привлекает внимание отечественных и зарубежных специалистов из государственных структур, а также негосударственных институтов. В современной России вопросами сотрудничества Китая с ближневосточными странами занимаются исследователи из ряда организаций, в том числе Института Ближнего Востока (исследование М. В. Казанина «Сирийский конфликт: оценки китайских специалистов») и

Института востоковедения РАН (работа «Политика КНР в отношении арабских стран Ближнего Востока»). Также представляет интерес монография научных сотрудников Уральского федерального университета «Особенности дипломатии современного Китая», в которой описана модель стратегического партнерства КНР с ближневосточными странами.

Исследователи американских центров стратегических исследований также рассмотрели некоторые аспекты взаимодействия Китая со странами Ближнего Востока. Авторский коллектив ближневосточного отдела корпорации «РЭНД» выпустил коллективную монографию «Китай на Ближнем Востоке: осторожный дракон», где китайская стратегия в ближневосточном регионе рассматривалась с учетом двух ключевых игроков в регионе: Исламской Республики Иран (ИРИ) и Королевстве Саудовская Аравия (КСА). Значительный интерес представляет подготовленный Научно-исследовательской службой Конгресса США доклад «Россия и Китай на Ближнем Востоке: вовлечение США в эру стратегического соперничества».

Китайские исследователи Института евроазиатских исследований Шанхайской академии общественных наук выпустил ряд исследовательских проектов по ближневосточной тематике: «Современные китайские евреи», «История международного терроризма», «Тerrorизм на Ближнем Востоке». Кроме того, значительный интерес представляет коллективная монография китайских ученых «Строительство проекта «Один пояс, один путь» на Ближнем Востоке».

Проведенный анализ трудов, посвященных сотрудничеству Пекина со странами Ближнего Востока, показал отсутствие комплексного исследования о взаимодействии указанных стран с учетом влияния других стран (США, Россия) и определения возможных направлений дальнейшего развития.

При подготовке монографии автор использовал следующие источники:

– официальные документы, в том числе соглашения о расширении военно-политических контактов и программ сотрудничества;

- аналитические доклады исследовательских и аналитических организаций России, США и КНР, посвященные вопросам взаимодействия Китая со странами Ближнего Востока;
- публикации китайских СМИ и специализированных военно-политических изданий.

В первой главе изложены методологические основы исследования ближневосточной политики КНР.

Вторая глава исследования посвящена рассмотрению современного состояния ближневосточного вектора китайской внешней политики.

Третья глава содержит материалы о подходах руководства КНР к выстраиванию отношений со странами Ближнего Востока.

В четвертой главе проанализированы результаты деятельности КНР на Ближнем Востоке.

В рамках пятой главы выявлены основные направления развития ближневосточной политики КНР.

1. Методология исследования

Анализ научных публикаций позволяет обоснованно утверждать, что современная международная обстановка обладает высокой динамичностью, сложным и неустойчивым характером. На нее оказывают влияние кризисы глобального и регионального масштабов, связанные с конкуренцией между «центрами силы». В современных условиях особый интерес начинает представлять ближневосточная политика КНР в связи со значительным геополитическим и экономическим усилением китайского государства в XXI веке.

Ближний Восток – важнейший геополитический регион планеты, в котором сталкиваются интересы ключевых субъектов международных отношений. Новое обострение ситуации на Ближнем Востоке в начале XXI века, обусловленное грубым вмешательством западных держав, в особенности США, во внутреннюю политику стран региона, имеет непосредственное значение для мира и безопасности на всей планете.

Диверсификация роли КНР и РФ в современном мире, их взаимовлияние на процессы обеспечения национальной безопасности определяют необходимость изучения современного состояния и основных направлений развития ближневосточной политики Китая. Это необходимо для корректировки внешнеполитического курса России на таком непростом направлении, как Ближний Восток.

Комплексный характер проводимого исследования определил необходимость использования методов политологических исследований (работы Кончугова А. В.¹, Буянова В. С.², Казанина М. В.³,

---

¹ Кончугов А. В. Сацути А. И. Политология: учебник. – 2-е изд. Перераб. и доп. / Под общ. ред. А. В. Кончугова и А. И. Сацути. – М.: ВУ, 2015. – 516 с.

² Буянов В. С. Внешнеполитическая деятельность и международная безопасность России: учебное пособие. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. – 344 с.

³ Казанин М. В. Военно-политическое и военно-техническое взаимодействие Китайской Народной Республики и Исламской Республики Пакистан в контексте обеспечения национальной и региональной безопасности: монография. – М.: РИО Российской таможенной академии, 2020. – 326 с.

Задонского С. М.⁴). При анализе же национальных интересов китайского государства на Ближнем Востоке мы опирались на работы И. Д. Звягельской⁵, М. В. Казанина⁶, С. Г. Лузянина⁷, Е. Я. Сатановского⁸, М. А. Сучкова и М. С. Ходынской-Голенищевой⁹. При оценке военного аспекта обеспечения национальной безопасности КНР на Ближнем Востоке мы обращались к работам Д. В. Стрельцова¹⁰ и Д. Е. Силина¹¹.

В исследовании уделено значительное внимание анализу национальных интересов КНР в ближневосточном регионе. Под национальными интересами отечественные и зарубежные специалисты предлагают понимать совокупность жизненно важных интересов личности, общества и государства, выраждающих стремление нации к сохранению и устойчивому развитию. Национальные интересы представляют первопричину политических действий и свершений, преломляясь в виде экономических, политических и военных доктрин.¹².

Учитывая тот факт, что от поставок углеводородов из стран Ближнего Востока зависит энергетическая безопасность КНР, а деятельность террористических организаций в данных странах

---

⁴ Ганиев Т. А., Задонский С. М. Военная мощь Турецкой Республики. Том I. – М.: ИБВ, 2018. – 366 с.

⁵ Звягельская И. Д. Ближний Восток и Центральная Азия: Глобальные тренды в региональном исполнении. – М.: Аспект пресс, 2018. – 224 с.

⁶ Казанин М. В. Национальная безопасность КНР: теоретическая основа и практика обеспечения: Монография. – М.: МАКС Пресс, 2014. – 168 с.

⁷ Лузянин С. Г. Россия – Китай: формирование обновленного мира: монография; отв. ред. академик В. С. Мясников. Предисл. В. А. Никонов. – М.: Весь мир, 2018. – 328 с.

⁸ Сатановский Е. Я. Котел с неприятностями. Ближний Восток для «чайников». Издание расширенное, улучшенное и дополненное. – М.: Эксмо, 2018. – 576 с.

⁹ Сучков М. А., Ходынская-Голенищева М. С. Сравнительный анализ российских стратегий союзничества на Ближнем Востоке // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 1. С. 69–81.

¹⁰ Стрельцов Д. В. Армии на современном Востоке: Научное издание / Под ред. Д. В. Стрельцова. – М.: Аспект пресс, 2018. – 384 с.

¹¹ Силин Д. Е. Вооруженные силы государств Северной Африки, Азии, Австралии и Океании. – М.: ИКЦ «Колос-с», 2019. – 318 с.

¹² Валуевский Ю. Н. Теоретические и методологические основы формирования военной доктрины Российской Федерации // Военная мысль. № 3. 2007. – С. 14–21.

способна значительно осложнить военно-политическую обстановку в регионе, представляется возможным рассмотреть значение данного региона с позиций угроз национальной безопасности КНР. Угрозу безопасности ученые рассматривают как совокупность намерений и возможностей социального субъекта, способных представлять ущерб жизненно важным интересам личности, общества и государства.

По мнению А. А. Прохорова, угроза безопасности – это фактически любые внутренние или внешние условия и факторы, оказывающие негативное воздействие на процесс развития и требующие для повышения уровня социального развития снижения своих количественных характеристик¹³.

Для осмыслиения современных угроз миру и безопасности представляется необходимым обратиться к научному наследию классика отечественной геополитики А. Е. Снесарева.

Труды А. Е. Снесарева в области геополитики, военной истории, военного дела, написанные в первой трети XX столетия, характеризуются широтой постановки проблем и многовариантностью подхода к их решению. Идеи теоретика о роли всей совокупности политических, экономических и военно-технических возможностей противоборствующих сторон в достижении целей военно-политического противоборства имеют большое значение для анализа современной военно-политической ситуации в мире, в частности на Ближнем Востоке.

Исследования А. Е. Снесарева о взаимосвязях политических и военных явлений помогают нам и сегодня утвердиться в понимании того, что система политических взглядов и интересов определяет цели и характер военной стратегии¹⁴. Именно политическое руководство принимает решения о войне и мире, о возможности, необходимости и целесообразности решения общественных проблем с использованием вооруженного насилия.

---

¹³ Прохоров А. А. Теория развития и безопасности человека и общества. – М.: Ин-Октавио, 2006. – С. 138–143.

¹⁴ Макар И. П. Военная история и геополитика. По материалам межвузовской научно-практической конференции в Военной академии ГШ ВС РФ. М., 2006. – С. 29–39.

Одной из важнейших рекомендаций, вытекающей из военно-политического наследия А. Е. Снесарева, является требование реально оценивать происходящие вокруг явления и процессы, опираясь на многовековой исторический опыт, проверяя истинность идей и выводов практикой политической жизни. Этому принципу он неуклонно следует в своих трудах, где, анализируя богатое историческое наследие военных теоретиков, используя свои эмпирические знания, формирует военно-политические взгляды, не потерявшие свою актуальность и в наши дни.

Анализ научных исследований показывает, что основными методами исследования национальной безопасности выступают системный анализ, факторный анализ, междисциплинарный анализ, политico-культурный анализ, сравнительный анализ. Большую роль в исследовании предметных сторон национальной безопасности А. И. Буркин, А. В. Возжеников, Н. В. Синеок отводят методам анализа документов, выборочного опроса общественного мнения, вероятностным методам, методам опроса экспертов и методам наблюдений¹⁵. В этой связи отметим, что А. А. Прохожев в своей работе «Теория развития и безопасности человека и общества» представил метод определения уровня защищенности жизненно важных интересов от угроз и методику расчета уровня регионального развития и безопасности¹⁶.

Отдельно стоит остановиться на организации работы с источниками информации, в которых содержатся сведения по концептуальным основам внешней политики КНР. Таких групп источников несколько. К ним относятся: документы, полностью посвященные концептуальным основам внешней политики КНР; документы, раскрывающие те или иные части концептуальных основ внешней политики КНР; выступления главы государства, министров иностранных дел и обороны КНР; заявления, ноты МИД и министерства обороны КНР по внешнеполитической проблематике; дого-

---

¹⁵ Буркин А. И., Возжеников А. В., Синеок Н. В. Национальная безопасность России в контексте современных политических процессов. – 2-е изд., доп. / Под общ. ред. А. В. Возженикова. – М.: Изд-во РАГС, 2008. – С. 102.

¹⁶ Прохожев А. А. Теория развития и безопасности человека и общества. – М.: Ин-Октавио, 2006. – С. 259–284.

воры и соглашения КНР с другими странами; материалы китайских и зарубежных исследовательских организаций и учреждений; материалы научных конференций по внешнеполитической и международной проблематике КНР; материалы печатных и электронных СМИ КНР.

Определение направлений обеспечения национальной безопасности КНР тесно связано с определением положения России в мировом сообществе. Здесь, как отмечает С. Г. Киселев, необходимо учитывать, что в результате произошедших геополитических и геоцивилизационных сдвигов произошло снижение российского геополитического статуса, под которым понимаются роль и значение государства в мировых делах, его место в глобальной системе миропорядка¹⁷.

Из этого следует, что исследование ближневосточной политики неразрывно связано с изучением возможностей КНР, национальных целей и их организационной структуры, соединяющей эти элементы. Таким образом, налицо присутствие всех трех составляющих, характерных для любой системы: конечной цели, средства управляющего воздействия и объекта воздействия. Что, естественно, предполагает применение системного подхода при строгом соблюдении комплексности исследований, подразумевающей оценку состояния и прогноз развития внешнеполитического курса государства.

Для определения направлений развития ближневосточной политики КНР в исследовании были использованы методы прогнозистики¹⁸. В методическом плане основным инструментом получения прогнозной информации является экстраполяция, базирующаяся на одном из возможных источников информации о прошлом и текущем состоянии объекта прогнозирования. Выделяют следующие три источника информации:

---

¹⁷ Киселев С. Г. Вызовы безопасности России в условиях геополитических и геоцивилизационных сдвигов // Новые угрозы национальной безопасности Российской Федерации: материалы научно-практической конференции кафедры национальной безопасности РАГС при Президенте РФ 02.10.2008 г. М., 2009.

¹⁸ Рабочая книга по прогнозированию / Ред. кол.: И. В. Бестужев-Лада. – М.: Мысль, 1982. – 392 с.

- оценка перспектив развития процесса, будущего состояния объекта на основе опыта и интуиции исследователя, чаще всего при помощи аналогии с известным сходным процессом или объектом;
- экстраполяция в будущее тенденций развития объекта на основе статистических методов;
- формальная или неформальная модель изучаемого процесса или объекта, построенная на основе вскрытия внутренней структуры и механизма функционирования объекта.

Работа написана на основе принципа историзма и историко-генетического метода, суть которого сводится к последовательному обнаружению свойств, функций, изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей степени приблизиться к реальной истории объекта, а познание идет от единичного к особенному и от общего к всеобщему¹⁹.

Помимо этого, при проведении исследования был применен историко-сравнительный метод. На основании хронологии развития отношений между КНР и странами Ближнего Востока были рассмотрены периоды развития политики КНР в отношении ближневосточных стран²⁰.

Еще одним методом, использованным в работе, стали так называемые case studies, в которых была реконструирована история формирования политики КНР в отношении важных субъектов международных отношений на Ближнем Востоке, например, двух важных ключевых партнеров КНР в этом регионе – Саудовской Аравии и Ирана.

Таким образом, изучение современного состояния и основных направлений ближневосточной политики КНР предполагает формирование информационной базы, а также использование общих и частных методов научных исследований.

---

¹⁹ Калимонов И. К. Основы научных исследований (зарубежная история): практикум. – Казань: КГУ, 2006. – С. 40.

²⁰ Пахомова М. А. Политика Китая в странах Арабского Востока (1978–2012 гг.): дис. ... канд. истор. наук. – М.: Ин-т Востоковедения РАН, 2013. – С. 147.

Выводы по главе

В результате проведенного изучения доступной научной литературы представляется возможным сделать следующие выводы и обобщения в отношении методологического аспекта исследования:

1. Теоретическую базу исследования составили идеи и положения российских и зарубежных ученых, посвященные международным отношениям в области обеспечения национальной безопасности государства, а также теории национальной, глобальной и региональной безопасности.

2. Методологическую основу исследования составила совокупность общенаучных и частнонаучных методов. Комплексный характер ближневосточной политики КНР предопределил использование методов системного анализа, статистического, исторического методов, функционального подхода к их изучению. В некоторых случаях также применялись системный анализ, факторный анализ, междисциплинарный анализ, сравнительный анализ, методы анализа документов, выборочного опроса общественного мнения, вероятностные методы, метод опроса экспертов и метод наблюдения.

3. Эмпирическую базу работы составляют информационно-аналитические ресурсы российского и иностранных (главным образом, китайского и американского) дипломатического и военного ведомств, научно-исследовательских институтов и центров.

Для более глубокого анализа официальных взглядов, проблем преемственности в вопросах ближневосточной политики и исследования взаимосвязи между политической теорией и ее реализацией использованы материалы съездов КПК, документы Госсовета, Центрального военного совета (ЦВС) и министерства обороны (МО) КНР, а также других организаций и учреждений Народно-освободительной армии Китая (НОАК), работы отечественных и зарубежных научных китаеведческих центров: Института стран Азии и Африки, Российского института стратегических исследований, американского стратегического исследовательского центра «РЭНД».

2. Ближний Восток в системе глобальных приоритетов Пекина

2.1. Общее значение стран Ближнего Востока во внешней политике КНР

В настоящее время в Китае серьезной угрозой для страны рассматривают провозглашение администрацией США курса на жесткое соперничество с Китаем на международной арене. В действиях Вашингтона по дестабилизации обстановки на Ближнем Востоке и в Центральной Азии КНР видит прямую угрозу национальной безопасности. В Пекине хорошо осознают, что если «ближневосточный хаос» вооруженных и социальных конфликтов распространится на все геополитическое пространство от Суэца до Тибета, КНР неизбежно столкнется с проблемой обеспечения территориальной целостности и суверенитета страны²¹.

В КНР серьезно обеспокоены тем, что непосредственно вблизи ее границ происходит нарастание исламских угроз. В частности, речь идет об активизации сторонников «Исламского государства» (ИГ, террористическая организация, запрещена в РФ) и других религиозных экстремистских организаций в Афганистане и других странах Центральной Азии. Кроме того, Китай вынужден реагировать и на активизацию пантюркистских тенденций, за которыми стоит Турция. В Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) Китая проживают уйгуры – тюрки мусульманского вероисповедания. Финансово-экономическое и военно-политическое проникновение Пекина в среднеазиатские страны бывшего СССР, в том числе с целью сдерживания там негативных тенденций, вынужденно сталкивает его с интересами не только Турции, России, но и Ирана в регионе.

---

²¹ Andrew Scobell, Alireza Nader. China in the Middle East: The Wary Dragon // RAND, 2016, 111 p.

Китайское руководство последовательно борется с «тремя силами зла» – международным терроризмом, национальным сепаратизмом и религиозным экстремизмом²². Официальный Пекин осознает значимость угрозы, исходящей от этнических и сепаратистских волнений в западных районах Китая и в Тибете, отмечает причастность к ним иностранных спецслужб. Поэтому Пекин использует американское присутствие в отдельных странах Центральной Азии, и в частности в Афганистане, как некоторые гарантии того, что сепаратистские движения в Синьцзяне не получат поддержку со стороны исламистских организаций региона, будет обеспечена транспортировка углеводородов в Китай из центрально-азиатских государств.

Анализ китайских доктринальных документов и заявлений политического руководства КНР позволяют утверждать, что страны Ближнего Востока играют далеко не последнюю роль в планах Пекина, который рассматривает данный регион как важную составляющую нового формирования полицентричного миропорядка.

Во-первых, Китай, являясь второй экономикой мира, завозит из-за рубежа около 70 % потребляемой им нефти. При этом 47 % нефтяного импорта (133 млн тонн) – это углеводороды из стран Ближнего Востока. С 2004 г. импорт нефти из ближневосточных стран увеличивался в среднем на 12 % в год²³. Главными поставщиками ценного сырья для Китая в данном случае выступают Саудовская Аравия и Иран, на которые приходится половина китайского ближневосточного нефтяного импорта. Поскольку дальнейшее развитие КНР неизбежно связано с увеличением потребления энергоресурсов, то снижение роли региона для китайской экономики явно не предвидится. По прогнозу Международного энергетического агентства, к 2030 г. Китай будет ежедневно

---

²² Russia and China in the Middle East: Implications for the United States in an Era of Strategic Competition / The RAND Corporation, May 9, 2019, 13 p.

²³ Гуа янжоу ту май гоужоу? Ляньхэ гуо чже дин цзюи бух э ли. Элосы чжи цзюэ цициоань («Кругом обман. Резолюция ООН противоречива. Россия не участвует в голосовании») // Информационно-аналитическое агентство Sina (https://k.sina.com.cn/article_7056010143_1a4922b9f02000py6q.html?cre=tianyi&mod=pcpager_news&loc=2&r=9&rfunc=14&tj=none&tr=9).

потреблять 16,6 млн баррелей нефти (в 2010 г. – 9,2 млн баррелей), из которых импорт составит 12,5 млн баррелей в день²⁴.

На подъеме находится и китайско-арабская торговля: за последние десять лет она выросла с 25 млрд долл. до 239 млрд долл. США при ежегодном увеличении в среднем на 25 %. Стоимость строительных контрактов, заключенных китайским бизнесом на Ближнем Востоке, также увеличилась с 2,6 млрд долл. до 29 млрд долл. (ежегодный рост составляет 27 %). Немало китайских компаний сегодня успешно работают в различных странах региона. Только в ОАЭ их насчитывается более сотни, около 80 предприятий работают в Саудовской Аравии, на которых занято более 40 тыс. человек. Один только Нинся-Хуэйский автономный район КНР (г. Инчуань) взаимодействует с арабскими государствами более чем по десяти проектам. Поэтому вполне логично, что нестабильность и война не вполне соответствуют интересам Китая в регионе. В Пекине также учитывают и уроки «революционных событий» в Ливии (2011 г.), где убытки работавших там 75 китайских компаний составили 18,8 млрд долл. США.

Во-вторых, значение Ближнего Востока для Китая приобретает особенный вес в связи с реализацией Пекином проекта «Один пояс, один путь» (ОПОП), являющегося элементом стратегии осуществления «китайской мечты» о возрождении нации. Указанный мегапроект призван постепенно вовлечь экономику и рынки центрально-азиатских и ближневосточных стран в орбиту китайских торгово-экономических и geopolитических интересов, обеспечивая их эффективное продвижение далее на европейский континент. Добавим, что морские маршруты ОПОП должны гарантировать безопасность поставок в Китай углеводородного сырья через Индийский океан и Малаккский пролив. Сегодня этим путем Пекин получает около 77 % импортной нефти. Учитывая опыт 1940-х гг., когда захват японцами Гонконга и Китайско-Бирманской железной дороги в решающий момент антияпонской войны лишил

---

²⁴ Anoushiravan Ehteshami and Niv Horesh, eds., *China's Presence in the Middle East: The Implications of the One Belt, One Road Initiative* (London: Routledge, 2018), p. 28.

Китай поставок критически важных материалов, Пекин уделит этому направлению значительное внимание.

В-третьих, Ближний Восток является значимым для Китая регионом и с точки зрения обеспечения безопасности страны, прежде всего ее западной части – Синьцзян-Уйгурского автономного района. В Пекине отдают отчет в том, что распространение влияния ближневосточного террористического халифата, его возможное проникновение в Центральную Азию и СУАР способно серьезно подорвать экономические интересы и внутреннюю безопасность КНР, напрямую угрожая реализации «шелковых проектов»²⁵.

Уже будучи крупнейшим в мире потребителем энергии, Китай будет все больше зависеть от импорта нефти и газа, поскольку его экономика может продолжить расти в ближайшие десятилетия. В 2019 г. почти 30 % китайского импорта нефти – или 2,9 млн баррелей в день – приходилось на страны Персидского залива (СПЗ). При этом более половины объема приходилось только на Саудовскую Аравию. В свою очередь, сотрудничество ОАЭ с Китаем носит в основном экономический характер еще и потому, что страна стремится стать главным торговым хабом для китайской инициативы «Экономический пояс нового Шелкового пути» (ЭПНШП). Так, около 60 % европейской и африканской торговли Китая проходит именно через ОАЭ. Таким образом, два самых влиятельных государства СПЗ – Саудовская Аравия и ОАЭ – останутся в обозримой перспективе основными партнерами экономической политики Китая на Ближнем Востоке.

Экономические интересы Ближнего Востока и Китая также сходятся в более широком географическом регионе. Растущее внимание китайской стороны к Красному морю может повлечь за собой большие попытки сформировать выгодную для Саудовской Аравии морскую торговлю в этом районе и в западной части Индийского океана. Кроме того, агрессивная экономическая политика КНР совпадает с планами Кувейта, Омана, Катара и Саудовской

---

²⁵ Michael Swain. «Chinese Views and Commentary on the «One Belt, One Road» Initiative». China Leadership Monitor 47, 2 (2018), 3, p. 30.

Аравии по строительству новых портов и увеличению мощностей, существующих в регионе.

Эти планы подтверждаются стремлением ОАЭ активно инвестировать в ЭПНШП, особенно в Африканский Рог, и тем самым сохранять свое лидирующее экономическое положение в регионе. Хотя ОАЭ стремятся привлечь китайские инвестиции, они также опасаются расширения китайских компаний в портах региона, что может поставить под угрозу статус Дубая как регионального торгового центра.

Геопространственное положение Ближнего Востока расценивается Пекином как стратегически выгодное. Китайские специалисты по ближневосточной проблематике в своих исследованиях наряду с традиционным термином «Ближний Восток» также используют и «Большой Ближний Восток», а также «Ближний Восток и Северная Африка». Исследование показало, что в китайских ближневосточных исследованиях данные термины являются синонимичными и взаимозаменяемыми. Кроме того, в китайской науке нашло отражение и принятые в некоторых европейских странах разделение на регионы, которые в совокупности составляют территорию Ближнего Востока.

Так, например, в китайской литературе встречается регион стран *Персидского залива*. Подчеркивается, что СПЗ проявляют интерес к укреплению национального военного потенциала и диверсификации своих экономических и военных связей с Китаем²⁶. В последнее время сфера интересов КНР в Персидском заливе расширилась – от узкой направленности на торговлю углеводородами до широкомасштабных инвестиций в энергетику, промышленность, финансы, транспорт, связь и прорывные технологии. Китай также становится все более существенным участником программ экономической диверсификации СПЗ. Так, объем двусторонней торговли между Китаем и СПЗ достиг 163 млрд долл. в 2018 г., и в ближайшие годы, по китайским оценкам, рост продолжится.

---

²⁶ И дай и лу: чжунадуйцзе («Один пояс, один путь»: совпадение КНР и арабского мира) / http://www.xinhuanet.com/globe/2018-07/19/c_137314569.html [Электронный ресурс] XinhuaNewsAgency (дата обращения: 01.09.2020).

В настоящее время Китай является главным экономическим партнером СПЗ и крупнейшим торговым партнером Кувейта, Омана, КСА и ОАЭ. В долгосрочной перспективе это может подтолкнуть арабские страны СПЗ к укреплению своего сотрудничества с Пекином в сфере безопасности и к размещению на своей территории военных объектов КНР, включая военно-морские базы (ВМБ)²⁷.

С момента запуска инфраструктурного проекта «Один пояс, один путь» в 2013 г. официальный Пекин проявляет значительный интерес к региону *Магриба*, который позволяет китайским корпорациям вывести свои товары на европейские рынки. КНР ставит коммерческие отношения выше политического влияния в Магрибе, и, хотя замысел ОПОП на данный момент не включает этот регион, между Китаем и каждой страной Магриба (Алжир, Марокко, Тунис, Ливия и Мавритания) подписаны меморандумы о взаимопонимании, демонстрирующие планомерное расширение политических и экономических позиций Китая в данном регионе.

По данным китайских источников, в 2018 г. на Магриб приходилось 7,6 % импорта Китая из Африки, в то время как китайский экспорт в Магриб составлял 14,7 % от его общего экспорта в Африку. По данным China Global Investment Tracker (подразделение Фонда наследия США), товарооборот между Китаем и пятью странами Магриба достиг почти 23,3 млрд долл. в 2019 г. Инвестиции и контракты КНР в регионе Северной Африки в период с 2005 по 2019 г. был на уровне 29,6 млрд долл., при этом Алжир (наиболее важный партнер) получил «львиную долю» в 23,6 млрд долл. Присутствие Китая в Магрибе включает в себя торговлю, строительство инфраструктуры, портов, судоходство, финансовое сотрудничество и туризм²⁸.

---

²⁷ Чжундунгоцзяцзичушэшицзяньшэй и дай и лухэцоцияньзинь (Строительство базовой инфраструктуры и перспективы сотрудничества в рамках плана «Один пояс, один путь») / <http://iwaas.cass.cn/xszys/zdlw/201904/P020190425331099669096.pdf> [Электронный ресурс] ChinaAcademyofSocialScience. (дата обращения: 01.09.2020).

²⁸ Гунсянфачжань синь цзинь (Новая возможность совместного развития) / <http://www.mofcom.gov.cn/article/i/jyjl/k/201901/20190102830494.shtml> [Электронный ресурс] MinistryofCommerceofPeople'sRepublicofChina (дата обращения: 01.09.2020).

Регион *Восточного Средиземноморья* представляет для китайских специалистов интерес в связи с желанием КНР получить доступ к сирийским портам Средиземного моря. Тартус и Латакия – привлекательная перспектива для развития инфраструктуры и телекоммуникаций в рамках проекта «ОПОП», направленного на то, чтобы связать КНР и Евразию. Такой подход дополнил бы позиции Пекина в греческом Пирее, израильских гаванях Хайфы и Ашдода и закрепил бы Сирию в качестве ключевого пункта на Шелковом пути²⁹.

Влияние Китая, по крайней мере, в десяти портах в шести странах, граничащих с Восточным Средиземноморьем (Израиль, Греция, Ливан, Турция, Египет и Сирия) может осложнить способность США и НАТО свободно маневрировать в регионе. Это было одной из причин, по которым администрация Д. Трампа предупредила Израиль, что присутствие Пекина в Хайфе, где китайские компании построили собственный причал, может поставить под угрозу дальнейшее использование 6-м флотом США порта, куда американские корабли регулярно заходят для пополнения запасов.

В итоге интерес Китая к средиземноморским портам обусловлен интеграцией Ближнего Востока в морской сегмент проекта «Один пояс, один путь», который включает Персидский залив, Аравийское море с центром в пакистанском порту Гвадар и Красное море с первым пунктом материально-технического обеспечения (ПМТО) ВМС Народно-освободительной армии Китая в Джубути³⁰.

Экономические интересы Ближнего Востока и Китая также сходятся в более широком географическом регионе. Растущее внимание Пекина к региону Красного моря может повлечь за собой большие попытки сформировать выгодную для Саудовской Аравии морскую торговлю в этом районе и западной части Индийского океана. Кроме того, агрессивная экономическая политика КНР совпадает с планами

---

²⁹ Сунь Деганг: Взрыв в Ливане казался внезапным, но на самом деле он выявил проблемы его управления // «Гуанчжа» (https://www.guancha.cn/sundegang/2020_08_06_560263.shtml (дата обращения: 07.08.2020).

³⁰ Chloe Cornish, “Reopening of Syrian-Jordan border revives regional trade”, Financial Times, October 29, 2018 / <https://www.ft.com/content/e580c1a6-d6de-11e8-aa22-36538487e3d0>.

Катара, Омана и КСА по строительству новых портов и увеличению их мощностей. Эти планы подтверждаются стремлением ОАЭ активно инвестировать в ЭПНШП, особенно в Африканский Рог, и тем самым сохранять свое лидирующее экономическое положение в регионе. Хотя ОАЭ стремится привлечь китайские инвестиции, они также опасаются расширения китайских компаний в портах региона, что может поставить под угрозу статус Дубая как регионального торгового центра.

Анализируя обстановку на Ближнем Востоке, китайские ближневосточные выделяют особый регион – «Шиитский полумесец» (Иран, Ирак, Сирия, Ливан, Йемен). Взаимодействие КНР с Ираном характеризуется расширением сотрудничества по различным направлениям: проект «ОПОП», увеличение товарооборота, сотрудничество в сферах энергетики и строительства. Развитие отношений КНР с Ираком определяется стремлением Пекина диверсифицировать источники углеводородного сырья. Китайские компании принимают участие в разработке нефтяных месторождений Ирака и восстановлении энергетической области государства, выступают в качестве инвесторов строительства объектов инфраструктуры.

Обеспокоенность КНР вызывает сложная обстановка в Йемене. Китай продолжает настаивать на необходимости использования дипломатических методов разрешения существующих противоречий, одновременно подвергая критике попытки оппозиционных сил сформировать новое правительство в г. Сане, что вызвано стремлением Пекина снизить потенциальную угрозу для судоходства в Баб-эль-Мандебском проливе, который служит транспортной артерией для поставок нефти в КНР и китайских поставок в Европу³¹.

Китайские специалисты по Ближнему Востоку в своих исследованиях зачастую упоминают так называемые зоны влияния, которые географически не относятся к традиционному Ближнему

---

³¹ Казанин М. В. Об активной деятельности КНР на Ближнем Востоке и Африканском роге / Ближний Восток и современность. Сборник статей (выпуск 53). М., 2019. – С. 56–80.

Востоку, но являются территориями конфликта национальных интересов ближневосточных стран. Так, Южная Азия рассматривается китайскими специалистами как плацдарм для проекта «ОПОП». Активно развивается стратегическое партнерство между Китаем и Пакистаном, который рассматривается руководством КНР в качестве «всепогодного союзника» в решении вопроса сдерживания претензий Индии на региональное лидерство.

Кроме того, всестороннее взаимодействие с Исламабадом осуществляется Пекином в интересах стабилизации обстановки в Афганистане и сдерживания исходящих оттуда угроз для собственной безопасности³².

Неурегулированность ситуации в Исламской Республике Афганистан, по мнению Пекина, ведет к нарастанию угроз для национальной безопасности Китая. Они обусловлены проникновением в западные регионы КНР, прежде всего в СУАР, терроризма, сепаратизма и религиозного экстремизма. За счет участия в преодолении кризиса в Афганистане Китай стремится повысить свое влияние в Центральной Азии, обеспечить защиту в регионе собственных национальных интересов, а также противодействие угрозам распространения на граничащих с КНР территориях террористических и сепаратистских настроений.

На территории Африканского континента китайские специалисты в качестве зон влияния выделяют *Судан, Сомали и Республику Джибути*. Судан рассматривается китайскими специалистами как государство со значительным количеством полезных ископаемых, где продолжается конкуренция КНР и ближневосточных стран за инвестиции в добывающий сектор этой страны³³. С 2010 г. корабли китайских ВМС несут патрулирование в Аравийском море для защиты судов от пиратов, действующих с территории Сомали. Активизация деятельности Китая на территории Джибути и крупные финансовые вложения в ее инфраструктуру связаны, прежде всего, с ОПОП.

---

³² Казанин М. В. Китай-Пакистан: военно-техническое и экономическое сотрудничество в начале XXI века. М., 2017. – 104 с.

³³ PRC/MFA, «Everlasting China-Sudan Relationship: Work Together for a Shared Future», October 24, 2019 / www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zwjg_665342/zwbd_665378/t1710620.shtml.

По замыслу руководства Китая, Джибути станет одним из логистических узлов ОПОП, через который будут проходить транспортные маршруты сбыта китайской продукции в Африке³⁴.

Китайские специалисты полагают, что одной из перспективных областей противостояния КНР и США в ближневосточном регионе является распространение китайских телекоммуникационных технологий в страны Ближнего Востока³⁵. Совместное коммюнике форума «Один пояс, один путь» 2017 г. определило направления дальнейшего развития данной сферы, обещая создать цифровой Шелковый путь, который поддерживал бы инновационные планы действий в области электронной коммерции, цифровой экономики, интеллектуальных городов и научно-технических парков.

Пекин намерен развивать ИТ-сферу в самых разных областях и выстраивать систему «цифрового мира» вдоль всех маршрутов нового Шелкового пути. Электронная коммерция, промышленные компьютерные сети, интернет-банкинг, связь, высокотехнологичные разработки, «умные города» – все это включено в цифровой Шелковый путь. Китайская спутниковая навигационная система «Бэйдоу» обладает значительными возможностями, предлагая услуги навигации и определения местоположения, которые, в свою очередь, могут быть использованы транспортными и сельскохозяйственными структурами, а также вооруженными силами³⁶.

Экспорт продукции атомной энергетики и строительство АЭС за рубежом является реализацией стратегии Пекина «Выход на внешние рынки» стран Ближнего Востока и Южной Азии. Китай активно участвует в строительстве объектов атомной энергетики

---

³⁴ Казанин М. В. Военное присутствие КНР в Джибути: геополитические причины и перспективы / Ближний Восток и современность Сборник статей (выпуск 52). М., 2018. – С. 86–97.

³⁵ Полончук Р. А. Беспроводные сети пятого поколения в Израиле: новый виток противоборства США и КНР // Военно-промышленный курьер, выпуск № 29 (842) за 4 августа 2020 г. / https://vpk-news.ru/sites/default/files/pdf/VPK_29_842.pdf (дата обращения: 04.08.2020).

³⁶ Tucker Higgins, «Trump Declares National Emergency Over Threats Against US Technology Amid Campaign Against Huawei», CNBC, May 15, 2019 / <https://www.cnbc.com/2019/05/15/trump-signs-executive-order-declaring-national-emergency-over-threats-against-us-technology.html>.

Пакистана. В январе 2019 г. завершен монтаж реактора «Хуалун-1» на АЭС «Карачи» в Пакистане. В августе 2018 г. достигнута договоренность по строительству Китаем в Турции третьей АЭС: возведение АЭС в европейской части страны для обеспечения потребления электричества в Стамбуле и прибрежных городах Мраморного моря³⁷.

Расширению военно-технических связей КНР с ближневосточными странами способствует торговля вооружениями и военной техникой (ВВТ). КНР осуществляла продажу продукции военного назначения в страны, сотрудничество с которыми в данной области не рекомендовано американским государственным департаментом и влечет наложение односторонних санкций со стороны США. В число наиболее значимых подтвержденных сделок в 2018–2019 гг. попали поставки китайских систем противовоздушной обороны (ПВО) в Алжир, Марокко, ОАЭ; поставка комплектующих для производства китайских беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) «Винлун-II» (Wing Loong II) на территории ОАЭ; отправка в Пакистан системы обнаружения и сопровождения баллистических ракет³⁸.

Таким образом, Пекин заинтересован в стабильности на Ближнем Востоке, предсказуемости развития ситуации, обеспечении надежности установленных деловых связей со странами региона. Рост активности Китая в регионе, который всегда был частью тысячелетнего Шелкового пути, не означает, что он намеревается или может взять на себя роль США. На данный момент, исходя из политики Китая, можно сделать вывод, что Пекин не хочет (и не имеет возможностей) взять на себя роль США на Ближнем Востоке. Он ни с кем не конкурирует, а просто осуществляет свое поступательное развитие.

---

³⁷ Mordechai Chaziza. Religious and Cultural Obstacles to China's BRI in the Middle East // BESA Center Perspectives Paper № 1,604, June 12, 2020 / <https://besacenter.org/perspectives-papers/china-middle-east-obstacles/>.

³⁸ Журнал «Мир авиации». Пекин. Изд-во «Китайской авиационной промышленной корпорации». 2020, № 9. С. 5.

2.2. Подготовка к установлению отношений КНР со странами Ближнего Востока

Политические цели Китая на Ближнем Востоке претерпели существенные изменения за последние годы. Во времена Мао Цзэдуна в китайской стратегии регион БВ был частью промежуточной зоны: это было, по сути, игровое поле для конкуренции великой державы, и, хотя она фигурировала в стратегическом мышлении основателя КНР, она не была важна сама по себе. Революционная внешняя политика в первые дни культурной революции подорвала репутацию Китая на Ближнем Востоке, особенно на Аравийском полуострове, где поддержка Китаем оманского мятежа подразумевала свержение монархий Персидского залива³⁹.

В эпоху «реформ и открытости», начатую Дэн Сяопином, китайская внешняя политика характеризовалась изречением из двадцати четырех символов, сводимых к тезису «таогуан янхуэй» («прятаться и выжидать»): «Соблюдайте спокойствие, отстаивайте свою позицию, спокойноправляйтесь с делами, скрывайте свои возможности и выжидайте время, будьте хороши в сдержанности и никогда не претендуйте на лидерство». Такой подход привел к более глубокому уровню международного взаимодействия, поскольку Китай работал над созданием более широкого круга экономических и дипломатических отношений.

Участие Китая в регионе БВСА возросло после 1993 г., когда страна впервые стала крупным импортером нефти. Таким образом, энергетика и рынки объясняют большую часть логики отношений между Китаем и БВ в этот период. Сейчас, по китайской оценке, они находятся на следующем этапе, когда принцип «прятать и выжидать» заменен на «фэн фа йоу вэй» председателя Си Цзиньпина: «быть активными в поиске достижений»⁴⁰. Инициатива «Один пояс, один путь» занимает центральную позицию в выдвинутой концепции, и в регионе БВ интересы Китая в значительной

---

³⁹ Fulton, China's Relations with the Gulf Monarchies, 122–125.

⁴⁰ Yan Xuetong, “From Keeping a Low Profile to Striving for Achievement”, Chinese Journal of International Politics 7 (2), (2014), 153–184.

степени прогрессируют в экономической сфере. Однако в этом расширении влияния Китая явное предпочтение было отдано сохранению статуса-кво, а не оспариванию нового порядка под руководством Китая. Си Цзиньпин высказал это ясно, выступив в Давосе в 2017 г. в защиту глобализации⁴¹.

Премьер Госсовета КНР Ли Кэцян также подчеркнул, что Пекин не пытается создать конкурента международным институтам, которые поддерживают существующий порядок. Обсуждая Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, он заявил: «Китай хочет работать с другими, чтобы поддержать существующую международную финансовую систему»⁴².

Другими словами, прошли времена поддержки революционных (в данном случае речь идет о революции в экономике) негосударственных игроков. Подход Китая заключается, в первую очередь, в работе с государствами, поэтому его связи наиболее тесны с теми, кто разделяет его взгляды на статус-кво в БВ, что, за исключением взаимоотношений с Ираном, согласуется с отношениями США и Ближнего Востока.

КНР выстраивает двусторонние отношения со странами Ближнего Востока с учетом экономических и политических интересов⁴³. Сотрудничество Китая со странами региона складывалось не сразу, и значительную роль в нем сыграло личное участие высших руководителей КНР⁴⁴. Анализ имеющейся информации позволяет выделить несколько этапов эволюции сотрудничества КНР и арабских стран Ближнего Востока (таблица 1).

---

⁴¹ Xi Jinping, “Jointly Shoulder Responsibility of Our Times, Promote Global Growth”, Keynote Speech by H.E. Xi Jinping President of the People’s Republic of China at the Opening Session of the World Economic Forum Annual Meeting, Davos, January 17, 2017, http://www.china.org.cn/node_7247529/content_40569136.htm.

⁴² Lionel Barber, David Piling, and Jamil Anderlini, “Interview: Li Keqiang on China’s Challenges”, Financial Times, April 15, 2015, <https://www.ft.com/content/38307b3e-e28d-11e4-aa1d-00144feab7de>.

⁴³ Michael Swain, «Chinese Views and Commentary on the “One Belt, One Road” Initiative», China Leadership Monitor 47, 2 (2015), 3, p.30.

⁴⁴ Andrew Scobell and Alireza Nader, China in the Middle East: The Wary Dragon (Santa Monica, Calif: RAND Corporation, 2016), p.71.

ТАБЛИЦА 1. Эволюция сотрудничества КНР
и арабских стран Ближнего Востока⁴⁵

№ этапа	Временной период	Страны, с которыми заключено соглашение
1	1950-е	Египет, Сирия, Йемен, Марокко, Алжир, Судан
2	1960-е	Сомали, Тунис, Мавритания
3	1970-е	Кувейт, Ливан, Иордания, Оман, Ливия, Джибути
4	1980–1990-е	ОАЭ, Катар, Палестина, Бахрейн, КСА

В XXI веке отношения с данными странами можно охарактеризовать следующим образом:

1. Высокий уровень визитов на высшем уровне. Председатель КНР Цзян Цзэминь уделял значительное внимание визитам в Ливию и Тунис; Ху Цзиньтао – Сирии, Иордании, Египту, Алжиру. Премьер Госсовета КНР Ли Пэн неоднократно посещал Алжир и Тунис. В свою очередь, лидеры арабских стран и делегации на уровне министров и заместителей министров также неоднократно посещали КНР. Делегационный обмен обеспечил возможность выстроить отношения с арабскими странами на дружеском уровне.

2. КНР и арабские страны Ближнего Востока в целом обладают общими позициями в глобальных и региональных вопросах. После образования в 1949 г. КНР и получения арабскими странами независимости они столкнулись с необходимостью развивать национальную экономику, строить общество «среднего достатка».

По вопросам Ближнего Востока Китай неизменно поддерживает суверенитет арабских государств. КНР стала одной из первых стран, которая поддержала Организацию освобождения Палестины. КНР пропагандирует мирные методы решения конфликтов на БВ. В 2002 г. появилась должность специального посланника по Ближнему Востоку МИД КНР, который оглашает официальную позицию КНР, организует встречи по ближневосточной проблематике.

⁴⁵ Чжао Гочжун. Чжунго вайцзяо чжуанье (Дипломатия Китая) // Издательство АОН КНР, Пекин, 2020, С. 56.

3. Арабские страны оказывают поддержку КНР по тайваньскому вопросу и вопросу соблюдения прав человека, подчеркивая, что «Тайвань – неотделимая часть Китая». В вопросах противодействия терроризму КНР и арабские страны наладили тесное взаимодействие. Таким образом, приведем слова председателя КНР Ху Цзиньтао: «Не важно, каковы изменения международной обстановки на Ближнем Востоке, Китай – преданный друг арабского народа».

В новую эру объявление проекта «Один пояс, один путь» председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. подтвердило стратегическую важность ближневосточных государств в geopolитических амбициях Китая. Экономический пояс Шелкового пути, представляющий сухопутный маршрут через Евразию, и Морской шелковый путь XXI века через Индийский океан – проекты технической и социальной инфраструктуры, предназначенные для соединения рынков от Восточно-Китайского до Средиземного моря⁴⁶.

В то время как политическое руководство КНР в своих официальных заявлениях подчеркивает, что китайский проект политически нейтрален, открыт для всех и каждого, Китай становится важным игроком в Евразии и Индийском океане, на территории которых находятся более половины мирового населения и четверть мирового валового внутреннего продукта (ВВП)⁴⁷. Такое положение делает Китай ведущим государством региона по вопросам политической, экономической стабильности, а также вопросам глобальной и региональной безопасности.

Концепция проекта «Один пояс, один путь» возникала не сразу. В 2015 г. МИД и Министерство торговли Китая вместе с Государственным комитетом по развитию и реформе выпустили дорожную карту проекта «Видение и действия по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути в XXI веке» с изложением целей проекта и пяти

---

⁴⁶ Anoushiravan Ehteshami and Niv Horesh, eds., *China's Presence in the Middle East: The Implications of the One Belt, One Road Initiative* (London: Routledge, 2018), p. 28.

⁴⁷ Lily Kuo and Niko Kommeda, «What is China's Belt and Road Initiative?» *Guardian*, July 30, 2018 / <https://www.theguardian.com/cities/ng-interactive/2018/jul/30/what-china-belt-road-initiative-silk-road-explainer>.

приоритетов сотрудничества, которых китайское правительство, государственные и частные предприятия будут придерживаться при работе с государствами-участниками:

1. «координация политики» (стимулирование межправительственного сотрудничества, многоуровневого межправительственного обмена в областях макрополитики и коммуникации);
2. «связь сооружений и объектов» (улучшение взаимосвязи между планами инфраструктурного строительства и системами технических стандартов);
3. «беспрепятственная торговля» (сокращение инвестиций и торговых барьеров, содействие региональной экономической интеграции);
4. «финансовая интеграция» (координация и сотрудничество в области финансово-кредитной политики, создание финансовых институтов);

5. «связи между людьми» (культурный, академический обмен и тесное взаимодействие со средствами массовой информации (СМИ)⁴⁸.

В 2015 г. политическое руководство КНР провело в г. Чунцин совещание с представителями стран Азии и Европы, на котором была объявлена структура проекта «ОПОП». Он подразумевал наличие шести коридоров, берущих начало в КНР и проходящих далее через Евразию и Индийский океан⁴⁹. Один из них, экономический коридор «Китай – Центральная Азия» (ЦА), демонстрирует, что ближневосточный регион является конечной точкой, проходящей через ЦА перед дальнейшим разветвлением в Иран, Сирию и Турцию. Это единственный экономический коридор, проходящий через Ближний Восток.

---

⁴⁸ «Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road», National Development and Reform Commission, Ministry of Foreign Affairs, and Ministry of Commerce of the People’s Republic of China, with State Council Authorization, March 2015 / http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html.

⁴⁹ He Yini, «China to Invest \$900b in Belt and Road Initiative», China Daily, May 28, 2015 / https://usa.chinadaily.com.cn/business/2015-05/28/content_20845687.htm.

В 2017 г. состоялся первый форум «Один пояс, один путь» в Пекине. В мероприятии приняли участие делегации из более чем ста тридцати стран, в том числе двадцать девять глав государств, что доказывает значительный интерес к инициативе со стороны международной общественности⁵⁰.

Проект «ОПОП» был официально вписан в Устав Коммунистической партии Китая⁵¹ (КПК) в 2017 г., связывая долгосрочную повестку внешней политики Поднебесной с успехом стратегического проекта⁵². Китайские специалисты отмечают, что это также связано и с личными мотивами председателя КНР Си Цзиньпина, что еще больше подчеркивает важность данного проекта для КПК.

По оценкам китайских политологов, председатель Си к 2019 г. уже «выполнил и перевыполнил» норму, рассчитанную на два срока нахождения у власти, и в ближайшей перспективе продолжит использовать свои полномочия в КПК, чтобы направить политические, экономические и дипломатические ресурсы на развитие проекта «ОПОП».

Существуют основополагающие доктринальные документы, опи- сывающие форму сотрудничества между Поднебесной и странами БВ в эпоху Шелкового пути, позволяющие понять ближневосточную стратегию Китая на современном этапе. Так, основным документом в данной области является *«Видение и действия по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути в XXI веке»*⁵³, анализ которого дает общее представление о роли и месте стран Ближнего Востока в китайской

---

⁵⁰ «Joint Communique of the Leaders Roundtable of the Belt and Road Forum for International Cooperation», Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China, May 16, 2017 / https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1462012.shtml.

⁵¹ Устав Коммунистической партии Китая принят с частичными поправками XIX Всекитайским съездом КПК 24 октября 2017 г.

⁵² Brenda Goh and John Ruwitch, «Pressure on as Xi’s ‘Belt and Road’ Enshrined in Chinese Party Charter», Reuters, October 24, 2017 / <https://www.reuters.com/article/us-china-congress-silkroad/pressure-on-as-xis-belt-and-road-enshrined-in-chinese-party-charter-idUSKBN1CT1IW>.

⁵³ Видение и действия по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути в XXI веке / <http://ru.china-embassy.org/rus/ggl/t1257296.htm> (дата обращения: 10.09.2020).

инициативе. Акцент в «Видении и действиях...» сделан на приоритетах сотрудничества, с помощью которых Китай уже развивает двусторонние отношения с ближневосточными странами.

«*Положение о политике взаимодействия арабских стран и Китая*»⁵⁴, выпущенное в 2016 г. в связи с поездкой председателя КНР Си Цзиньпина на Ближний Восток, является конкретизирующим документом, в котором отмечается, что «Китай готов координировать стратегии развития с арабскими странами, использовать преимущества и возможности друг друга, продвигать международное сотрудничество в области производственного потенциала и расширение сотрудничества в следующих областях: строительство инфраструктуры, торговля и инвестиции, ядерная энергетика, космическая промышленность, «новая энергетика» (новые и возобновляемые источники энергии), сельское хозяйство и финансы. Все вышеперечисленное необходимо для достижения общего прогресса, развития и принесет пользу обеим сторонам», – отмечается в документе.

В подразделе доктринального документа, посвященном сотрудничеству в рамках инициативы «Шелковый путь», представлена схема сотрудничества по формуле «1 + 2 + 3», согласно которой КНР и арабские страны совершенствуют сотрудничество, принимая за основу область энергетики. Строительство инфраструктуры, содействие торговле и инвестициям выступают в качестве двух «крыльев», а высокие и новые технологии в области ядерной энергии, космической промышленности и новой энергии – в качестве «трех передовых достижений». С момента публикации этого документа отношения между Китаем и участниками ССАГПЗ приобрели гораздо более конкретную форму, следуя формуле «1 + 2 + 3», причем, как отмечают китайские политологи, энергетические технологии являются особенно важным компонентом данных отношений⁵⁵.

---

⁵⁴ Положение о политике взаимодействия арабских стран и Китая / https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/xybfs_673327/dqzzhzjz_67331/zgalb_673389/ (дата обращения: 10.09.2020).

⁵⁵ Шатэлабоюй чжунгоцзинмаохэцзо (Саудовская Аравия и торгово-экономическое сотрудничество с КНР / <http://history.mofcom.gov.cn/?bandr=stalbyzgdjmhz> [Электронный ресурс] Ministry of Commerce of People's Republic of China (дата обращения: 01.05.2019).

Во взаимодействии со странами ближневосточного региона КНР придерживается основного принципа своей дипломатии – неучастие в союзах и блоках. Китайский подход учитывает традиционную позицию Пекина по вопросам национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела других стран в соответствии с пятью принципами мирного сосуществования: «взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности», «ненападение», «невмешательство во внутренние дела друг друга», «равенство и взаимная выгода», «мирное развитие». Данные принципы записаны в Конституции КНР⁵⁶ 1982 г. и являются основополагающими установками при развитии отношений с зарубежными странами.

Оценивая происходящие на Ближнем Востоке события, китайские чиновники и руководители государственных предприятий настойчиво ищут расположения практически всех государств ближневосточного региона, пропагандируя возможности взаимовыгодного развития. Китай не несет на себе такой же «политический багаж», как Соединенные Штаты или бывшие колониальные державы (Великобритания, Франция, Португалия). Таким образом, феномен политики Китая можно описать как процесс, начатый с чистого листа.

Китай наладил связи с израильтянами и палестинцами, саудитами и иранцами, а также с эмиратцами и катарцами. Аполитичная, ориентированная на развитие логика Пекина важна: несмотря на изначально стратегический характер выстраивания международной инфраструктуры, китайское руководство настаивает на том, что проект «ОПОП» является возможностью для всех, и отталкивает попытки исключить из него определенные государства⁵⁷. Развитие стратегического проекта в данном ключе позволяет Китаю расширять свое присутствие в конкурентной среде, не увязая в политических интересах и вопросах обеспечения региональной безопасности.

---

⁵⁶ Конституция КНР // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. – Пекин, 2004. – 55 с.

⁵⁷ Xie Tao, «Is China's 'Belt and Road' a Strategy?», *Diplomat*, December 16, 2015 / <http://thediplomat.com/2015/12/is-chinas-belt-and-road-a-strategy/>.

Анализ китайских источников позволяет утверждать, что суть используемого КНР дипломатического инструмента для упрощения организации и проведения мероприятий нейтральной политики заключается во внедрении принципов партнерской дипломатии, а не формировании альянсов⁵⁸. Китайские политологи считают, что «в альянсе более сильная сторона опасается, что может быть втянута в конфликты более слабой стороны, в то время как более слабая сторона боится того, что ее бросят в трудной ситуации»⁵⁹.

Стратегическое партнерство, основанное на взаимовыгодном сотрудничестве, устраниет эти опасения, уменьшая количество обязательств с обеих сторон. Так, «обе стороны соглашаются сотрудничать в областях общих интересов, одновременно управляя областями потенциальной конкуренции. Работая над общими интересами, партнеры ориентированы на цели, а не на угрозы, и предлагают пути по улучшению отношений в других вопросах»⁶⁰.

Так называемые стратегические партнерства Китая имеют широкий спектр иерархических отношений, начиная от «дружеского кооперативного партнерства» до «всебъемлющего стратегического партнерства». Каждый уровень взаимодействия имеет свои приоритеты, но немногие из них по своей сути касаются только формальных обязательств.

Наивысшим уровнем является залог полного стремления к сотрудничеству и развитию, но он не привязывает ни одну из сторон к потенциально дорогостоящим политическим мерам по обеспечению безопасности⁶¹. Анализ официальных материалов МИД КНР позволяет сформировать иерархию существующих видов партнерств, применяемых КНР к странам Ближнего Востока, их виды и присущие им приоритеты (таблица 2).

---

⁵⁸ Jonathan Fulton, «Friends with Benefits: China's Partnership Diplomacy in the Gulf», Project on Middle East Political Science Studies 32, 2019, p. 75.

⁵⁹ Glen Snyder, «The Security Dilemma in Alliance Politics», World Politics 36, 4 (2015), p. 121.

⁶⁰ Georg Strüver, «China's Partnership Diplomacy: International Alignment Based on Interests or Ideology», Chinese Journal of International Politics, 10, 1 (2017), p. 32–37.

⁶¹ «Quick Guide to China's Diplomatic Levels», South China Morning Post, January 20, 2016, p. 12.

ТАБЛИЦА 2. Иерархия видов партнерства, применяемая КНР к странам Ближнего Востока⁶²

Вид партнерства	Приоритеты
Всеобъемлющее стратегическое партнерство	полный спектр сотрудничества в отношениях с государством на региональном и глобальном уровнях
Стратегическое партнерство	тесные отношения с государством на региональном и глобальном уровнях, включая военную сферу
Всеобъемлющее кооперативное партнерство	высокий уровень делегационного обмена и контактов на разных уровнях, наличие некоторых общих интересов
Кооперативное партнерство	кооперация в некоторых областях, основанием партнерства выступает взаимное уважение
Дружественное кооперативное партнерство	основанная на торговле кооперация

В отношениях с государствами БВ официальный Пекин не придерживается какого-то одного вида, а планомерно использует сразу несколько видов партнерства. Что характерно, такой подход не втянул КНР в региональное соперничество. Так, например, в январе 2016 г. председатель КНР Си Цзиньпин отправился на Ближний Восток, первоначально посетив Саудовскую Аравию, где лидеры двух стран подписали соглашение о «всеобъемлющем стратегическом партнерстве»⁶³. Затем он вылетел в Тегеран и заключил аналогичное соглашение с правительством Ирана⁶⁴.

По состоянию на 2020 г. Китай подписал соглашения о «всеобъемлющем стратегическом партнерстве» с пятью государствами БВ и

⁶² Pang Xun, Liu Lida, Ma Stephanie. China's Networking Strategy for Seeking Great Power Status. The Chinese Journal of International Politics, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 1–29.

⁶³ «KSA, China Agree on Strategic Partnership», Arab News, January 21, 2016 / <http://www.arabnews.com/saudi-arabia/news/868276>.

⁶⁴ Епихина Р. А. Роль электроэнергетики во внешнеэкономической экспансии КНР // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. № 12 (6). С. 188–202.

соглашения о «стратегическом партнерстве» с восемью другими. То, что КСА, ОАЭ, ИРИ, Арабская Республика Египет (АРЕ) и Алжир являются государствами БВ, подписавшими с Китаем соглашения о «всестороннем стратегическом партнерстве», указывает на то, что Пекин воспринимает их как наиболее важные региональные государства, а также демонстрирует, что политика КНР в отношении БВ в большей степени ориентирована на страны Персидского залива. Следует обратить внимание, что все государства Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, кроме Бахрейна, подписали договоры о партнерстве с Китаем (таблица 3).

*ТАБЛИЦА 3. Виды партнерств КНР с некоторыми странами
Ближнего Востока⁶⁵*

Страна	Уровень партнерства	Дата установления
Турция	Стратегическое партнерство	2010
Алжир	Всеобъемлющее стратегическое партнерство	2014
Египет	Всеобъемлющее стратегическое партнерство	2014
Катар	Стратегическое партнерство	2014
Ирак	Стратегическое партнерство	2015
Иордания	Стратегическое партнерство	2015
Иран	Всеобъемлющее стратегическое партнерство	2016
Марокко	Стратегическое партнерство	2016
КСА	Всеобъемлющее стратегическое партнерство	2016
Джибути	Стратегическое партнерство	2017
Кувейт	Стратегическое партнерство	2018
Оман	Стратегическое партнерство	2018
ОАЭ	Всеобъемлющее стратегическое партнерство	2018

⁶⁵ «China, Iran Lift Bilateral Ties to Comprehensive Strategic Partnership», Xinhua, January 23, 2016 / http://www.chinadaily.com.cn/world/2016xividitmiddleeast/2016-01/23/content_23215522.htm.

Китайские аналитики полагают, что следует отличать партнерские отношения от союзов и сотрудничества. Для заключения союза между его участниками, как правило, подписывается договор, обладающий юридической силой в международном праве, в котором определяются обязательства и цели объединения государств. Партнерские отношения не имеют этих признаков: для их установления главы государств подписывают меморандум или комюнике⁶⁶. У партнерских отношений нет четких обязательств и ограничивающих условий, но присутствует определенная гибкость взаимодействия⁶⁷. Сотрудничество по сравнению с партнерскими отношениями меньше по масштабу и уже по числу сфер взаимодействия⁶⁸.

Следует отметить, что почти все страны БВ подписали свои соглашения о партнерстве в последнее десятилетие, за исключением Египта, который сделал это еще в 1999 г. Как правило, Китай развивал иерархию взаимоотношений с партнерами посредством государственных визитов, предлагая возможность в перспективе улучшить существующие отношения. На Ближнем Востоке всплеск китайской дипломатической активности на высшем уровне с 2013 г. подкрепляется реализацией проекта «Один пояс, один путь»⁶⁹.

Учитывая этот факт, можно обоснованно ожидать, что государства, которые еще не имеют соглашений о партнерстве с Китаем, подпишут партнерские соглашения среднего уровня во время государственных визитов или многосторонних форумов, таких как

---

⁶⁶ Сишио чжунго дуйвай хобань гуаньси: чжаньлюэ сецзо вэй цзуйгао цэнцизи: [Китайское внешнеполитическое партнерство: стратегическое сотрудничество на высшем уровне] / <http://finance.sina.com.cn/china/20141124/024420898324.shtml> (дата обращения: 29.08.2020).

⁶⁷ Дай Вэйлай. Чжунгодэ «цзебань вайцзяо» чжаньлюэ: тэчжэн, юанью цзи луцзин: [Стратегия китайской «дипломатии создания партнерств»: особенности, причины и пути] // Сианьдай гоцзы гуаньси. 2015. № 10. С. 30.

⁶⁸ Бедарева Н. И. Дипломатия партнерства КНР: уровни партнерских отношений // Проблемы Дальнего Востока № 2, 2019 г., р. 114–125.

⁶⁹ Feng Zhongping and Huang Jing, «China's Strategic Partnership Diplomacy: Engaging with a Changing World», European Strategic Partnership Observatory, working paper 8 (2014), 9., p. 129.

«Стратегический диалог Китай – ССАГПЗ», форум сотрудничества «Китай – арабские страны», форум «Один пояс, один путь».

Форум «Стратегический диалог Китай – ССАГПЗ» начался в Пекине в 2010 г. В его рамках проведено два этапа: первый в Абу-Даби в 2011 г.; второй – в Пекине в 2014 г. Как отмечают китайские политологи, диалог отличался недостаточной эффективностью в отношении сиюминутных результатов. Однако его важность заключается в определении путей среднесрочного и долгосрочного сотрудничества, главным образом в сфере экономики.

Китай и ССАГПЗ использовали такой формат отношений для оживления переговоров по давно ожидаемому соглашению о свободной торговле. Переговоры были начаты в 2004 г., но прекратились в 2009 г. Введение «Стратегического диалога» позволило возобновить переговоры, которые набрали обороты в начале 2016 г., когда председатель КНР Си Цзиньпин объявил о желании оперативно их провести.

Форум сотрудничества «Китай – арабские страны» был создан в 2004 г. во время государственного визита председателя КНР Ху Цзиньтао в Египет, в рамках которого состоялась встреча с генеральным секретарем Лиги арабских государств (ЛАГ) А. Мусой. Форум был создан в качестве многосторонней платформы для Китая и участников ЛАГ, состоящей из двадцати двух членов, для обмена мнениями, консультаций и развития сотрудничества в политике, торговле, культуре, технологиях и международных отношениях⁷⁰.

Форум «Один пояс, один путь» на уровне министров проводится раз в два года с участием глав МИД стран-участниц. На этих встречах устанавливаются общие цели на следующие два года. Так, в 2016 г. основное внимание уделялось сотрудничеству в рамках проекта «Один пояс, один путь» и модели сотрудничества в формате «1 + 2 + 3»⁷¹. Форум получил международное признание летом 2018 г., когда в Пекине было проведено совещание на

---

⁷⁰ «Backgrounder: China-Arab States Cooperation Forum», Xinhua, May 12, 2016 / http://news.xinhuanet.com/english/2016-05/12/c_135354230.html.

⁷¹ «The 7th Ministerial Meeting of the China-Arab States Cooperation Forum Concludes in Doha», Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, May 12, 2016 / http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1363599.html.

уровне министров, ознаменовавшее приверженность КНР принципам стабильности в странах БВ, обеспечению совместного развития, а также позволило наметить модель включения ближневосточных стран в проект «ОПОП».

После этого Китай выделил более 23 млрд долл. США в форме кредитов, материальной помощи и инвестиций: 20 млрд долл. в виде займов для государств, нуждающихся в восстановлении, 3 млрд долл. в виде специальных займов для финансового сектора региона, около 150 млн долл. на поддержку социальной стабильности, 90 млн долл. на гуманитарную помощь и восстановление Йемена, Сирии, Иордании и Ливана⁷².

Такой акцент на развитии, как пути к стабильности, является общепринятым подходом в ситуациях, когда китайские лидеры обсуждают безопасность на Ближнем Востоке. Например, на форуме сотрудничества «Китай – арабские страны» представитель КНР Ли Ченвен отметил: «Корень проблем на Ближнем Востоке лежит в развитии, и единственное решение также находится в развитии». Министр иностранных дел КНР Ван И высказал аналогичную точку зрения в 2014 г., заявив: «Мы считаем, что развитие играет ключевую роль и служит основой для решения всех проблем... Что касается арабских стран, то наиболее важной задачей, стоящей перед ними, является национальное развитие и модернизация экономики»⁷³.

Помимо приверженности развитию, еще одним тезисом, объявленным во время форума в 2018 г., стала инициатива «Соединение портов и индустриальных парков: двухколесный и двухкрылый подходы». Эта неизящно названная инициатива описывает принцип того, как связующие элементы «Шелкового пути» будут реализованы в регионе стран БВ, «сигнализируя», с какими госу-

---

⁷² Laura Zhou, «China Pledges US\$23 Billion in Loans and Aid to Arab States as it Boosts Ties in Middle East», South China Morning Post, July 10, 2018 / <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2154642/china-pledges-us23-million-loans-and-aid-arab-states-it.html>.

⁷³ «Development Key to Solving Middle East Problems: Chinese Diplomat», Xinhua, August 25, 2016 / www.xinhuanet.com/english/2016-08/25/c_135630804.html.

дарствами Китай планирует наиболее тесно взаимодействовать. В этой модели «двумя колесами» являются энергетическое взаимодействие (углеводороды и новые источники энергии), а «два крыла» – сотрудничество в области технологий (искусственный интеллект, телекоммуникационная сфера), а также инвестиции и финансы.

Проводя аналогии, китайские политологи приходят к выводу, что данный подход основан на формуле сотрудничества «1 + 2 + 3»⁷⁴. Однако «Соединение портов и индустриальных парков» является новым взглядом на то, что Китай уже делал в ближневосточном регионе. Региональные индустриальные парки, разрабатываемые китайскими консорциумами, будут соединяться с портами, где Китай также имеет значительное присутствие, создавая бизнес-кластеры и организуя цепочки поставок через страны БВ.

Известно, что интересующими китайских предпринимателей индустриальными парками являются: зона свободной торговли порта Халифа в Абу-Даби (ОАЭ), Управление по особым экономическим зонам в городе Дукм (Оман), город Джазан для предприятий перерабатывающей промышленности (Саудовская Аравия), зона ТЕДА-Суец в Айн-Сохне (Египет). К наиболее привлекательным портам относятся: промышленная зона Халифа (ОАЭ), город Дукм (Оман), Порт-Саид (Египет).

Все вместе они представляют для Китая цепь стратегически расположенных опорных пунктов в Персидском заливе, Аравийском море, Красном и Средиземном морях, а также дают представление о том, как инициатива «Один пояс, один путь» может приобрести более глубокий уровень интеграции внутри региона между государствами-участниками.

Примером китайского подхода является повышение уровня отношений между КНР и ОАЭ, зафиксированное во время визита Си Цзиньпина, который посетил Абу-Даби в 2018 г. Отношения между двумя государствами были доведены до «всеобъемлющего

---

⁷⁴ «Wang Yi: China and Arab States Should Jointly Forge the Cooperation Layout Featuring ‘Industrial Park-Port Interconnection, Two-Wheel and Two-Wing Approach’», Consulate-General of the People’s Republic of China in Kuching, July 10, 2018 / <https://kuching.chineseconsulate.org/eng/news/t1576567.html>.

стратегического партнерства», основанного на «стратегическом партнерстве», установленном в 2012 г.⁷⁵

С другой стороны, в совместном коммюнике двух стран отмечена «конструктивная роль, которую ОАЭ играет в региональных делах». Этот факт указывает на то, что официальный Пекин в целом разделяет взгляды ОАЭ в отношении текущей ситуации между странами БВ, а ОАЭ получают поддержку Китая при продвижении своего политического курса в регионе.

В рамках визита эмира Катара Т. бен Хамада Аль Тани в Пекин в январе 2019 г. отношения между двумя странами не были выведены на новый уровень, и стороны согласились вместо этого углублять сотрудничество в рамках существующего «стратегического партнерства», подписанного в 2014 г. Данное событие стоит рассматривать как пример сдержанности китайского политического руководства.

Представляется возможным утверждать, что в продолжающемся кризисе в Персидском заливе Пекин решил оказать поддержку Абу-Даби, а не Дохе, что само по себе не удивительно, так как более глубокие связи с так называемой антитеррористической четверкой (ОАЭ, КСА, Бахрейн и Египет) предлагаются Пекину в совокупности больше потенциальных возможностей, чем отдельно взятый Катар. Исключением является достаточно разноплановое военно-техническое сотрудничество (ВТС) КНР с Дохой.

В то же время катарский экспорт сжиженного природного газа (СПГ) в Китай составляет 28 % от потребляемого внутри страны, что делает хорошие отношения с Катаром важным фактором в обеспечении энергетической безопасности КНР. Оказавшись перед выбором, Китай склонил чашу весов в сторону ОАЭ, тем не менее он продолжает прилагать усилия для поддержания позитивных отношений с Катаром⁷⁶.

В целом политика КНР в отношении стран БВ в большей степени ориентирована на страны Персидского залива. Китайское руководство использует сразу несколько видов партнерств со странами БВ,

⁷⁵ «UAE, China Issue Statement on Strategic Partnership», Gulf Today, July 21, 2018 / <http://gulftoday.ae/portal/fe7e22af-6fcf-4caf-ac37-134985a5f88f.aspx>.

⁷⁶ «China, Qatar Agree to Deepen Strategic Partnership», Xinhua, February 1, 2019 / http://www.china.org.cn/world/2019-02/01/content_74431225.htm.

что позволяет в большинстве случаев избегать конфликтных ситуаций. Исходя из перечня стран, подписавших с Китаем соглашения о «всестороннем стратегическом партнерстве», представляется возможным утверждать, что официальный Пекин воспринимает КСА, ОАЭ, Иран, Египет и Алжир как наиболее важные страны для расширения своей экономической и политической деятельности на Ближнем Востоке.

Таким образом, в КНР разработаны и активно продвигаются основополагающие политические документы, описывающие форму сотрудничества между Поднебесной и странами Ближнего Востока, которые позволяют дать общее представление о роли и месте стран Ближнего Востока в китайской инициативе «Один пояс, один путь». При этом при взаимодействии со странами БВ Китай не рассчитывает на сиюминутную выгоду, поскольку его вложения смогут окупиться только в долгосрочной перспективе.

2.3. Роль дипломатической службы КНР в развитии контактов со странами Ближнего Востока

Анализ китайских источников показывает, что решающую роль в укреплении связей КНР со странами Ближнего Востока играет дипломатическая служба⁷⁷.

В КНР дипломатические функции возложены на Министерство иностранных дел. Оно представляет государство в целом за границей через свои зарубежные представительства, отвечает за официальные дипломатические отношения с иностранными государствами, включая назначение, отзыв послов и других дипломатических пред-

---

⁷⁷ Цай То. Цюаньцюхуа гайнянь дуй Чжунго дуйвай чжаньлюди инсян – дуй гайгэ кайфанди линь ичжун шэньши [Влияние концепции глобализации на внешнеполитическую стратегию Китая – другой взгляд на политику реформ и открытости] // Цюаньцюо давянъгэ юй Чжунго дуйвай дачжаньлю [Глобальные перемены и внешнеполитическая стратегия Китая]. Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2009. С. 3–16.

ставителей, за ведение переговоров о подготовке международных договоров и соглашений⁷⁸.

МИД Китая заявляет официальные протесты иностранным правительствам, руководит дипломатическими представительствами за границей, а также обеспечивает или оказывает помощь в наборе, обучении и назначении китайского дипломатического персонала, включая переводчиков, готовит информацию для ЦК КПК и правительства, а также свои предложения по внешнеполитическим вопросам, реализует принятые решения⁷⁹.

Повседневной оперативной и аналитической работой в МИД КНР в отношении стран Ближнего Востока занимаются два территориальных департамента – Западной Азии и Северной Африки и Африки, а также пять функциональных департаментов – протокольный, информации, международных организаций, консульский, технико-административный.

МИД КНР не является единственным дипломатическим органом. Высший эшелон китайских руководителей, партийных, государственных и военных осуществляет дипломатические функции, особенно при визитах за рубеж и приеме иностранных представителей высшего и высокого уровня, не в меньшей мере, чем аппарат Министерства иностранных дел. Кроме того, существует и достаточно разветвленный аппарат Министерства внешней торговли, осуществляющий экономические связи КНР, в которых дипломатия играет немалую роль.

В последнее время Пекин развернул на Ближнем Востоке необычное по своим масштабам и активности «дипломатическое наступление». В числе мер, предпринятых китайской дипломатией, обращает на себя внимание назначение специальными представителями (наряду с постоянным представителем правительства

---

⁷⁸ Закон КНР об аккредитованных за рубежом дипломатических работниках // Принят на 11-м съезде ПК ВСНП одиннадцатого созыва (31.11.2009 г.).

⁷⁹ Козыкина, Н. В. Особенности дипломатии современного Китая : учеб. пособие / Н. В. Козыкина, К. Г. Муратшина; [науч. ред. В. И. Михайленко] ; М-во образования и науки РФ, Урал. федеральный ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 148 с.

КНР по Сирии) еще нескольких высокопоставленных дипломатов для работы в условиях ближневосточного кризиса.

Как показывает анализ деятельности китайских представителей, их основная задача состоит в том, чтобы в рамках антикризисных мероприятий Китая активизировать контакты высокого уровня со странами ближневосточного региона, а также консолидировать имеющиеся возможности по стабилизации обстановки в Сирии⁸⁰.

По имеющимся откликам, в арабских официальных кругах деятельность китайских дипломатов оценивается в целом высоко. Их регулярные визиты в страны региона для проведения консультаций и переговоров по наиболее острым вопросам текущей ситуации в Сирии позволяют Пекину оперативно реагировать на возникающие проблемы, активно решать посреднические задачи и обеспечивать необходимые коммуникации с арабскими партнерами, поддерживать динамику отношений, атмосферу доверия и стимулировать взаимный интерес⁸¹.

В русле проводимой ближневосточной политики ряд мероприятий прошел с личным участием высших китайских руководителей. Важную роль в формировании сбалансированных отношений с арабскими партнерами на новом этапе сыграли состоявшиеся в январе 2012 г. визиты премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в Саудовскую Аравию, Катар и ОАЭ. Основные итоги визитов позволили Пекину форсировать создание зоны свободной торговли с государствами Персидского залива, которая может содействовать дальнейшему масштабному увеличению их сотрудничества с Китаем (таблица 4).

Особую роль в формировании сбалансированной ближневосточной политики Китая сыграли мероприятия, проведенные по случаю 20-й годовщины установления китайско-израильских дипломатических отношений, и состоявшийся в марте 2012 г. визит в КНР заместителя премьер-министра, министра иностранных дел

⁸⁰ Joseph S. Nye, Jr. and Condoleezza Rice, The Struggle for Power, U.S.-China Relations in the 21-st Century / The Aspen Institute, 2020, 170 p.

⁸¹ Свешников А. А. Внешнеполитические концепции КНР и концептуальные представления китайских специалистов-международников. – М.: ИДВ РАН, 1999. – 180 с.

Израиля А. Либермана. Выступая на приеме в посольстве КНР в Тель-Авиве, премьер-министр Б. Нетаньяху высоко оценил сотрудничество с КНР и заявил о расширении китайско-израильских связей в предстоящие годы⁸².

ТАБЛИЦА 4. Визиты председателей КНР в ИРИ, КСА и Израиль в период с 1992 по 2019 гг.

Председатель КНР	Иран	Саудовская Аравия	Израиль
Цзян Цзэминь (1990–2003)	7	7	4
Ху Цзиньтао (2003–2012)	4	14	4
Си Цзиньпин (2012 – н. в.)	4	5	5

Поддержку израильских руководителей получили усилия Китая по стабилизации обстановки на Ближнем Востоке и укреплению международной безопасности. Так, по словам заместителя премьер-министра Израиля Д. Меридора, «Израиль приветствует политику КНР по иранской ядерной проблеме и по мирному урегулированию израильско-палестинских отношений». Большое значение китайско-израильского сотрудничества для поддержания мира и стабильности в регионе подчеркивается и в заявлениях китайских руководителей⁸³.

По оценкам некоторых западных и китайских специалистов, можно говорить о том, что в израильских политических кругах в целом с пониманием относятся к политике КНР по сирийскому вопросу и приветствуют стремление Китая не допустить разгула радикализма и терроризма в регионе (таблица 5).

⁸² Галенович Ю. М. Войны Нового Китая и его дипломатическая служба. – М. : Восточная книга, 2012. – 640 с.

⁸³ Дипломатия Китайской Народной Республики // Дипломатия иностранных государств / Под ред. Т. В. Зоновой. М. : РОССПЭН, 2004 [Электронный ресурс] / <http://mgimo.ru/upload/iblock/703/703aacdab015f762bad63cd929f9e893.pdf>.

ТАБЛИЦА 5. Визиты делегаций политического руководства КНР в ИРИ, КСА и Израиль в период с 1992 по 2019 гг.

Председатель КНР	Иран	Саудовская Аравия	Израиль
Цзян Цзэминь (1990–2003)	4	1	9
Ху Цзиньтао (2003–2012)	6	2	6
Си Цзиньпин (2012 – н. в.)	5	4	4

Военно-дипломатическую службу в ближневосточных странах Пекин осуществляет на основе принципов равенства и взаимной выгоды. КНР выступает за новую концепцию безопасности, характеризующуюся взаимными доверием и выгодой, равенством и взаимодействием, а также за расширение военных связей, которые не приводили бы к конфронтации и не были бы направлены против третьей стороны⁸⁴.

Подчиняя военную дипломатию нуждам государственной внешней политики и ставя ее на службу модернизации оборонного дела и армии, руководство ВС Китая придерживается активного, гибкого и делового стиля, прилагает усилия к стимулированию и укреплению отношений доверия, дружбы и сотрудничества со всеми ближневосточными армиями⁸⁵. НОАК содействует созданию эффективных механизмов коллективной безопасности и укреплению доверия, активно расширяет возможности сотрудничества в военной сфере и сфере безопасности, тем самым создает безопасную среду для мирного развития (таблица 6)⁸⁶.

⁸⁴ Совместное формирование новых партнерских отношений сотрудничества и взаимного выигрыша, создание сообщества единой судьбы: выступление председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН (28 сентября 2015 г., Нью-Йорк) [Электронный ресурс] / <http://ru.chinaembassy.org/rus/ztbd/QQ13/t1320669.html> (дата обращения: 26.01.2019).

⁸⁵ Журнал «Корабельное знание». – Пекин: Изд-во Китайской кораблестроительной промышленной корпорации. 2017. № 9. – С. 34–39.

⁸⁶ Журнал «Корабельное знание». – Пекин: Изд-во Китайской кораблестроительной промышленной корпорации. 2017. № 8. – 98 с.

ТАБЛИЦА 6. Визиты министров обороны КНР в ИРИ, КСА и Израиль в период с 1992 по 2019 гг.

Председатель КНР	Иран	Саудовская Аравия	Израиль
Цзян Цзэминь (1990–2003)	–	1	1
Ху Цзиньтао (2003–2012)	–	1	2
Си Цзиньпин (2012 – н. в.)	1	1	1

Китай регулярно направляет в ближневосточные страны группы военно-технических экспертов для участия в подготовке кадров и проведения научных исследований. Например, представители КНР проходят военное обучение в Пакистане и Кувейте. В свою очередь, МО КНР регулярно принимает военно-технические делегации ближневосточных стран. Сферами делегационного обмена являются: научные исследования, военное образование, проведение учений, управление войсками, организация медицинской службы и др. Другим направлением военного сотрудничества является проведение на территории выставок и военно-технических форумов, на которых ближневосточным заказчикам демонстрируется продукция китайского оборонно-промышленного комплекса (ОПК) (таблица 7).

ТАБЛИЦА 7. Визиты делегаций Минобороны КНР в ИРИ, КСА и Израиль в период с 1992 по 2019 гг.

Председатель КНР	Иран	Саудовская Аравия	Израиль
Цзян Цзэминь (1990–2003)	–	–	1
Ху Цзиньтао (2003–2012)	–	–	2
Си Цзиньпин (2012 – н.в.)	2	1	–

С 1998 г. на регулярной основе (раз в два года) в КНР выпускаются Белые книги «Национальная оборона Китая», в которых нашли отражение такие вопросы, как оценка военно-политической обстановки в мире, основы оборонной политики и военного строительства Китая⁸⁷. Не стало исключением и видение близкневосточного региона, которое последовательно формировалось с появлением каждого нового доктринального документа.

Например, в январе 2017 г. Госсовет КНР опубликовал документ «Белая книга по обороне: политика Китая в отношении сотрудничества в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе», который обращает внимание на активизацию многостороннего международного сотрудничества, хотя двусторонний формат взаимодействия по тем или иным вопросам более предпочтителен для властей КНР⁸⁸. Это еще раз свидетельствует о пересмотре Пекином места Китая в системе международных отношений и его стремлении усилить роль страны как «ответственной мировой державы». Представленная китайским руководством концепция сотрудничества предусматривает укрепление экономического сотрудничества государств, в том числе в рамках выдвинутого КНР проекта «Один пояс, один путь» со странами Ближнего Востока.

В 2019 г. Госсовет КНР опубликовал Белую книгу «Национальная оборона Китая в новую эру»⁸⁹. В этом документе значительное место занимает описание нового витка научно-технической революции и промышленных преобразований, породивших такие передовые технологии, как искусственный интеллект, квантовая информация, BigData, облачные вычисления и Интернет вещей. Отмечены новые тенденции в военном деле, которые связаны с необходимостью ведения боевых действий в условиях экстремальных погодных условий. В новую эру предполагается значи-

---

⁸⁷ Трощинский П. В. Эволюция правовой системы Китайской Народной Республики (1949–2018 гг.): историко-правовой аспект (с перечнем действующих законов КНР) – М.: Издательский дом ВКН, 2018. – 184 с.

⁸⁸ Политика Китая в отношении сотрудничества в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. – Пекин, 2017. – 56 с.

⁸⁹ Национальная оборона КНР в новую эпоху // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. – Пекин, 2019. – 62 с.

тельное расширение военно-технического сотрудничества с ближневосточными партнерами.

В последние годы особенно активно осуществляется китайско-пакистанское и ирано-китайское партнерство. Исламабад готов укреплять военное сотрудничество с КНР в таких направлениях, как обучение военнослужащих, совершенствование материально-технического обеспечения и противодействие терроризму. Взаимодействие Пекина с Тегераном направлено на укрепление военного потенциала ИРИ. В 2015 г. ВМС КНР впервые вошли в иранский порт Бендер-Аббас, состоялись совместные ирано-китайские учения, у иранских военных появилась возможность осмотреть китайские надводные и подводные корабли. Пекин взаимодействует с Тегераном в рамках урегулирования кризисных ситуаций на Ближнем Востоке и, прежде всего, в Сирии. Из сообщений китайских СМИ известно, что КНР способствует разработке иранского кибероружия⁹⁰.

Сотрудничая с Ираном в области урегулирования вооруженного конфликта в Сирии, Пекин поддерживает мирные инициативы ООН, использование права вето в Совете Безопасности (СБ) при урегулировании вооруженных конфликтов, как это имело место на Ближнем Востоке, когда Россия и Китай заблокировали принятие резолюции СБ ООН о передаче «сирийского досье» о нарушении прав человека в Международный уголовный суд (МУС).

Анализ американских СМИ показывает, что сбор информации в странах Ближнего Востока ведется КНР с использованием сети легальных (под прикрытием официальных представительств Китая) и нелегальных резидентур. Прикрытиями для легальных резидентур являются посольства и консульства КНР, аппараты военных атташе, торговые представительства, корреспондентские пункты агентства «Синьхуа». В качестве прикрытия для нелегальных резидентур на БВ часто используются зарубежные представи-

---

⁹⁰ Чжунгофанькуншинянь: фанькунгоцзихэцокуньнаньчжунчжун (Десятилетие борьбы с терроризмом в КНР: международное сотрудничество становится все сложнее) / <http://opinion.m4.cn/2014-08/1240875.shtml> [Электронный ресурс] 4month net (дата обращения: 02.09.2020).

тельства китайских компаний и коммерческих организаций, в том числе специально созданных китайской военной разведкой⁹¹.

Сотрудниками специальных служб КНР под лозунгом «обязательств перед далекой родиной» активно ведется работа среди китайских диаспор «хуацяо» (граждан КНР и этнических китайцев, проживающих за рубежом), имеющихся во многих странах ближневосточного региона. Также привлекаются китайские студенты, проходящие обучение за границей, торговые и деловые представители, участники делегаций.

Кадры для выполнения указанных задач готовит Институт международных отношений НОАК (г. Нанкин). В нем осуществляется подготовка сотрудников для работы в аппаратах военных атташе и под дипломатическим прикрытием. Слушатели изучают иностранные языки (первый – восточный язык, второй – западный), специальные дисциплины, вооруженные силы иностранных государств, страноведение и др.

Подготовка переводчиков-референтов, владеющих ближневосточными языками, в интересах НОАК осуществляется в Институте иностранных языков НОАК (г. Лоян), который готовит лингвистов, проводит исследования в сфере лингвистического обеспечения военной деятельности и международной политики. Переводчиков обучают персидскому, турецкому, арабскому и ивриту. Становление научно-исследовательских и педагогических кадров происходит в магистратуре и докторантуре по направлениям: арабская, турецкая, иранская, израильская литература, международные отношения, военно-техническое сотрудничество.

Таким образом, дипломатическая служба КНР принимает непосредственное участие в развитии контактов со странами Ближнего Востока. Кроме МИД КНР, значительные усилия в этой области принимают высший эшелон китайских руководителей, Министерство внешней торговли, а также военное ведомство. В целом дипломатический корпус позволяет поддерживать на должном уровне и развивать отношения с ближневосточными странами.

---

⁹¹ Галенович Ю. М. Войны Нового Китая и его дипломатическая служба. – М. : Восточная книга, 2012. – 640 с.

2.4. Научные и аналитические организации КНР, задействованные в формулировании подходов к деятельности на Ближнем Востоке

Стратегическое планирование КНР осуществляется с учетом исторической практики и современных реалий, строго на научной основе⁹². Пекин выстраивает целостную систему аналитических научных организаций, которые своевременно реагируют на новые вызовы и угрозы, с которыми китайское государство сталкивается в ходе проводимых в стране реформ и на международной арене. Ближневосточное направление не стало исключением для китайских стратегических исследований. Выработкой рекомендаций китайскому руководству по выстраиванию политического курса в отношении ближневосточных стран непрерывно работает сеть национальных научных и аналитических организаций.

Ведущей академической научно-исследовательской организацией (НИО) КНР в области общественных наук (обеспечение социального развития общества и повышения обороноспособности страны) является Академия общественных наук (АОН) КНР. На основе научных разработок АОН готовятся рекомендации для партийных и государственных органов по выработке мероприятий внутренней и внешней политики⁹³.

Входящий в состав АОН *Институт изучения Западной Азии* (г. Пекин) является академическим центром по изучению ближневосточного региона. В его состав входят три отдела: Ближнего Востока, Северной Африки, международных отношений. На базе института регулярно издается академический журнал *West and Africa* (периодичность издания раз в два месяца), где публикуются результаты исследований работников института в области политологии, экономики, истории и литературы ближневосточных стран. Общее число сотрудников института насчитывает около 100 человек⁹⁴.

---

⁹² Киссинджер Г. О Китае. – М. : Астрель, 2013. – 640 с.

⁹³ Комиссина И. Н. Научные и аналитические центры Китая: Справ. / Рос. ин-т стратег. исслед. – М.: РИСИ, 2012. – 266 с.

⁹⁴ Веб-сайт ИИЗА АОН: <http://www.xyfzqk.org/> (19.09.2020).

Центр изучения Ближнего Востока Китайского института международных исследований отвечает за комплексное исследование ближневосточной проблематики и специализируется на долгосрочных исследованиях стратегического характера по вопросам развития стран Ближнего Востока. Сотрудники центра – дипломатические сотрудники, отставные дипломаты и эксперты в различных областях международных отношений. Общее число сотрудников института насчитывает около 250 человек⁹⁵.

Центр изучения Западной Азии и Африки Шанхайской академии международных исследований изучает ближневосточную политику и международные отношения, вопросы энергетической безопасности и geopolитики, роль исламской культуры в международной политике, отношения Китая с Ближним Востоком, политику КНР в отношении африканских стран, китайско-африканские отношения. Общее число сотрудников центра насчитывает около 100 человек⁹⁶.

Институт евроазиатских исследований Шанхайской академии общественных наук. Область исследований: политика, экономика, международные отношения, история и культура России, Европы и Ближнего Востока. В структуре института функционируют отделы изучения Ближнего Востока, Ислама, международного терроризма. За последние годы институт выпустил ряд исследовательских проектов по ближневосточной тематике: «Современные китайские евреи», «История международного терроризма», «Тerrorизм на Ближнем Востоке». Институт издает научный журнал «International Relations Studies», который выходит один раз в два месяца. Общее число сотрудников центра насчитывает около 70 человек⁹⁷.

Институт Ближнего Востока подчиняется Шанхайскому университету иностранных языков и готовит специалистов со знанием ближневосточных языков (арабский, иврит, турецкий, фарси, урду, пушту). Институт выпускает авторитетный научный журнал

---

⁹⁵ Веб-сайт ЦИБВ КИМИ: https://www.lieguozhi.com/skwx_lgz/sublibrary/45/9837.shtml (19.09.2020).

⁹⁶ Веб-сайт ЦИЗАА ШАМИ: <http://shcas.shnu.edu.cn/> (19.09.2020).

⁹⁷ Веб-сайт ИЕИ ШАОН: <http://www.siiis.org.cn/Research/EnArea/41> (19.09. 2020).

«Arabic World Research» и международный журнал «Journal of Middle Eastern and Islamic Studies». Журналы выходят два раза в год на английском языке. Общее число сотрудников центра насчитывает около 60 человек⁹⁸.

Институт проблем обороны, входящий в состав Университета национальной обороны НОАК, призван содействовать обмену военными кадрами с зарубежными странами и предоставлять высшее военное образование военнослужащим (в некоторых случаях и гражданским лицам), в основном из Африки и с Ближнего Востока. Институт также проводит исследования по совершенствованию ВТС, оказывает консультирование при принятии решений военно-политическим руководством. Общее число сотрудников института насчитывает около 120 человек⁹⁹.

Институт международных стратегических исследований НОАК является информационно-аналитическим подразделением объединенного штаба ЦВС. Институт осуществляет анализ и обобщение информации, подготовку информационно-аналитических документов для ВПР КНР и командования НОАК. Каждые десять дней выпускается бюллетень «Обстановка в иностранных армиях» (США, страны НАТО, Ближний Восток, Африка и Латинская Америка) для старшего офицерского состава, ежеквартально публикуется журнал «Стратегические международные исследования», регулярно организуются конференции и семинары по ближневосточной проблематике¹⁰⁰.

В последние годы помимо традиционных НИО в Китае стали появляться мозговые центры (МЦ) нового типа. Так, в сентябре 2009 г. в связи с 60-летием установления дипломатических отношений между Китаем и Пакистаном для дальнейшего укрепления и расширения сотрудничества в различных областях в Исламабаде был создан *Пакистанский институт Китая* (The Pakistan China Institute) – первая неправительственная неполитическая организация,

⁹⁸ Веб-сайт ИБВ ШУИЯ: <https://www.tandfonline.com/toc/rmei20/current> (19.09.2020)

⁹⁹ Веб-сайт ИПО УНО НОАК: <http://www.cdsndu.org/> (19.09.2020)

¹⁰⁰ http://blog.sina.com.cn/s/blog_170c38ad60102yz7o.html (19.09.2020)

в которой представлено равное количество китайских и пакистанских экспертов. Это МЦ, работающий для ключевых государственных и общественных структур, включая политические партии, организации гражданского общества, учебные заведения, медиа- и бизнес- сообщество. Его деятельность содействует развитию пакистано-китайского сотрудничества в области безопасности, торговли, энергетики, образования. Институт регулярно проводит круглые столы и брифинги по наиболее важным событиям в двусторонних отношениях¹⁰¹.

Количество МЦ в Китае постепенно растет. Только за последнее десятилетие их было образовано больше, чем за всю предыдущую историю страны. По данным агентства «Синьхуа», в Китае насчитывается не менее 2500 МЦ, занимающихся политическими исследованиями. Однако, по данным Всемирного индекс-рейтинга аналитических центров, ежегодно издаваемого Университетом Пенсильвании (США) в рамках программы «Аналитические центры и гражданское общество», Китай по итогам 2016 г. занял второе место в мире по числу МЦ (435), уступая только США (1835).

По мнению китайского руководства, деятельность КНР на Ближнем Востоке должна быть освещена национальными новостными и информационно-аналитическими изданиями. Это обусловлено необходимостью информирования китайского населения, повышения политической грамотности и обоснования китайского проекта «Один пояс, один путь».

Так, *Sohu* («Соху») – китайская интернет-компания, объединяющая в себе медиа-портал, поисковик, а также крупнейший информационный бренд в китайском интернет-пространстве. Это крупнейший интернет-бренд, состоящий из четырех платформ: медиа, видео (*Sohu Video*, *Sohu video client*, *Sohu entertainment*), поиск (поиск *Sogou*, метод ввода *Sogou*, высокоскоростной браузер *Sogou*, карты *Sogou*), игры (*Changyou*). На портале китайские интернет-пользователи публикуют материалы на различные темы: от политики до событий из повседневной жизни. Ближнему Востоку

---

¹⁰¹ Pakistan, China Launch Joint Think Tank. 2009. September 19. URL: <http://despardes.Com> (19.09.2020)

посвящена отдельная колонка. Большая часть авторов – непрофессиональные журналисты, тем не менее и такие издания, как «Синьхуа» и «Хуаньцю шибао», также публикуют на портале свои материалы¹⁰².

«Хуаньцю шибао» – ежедневное издание, в котором большинство материалов посвящены международной политике и которое выходит под эгидой «Жэньминь жибао». Издается как в печатном виде, так и онлайн. Основано в 1993 г. Английская версия стала выходить с 2009 г. Считается одним из рупоров официального Пекина, однако зачастую представляет события в более нейтральном свете, нежели другие официальные издания. Цель – «показать миру Китай, с точки зрения китайцев рассказать о мире, делиться позицией китайского народа по важнейшим международным проблемам»¹⁰³.

«Чжунго цзюньван» («Китайская военная сеть») – военный новостной портал Китая, единственный официальный интернет-ресурс НОАК. Основание портала было одобрено Центральным военным советом Коммунистической партии Китая. Издание публикует статьи про военные учения, новые виды вооружения, новости, касающиеся обороны, военной стратегии государства и др. На портале можно найти заметки про историю военных конфликтов на Ближнем Востоке, освещение текущей ситуации в Сирии, Ливии, Ираке, Афганистане и др. Для привлечения большей аудитории портал также публикует заметки о внутриполитических и международных событиях, не связанных с военной службой¹⁰⁴.

Таким образом, вышеупомянутые научно-исследовательские организации и мозговые центры непосредственно вовлечены в исследования и практические разработки по следующим основным направлениям: политика, экономика, военное дело, гуманитарное сотрудничество и др.

---

¹⁰² <https://www.sohu.com/> (19.09.2020)

¹⁰³ <https://www.huanqiu.com/> (19.09.2020)

¹⁰⁴ <http://www.81.cn/> (19.09.2020)

Выводы по главе

В результате проведенного исследования представляется возможным сделать следующие выводы в отношении общего значения Ближнего Востока в системе глобальных приоритетов КНР:

1. Общее значение Ближнего Востока во внешнеполитическом курсе КНР обусловлено заинтересованностью китайских руководителей в стабильности и предсказуемости развития ситуации в регионе. Данное обстоятельство связано с необходимостью обеспечить в XXI веке энергетическую безопасность китайского государства. Другим важным моментом для китайского руководства является проведение китайского инфраструктурного проекта «Один пояс, один путь», проходящего по территории ближневосточных стран.

Анализ политики КНР на Ближнем Востоке позволяет сделать вывод, что при изучении причин, позволяющих Пекину в современных условиях наращивать взаимовыгодное сотрудничество со своими партнерами, необходимо учитывать растущее экономическое влияние Китая, а также заинтересованность государств ближневосточного региона в отказе от односторонней ориентации на США.

2. В Китае разработана нормативно-правовая база, в соответствии с которой происходит сотрудничество между Поднебесной и странами Ближнего Востока. Начиная с 50-х гг. XX века китайское государство установило взаимовыгодное сотрудничество со всеми странами БВ. Проведенное исследование позволяет утверждать, что, взаимодействуя со странами региона, китайские руководители не рассчитывают на сиюминутную выгоду, поскольку сделанные вложения смогут окупиться только в долгосрочной перспективе.

3. Проактивная позиция позволила дипломатической службе КНР развить контакты со странами БВ. Кроме МИД, МВТ и МО КНР, усилия в этом направлении лично принимают китайские руководители высшего эшелона. В последнее время усилиями МО КНР достигнуты значительные успехи в военно-политическом и военно-техническом взаимодействии с большинством ближневосточных стран.

4. В КНР создана разветвленная сеть научно-исследовательских организаций и мозговых центров, вовлеченных в выработку рекомендаций высшему политическому и военному руководству государства в отношении выстраивания отношений со странами Ближнего Востока.

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что политическое руководство Китая рассматривает ближневосточный регион в качестве одной из зон своих национальных интересов. Реализуя ближневосточную стратегию, китайское руководство исходит их особенностей внутриполитической обстановки и оказывающих влияние на стабильность китайской государственности внешнеполитических факторов.

3. Ближневосточный вектор китайской внешней политики

3.1. Подходы руководства КНР к выстраиванию отношений с арабскими странами Ближнего Востока

События «арабской весны», по мнению китайских официальных лиц и ряда ученых, нельзя с определенностью назвать «революцией», так как смена правящих режимов не привела к кардинальной трансформации общественно-политической жизни в большинстве арабских стран.

Вместе с тем руководители Китая отдают себе отчет в том, что «арабская весна» не могла не оказать деструктивного влияния на внутреннюю стабильность в условиях наличия в стране 20 млн мусульман¹⁰⁵.

Внешнеполитическая стратегия КНР в отношении арабских стран не получила должной проработки и юридического закрепления на государственном уровне. Именно с ее отсутствием многие китайские аналитики связывают и то, что произошло с китайскими компаниями в Ливии, и резкое ужесточение курса, проводимого Пекином в отношении волнений на Арабском Востоке и иностранного вмешательства в данный регион. В этих условиях многие специалисты-китаеведы заговорили о смене курса и стиля китайской дипломатии в отношении арабских стран. Это вызвано стратегическими интересами Китая и последствиями событий, произшедших в последние годы в арабо-мусульманском регионе¹⁰⁶.

---

¹⁰⁵ Озеров О. «Арабская весна» в контексте глобализации, или перезагрузка матрицы // Международная жизнь. – 2012. – № 6. – С. 91–92.

¹⁰⁶ Пахомова М. А. Политика Китая в странах Арабского Востока (1978–2012 гг.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2014. – С. 35.

Новая концепция безопасности Пекина «синь аньцюаньгуй-ань»¹⁰⁷ основана на развитии взаимовыгодных внешнеэкономических отношений. Движущей силой этого курса, несомненно, является бурное экономическое развитие КНР. Еще в 1997 г. министром иностранных дел КНР Цянь Цичэнем было подчеркнуто, что «безопасность не может основываться на росте вооружений, не может основываться на военном союзе. Безопасность должна основываться на взаимном доверии и общих интересах». К числу угроз национальной безопасности в КНР относят «ситуации, при которых в каком-либо государстве происходит разрушение основных властных институтов, что создает серьезную угрозу интересам КНР в этом государстве; случаи проведения конфискации и экспроприации зарубежных предприятий, наносящие ущерб промышленным и внешнеполитическим интересам Китая; действия организованной преступности»¹⁰⁸.

Как отмечают китайские исследователи, Китай привык полагаться на так называемую борьбу против трех сил зла (сепаратизм, терроризм, религиозный экстремизм), а также обеспечение энергетической безопасности и торгово-экономических интересов.

Арабский Восток вместе с Центральной и Южной Азией составляют так называемый геополитический сердечный пояс, влияющий на энергетическую безопасность Китая. От энергетических поставок проистекает необходимость в укреплении партнерских отношений с ключевыми арабскими странами – нефтеэкспортерами. В 2000 г. китайская экономика зависела от импорта нефти на 31 %, а к 2025 г. эта зависимость увеличится до 73 %.

Как отмечает директор Центра стратегических энергетических ресурсов при Институте изучения международных вопросов Китая Ся Ишань, 56 % сырой нефти Китай получает посредством импорта с Арабского Востока¹⁰⁹. С такими арабскими государствами, как

¹⁰⁷ Мамонтов М. Инерция и новации во внешней политике Китая // Международные процессы. – Т. 8. – № 3 / <http://www.intertrends.ru>. (20.09.2020).

¹⁰⁸ Мамонтов М. Инерция и новации во внешней политике Китая // Международные процессы. – Т. 8. – № 3. / <http://www.intertrends.ru>. (20.09.2020).

¹⁰⁹ Приведет ли война в Ливии к дефициту нефти? // Голос России / <http://rus.ruvr.ru/2011/03/25/47950623.html>. (25.09.2020).

Оман, Йемен, ОАЭ и КСА сложились в прошлом устойчивые отношения в энергетической сфере. В частности, к 2010 г. Китай стал основным потребителем саудовской нефти. Другие арабские страны (Ливия, Судан, Ирак и Кувейт) рассматривались в Пекине потенциально перспективными площадками для вложения китайских инвестиций в разведку энергоресурсов и строительство нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих мощностей. Именно такая программа была характерна для политики проводимой КНР в Ираке и Ливии.

В начале XXI века Пекин начал реализовывать долгосрочный план экономического развития. Для реализации этого проекта предусматривается израсходовать 2 трлн долл. Многие эксперты утверждают, что в ближайшие 15–20 лет Китай будет способен бросить вызов США. Но для достижения экономического лидерства этой державе надлежит избавиться от одного слабого звена: Китай не обладает достаточными залежами нефти и других энергоносителей, и поэтому зависит от их импорта. В настоящее время Китай является вторым крупнейшим в мире импортером нефти. Так, из стран Ближнего Востока импортируется 58 % нефти. При этом более 85 % нефти и нефтепродуктов доставляется в КНР из Персидского залива и Африки по Индийскому океану через подверженный пиратским нападениям узкий Малаккский пролив. В случае серьезного обострения ситуации ВМС США могут заблокировать и сам пролив, и важнейшие морские пути. Сейчас КНР строит крупные порты в Мьянме, Бангладеш, Шри-Ланке, Пакистане, Танзании, Мальдивах. Этот план нацелен на осуществление давней мечты Пекина – получение непосредственного выхода в Индийский океан через Бенгальский пролив, минуя Малаккский пролив¹¹⁰.

В этих условиях Китай, придерживаясь курса диверсификации поставщиков, начал уделять особое внимание вложениям по разведке и разработке новых месторождений и строительству инфраструктуры, а соответственно, и увеличению их производительных мощностей. По оценкам экспертов, при углубленном анализе событий

---

¹¹⁰ Чжихао Ч. Южно-китайское море: стратегическое соперничество Китая и Индии // Дипломатическая служба. – 2014. – № 3. – С. 26–36.

«арабской весны» выясняется, что на самом деле мишенью Запада служат вовсе не экзотические ближневосточные диктатуры и единственным на сегодняшний день реальным соперником США является Китай.

Учитывая возникшую китайскую угрозу «жизненным интересам» США, Вашингтон с некоторым запаздыванием вынужден был создать Командование объединенных сил США в Африке (АФРИКОМ) со штаб-квартирой в Штутгарте (Германия). Следует отметить, что африканские страны с оглядкой на Пекин отказали Вашингтону в размещении штаб-квартиры АФРИКОМа на своих территориях¹¹¹.

Следовательно, устроители «арабской весны» преследовали цель взять под контроль не только Ливию, но и всех потенциальных экспортёров нефти в Китай: Алжир, Оман, Сирию, Марокко. В качестве инструмента ими была использована концепция «управляемого хаоса»¹¹².

Учитывая противоречивость позиций ключевых государств региона (КСА – Иран, Турция – Сирия, Израиль – Иран), Китай стоит на сложном пути лавирования между ними и стремится развивать ровные отношения со всеми. И здесь ему помогает весьма спокойное отношение к самым разным режимам и формам правления в арабских странах. Очевидно, что концепция золотой середины¹¹³, составляющая идеологический стержень ряда китайских учений, нашла свое воплощение и в стиле китайской дипломатии и внешней политики.

Другим направлением внешнеполитической стратегии Китая на Арабском Востоке является поддержание диалога с исламским сообществом в формате: КНР – ЛАГ, КНР – Организация исламского сотрудничества (ОИС), КНР – ССАГЗ, Форум китайско-арабского сотрудничества и т. п.

---

¹¹¹ Дергачев В. Геополитическая перезагрузка Арабского Востока // Вестник аналитики. – 2011. – № 2 / http://dergachev.ru/geop_events/220611.html.

¹¹² США спровоцировали «арабскую весну» из-за... Китая // Каспийский фактор / <http://www.casfactor.com/rus/news/2518.html>. (26.09.2020).

¹¹³ Линь Юйтан. Моя страна и мой народ. – М.: Восточная литература РАН, 2010. – С. 111.

Уже в 2010 г. были установлены отношения стратегического партнерства между КНР и странами ЛАГ. В 2011 г. товарооборот между КНР и странами ЛАГ составил почти 200 млрд долл. Арабские страны стали седьмым торговым партнером Китая, а Китай в 2010 г. стал вторым торговым партнером арабских стран¹¹⁴.

Диалог в формате КНР – ОИС ведется не только посредством частых переговоров государственных деятелей, но и при активном участии Китайского центра изучения истории искусства и культуры ислама и Китайской академии социальных наук. С начала 1980-х гг. налажен студенческий обмен между Китаем и арабскими странами. Китайским мусульманам предоставлено так называемое правильное исламское образование, свободное от экстремистских «примесей».

Граждане арабских стран знакомятся с китайской культурой. Пекин организовал в ряде арабских государств работу Институтов Конфуция, провел фестивали в рамках года китайской культуры. Кроме того, Китай намерен направить на обучение в арабские страны 5 тыс. человек. Все это должно, по мнению руководства КНР, способствовать формированию у арабов образа дружественной страны и «ответственной державы», нацеленной на построение взаимовыгодных отношений.

В основу отношений с арабскими государствами Китай закладывает следующие принципы: «невмешательство во внутренние дела», «неприменение силы», поддержание тесных контактов и координация действий с ведущими государствами и региональными организациями в решении международных проблем¹¹⁵.

Являясь постоянным членом СБ ООН, Китай намерен играть конструктивную роль в достижении мира, стабильности, а также развитии региона Арабского Востока. Этому служит создаваемый Китаем механизм двусторонних и многосторонних связей с достаточно большим количеством стран региона. В связи с этим следует

---

¹¹⁴ Пахомова М. Китайская внешнеполитическая стратегия в отношении стран Арабского Востока / <http://www.centrasia.ru/news>. (20.09.2020).

¹¹⁵ Гу Дэсинь. Американо-иракская война и национальные интересы Китая // Сяньдайгоцзигуаньси. – 2003. – № 4. – С. 20–23.

упомянуть о создании механизма сотрудничества в области обороны Китая с Египтом, Турцией и ОАЭ¹¹⁶.

В отношении событий, приведших к значительным переменам в арабских странах, Китай проявил позицию невмешательства. Пекин практически везде придерживается гибкой позиции, стараясь не вступать в конфронтацию с США.

5 сентября 2011 г. последовало первое официальное заявление представителя МИД КНР Цзян Юй, касающееся дипломатического признания НПС Ливии¹¹⁷. В итоге позиция Китая в отношении ливийского кризиса получила следующую трактовку: «КНР уважает выбор ливийского народа»¹¹⁸. Китай проголосовал за резолюцию ООН, предусматривающую санкции против Ливии, но воздержался от голосования по вопросу бесполетных зон (резолюция № 1973)¹¹⁹.

Оборотной стороной такого официального курса Пекина стала академическая дискуссия, которая идет в Китае по вопросу о соотношении принципа невмешательства во внутренние дела и принципа защиты жизни и интересов своих граждан за рубежом. Приоритетным для Пекина является второй принцип. Здесь в качестве примера представляется уместным упомянуть о полной эвакуации граждан КНР из Ливии.

По официальным данным, на 22 февраля 2011 г. (на момент начала эвакуации) в Ливии находилось 35 860 граждан КНР¹²⁰. В основном среди них преобладали инженеры и рабочие. В Сирии к 2011 г. проживало около 5 тыс. граждан Китая. По данным посольства КНР в Сирии, среди них в основном преобладали студенты,

---

¹¹⁶ <http://mil.huanqiu.com/china/2011-03/1601186.html>. (25.09.2020).

¹¹⁷ Пахомова М. А. Есть ли будущее у Китая в Ливии? // Восток. – 2012. – № 4. – С. 114–120.

¹¹⁸ Своевременное регулирование политики Китая по отношению к Ливии свидетельствует о зрелом и стабильном дипломатическом стиле КНР // Жэньминьжибао (русская интернет-версия, 13.09.2020).

¹¹⁹ Официальный сайт Генерального консульства КНР во Франкфурте-на-Майне / <http://frankfurt.china-consulate.org/chn/zgyw/t826663.htm>. (25.09.2020)

¹²⁰ Чжунго тун Либия-дэ гуань-си. Китайско-ливийские отношения // МИД КНР URL: [\(25.09.2020\).](http://www.fmprc.gov.cn/chn/pds/gjhdq/gj/fz/1206_28/sbgx/t6306.htm)

проходившие обучение в Дамасском университете, и сотрудники китайских фирм (в основном проживавшие в Дамаске и Алеппо). К марта 2011 г. они все, за редким исключением, были эвакуированы, чтобы избежать ливийского сценария¹²¹. По данным, на август 2012 г. в Сирии осталось не более 60 граждан КНР¹²².

Весьма затянулся процесс подсчета убытков, причиненных китайской стороне в результате гражданской войны в Ливии. Как известно, с 4 по 8 февраля 2012 г. в Ливию была направлена китайская комиссия с целью оценки безопасности ситуации для возвращения граждан КНР и китайских компаний. Решение о создании данной комиссии было принято еще в октябре 2011 г. В состав комиссии вошли как представители правительства, так и ведущих компаний, осуществлявших деятельность в Ливии¹²³.

В задачи данной рабочей группы также входило проведение консультаций с банком Сахары, вторым по величине банком в Ливии, по вопросу выплат компенсаций китайским компаниям, понесшим убытки в ходе революции. По итогам переговоров стало известно, что Китай и Ливия лишь договорились относительно необходимости поручить специальным органам поддерживать контакты для решения судьбы утвержденных до начала войны проектов с участием китайских предприятий. Фактически большая часть китайских компаний уже направила свой персонал обратно в Ливию.

Анализ китайских источников позволяет утверждать, что существуют две позиции Китая по сирийскому вопросу: «пропагандистская» и «официальная».

«Пропагандистская» позиция сформулирована в статье «Крестовые походы XXI века». Суть ее сводится к тому, что «страны Запада» играют на противоречиях между исламскими группировками с целью разжигания конфликта и получения контроля над ресурсами региона. Это подтверждается политикой поддержки иракских шиитов против суннитов, египетских христиан против

---

¹²¹ <http://news.sina.com.cn/c/2011-11-29/040923540658.shtml>. (25.09.2020).

¹²² http://edu.china.com.cn/2012-08/28/content_26348446_2.htm. (25.09.2020).

¹²³ http://www.gov.cn/gzdt/2012-02/02/content_2056467.htm. (25.09.2020).

«братьев-мусульман», суннитов против шиитов в Сирии и поддержки суннитов против шиитов в Бахрейне.

«Официальная» позиция Китая по сирийскому вопросу сводится к следующим положениям:

1) придерживаться принципа «невмешательства во внутренние дела», т. е. уважать и поддерживать самостоятельное решение внутренних проблем странами региона;

2) выступать против использования вооруженных сил и призывать все стороны к разрешению противоречий политическими методами и мирными способами;

3) призывать международное сообщество к оказанию поддержки странам региона в восстановлении политической стабильности, развитию экономики, и разрешении острых вопросов, особенно в области более активного продвижения мирного процесса¹²⁴.

Голосование против резолюции по Сирии, предложенной Западом, отражает политическую волю Китая по сохранению стабильности на Арабском Востоке. Китай и Россия выступили против санкций в отношении Б. Асада. Установлено, что за последние 20 лет Китай лишь пять раз воспользовался правом вето в ООН и четыре из них по сирийскому вопросу¹²⁵.

Китайские исследователи указывают на ряд недостатков в реализации внешнеполитического курса Пекина в отношении Арабского Востока: определенная «пассивность», выраженная в меньшем количестве визитов китайских дипломатов в страны региона по сравнению с их западными коллегами; недостаточный контакт с оппозицией и нередко неправильная подача материала об «арабской весне» в средствах массовой информации КНР¹²⁶.

Таким образом, волнения в арабских странах обусловили потребность выработки долгосрочной стратегии внешней политики

---

¹²⁴ Тарасов С. Геополитический треугольник Ближнего Востока: Сирия – Турция – Иран / <http://hvlyla.org/analytics/geopolitics/geopoliticheskij-treugolnik-blizhnego-vostoka-sirija-turtsija-iran.html>. (22.09.2020).

¹²⁵ Пахомова М. А. Политика Китая в странах Арабского Востока (1978–2012 гг.): дис. ... канд. истор. наук. – М.: Ин-т Востоковедения РАН, 2013. – С. 147.

¹²⁶ Пахомова М. А. Арабский вектор внешней политики Китая // Бюллетень научно-методических материалов № 70. – М.: ВАГШ, ВС РФ, 2014. – С. 123–138.

Китая на Арабском Востоке с учетом национальных интересов Поднебесной.

В настоящее время отношения КНР со странами Ближнего Востока характеризуются нацеленностью Пекина на последовательное укрепление своих позиций в регионе, в том числе за счет более активного участия в процессах урегулирования существующих конфликтов. Основные усилия Китай прилагает к углублению взаимодействия с государствами, обладающими запасами углеводородного и минерального сырья. Значительная доля экспортруемой Китаем сырой нефти из стран ближневосточного региона (около 50 % всех зарубежных поставок) является основной причиной стремления КНР к расширению своего участия в решении ближневосточных проблем. При этом руководство КНР уделяет внимание укреплению политических контактов с Лигой арабских государств (ЛАГ) и ССАГПЗ¹²⁷.

Реализацию такого подхода считают в Пекине важным условием активизации всестороннего взаимодействия с арабским и исламским миром. Отношения со странами региона строятся в соответствии с доктринальным документом Госсовета КНР «Политика Китая в отношении арабских государств»¹²⁸. В данном документе учитывается повышающаяся роль стран Ближнего Востока в продвижении китайской инициативы «ОПОП», приоритет отдается реализации инвестиционных и инфраструктурных проектов, в том числе в аэрокосмической сфере, атомной и «новой энергетике».

Существенное воздействие на политику Китая оказывает деятельность на БВ международных террористических организаций. По мнению Пекина, данное обстоятельство сильно подрывает региональную стабильность и создает дополнительные риски для поставки в Китай нефти из стран Персидского залива. Кроме того, обеспокоенность руководства КНР вызывает то, что в рядах экстремистов находятся представители сепаратистской группировки «Исламское движение Восточного Туркестана» (запрещено в РФ),

---

¹²⁷ Пахомова М. А. Политика КНР в отношении государств Арабского Востока (1978–2012 гг.). – М.: Граница, 2016. – 368 с.

¹²⁸ Политика Китая в отношении арабских государств (Госсовет КНР) / <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0118/c31521-9005101.html> (24.09.2020).

в том числе китайские граждане уйгурской национальности, которые после получения боевого опыта могут вернуться в КНР и развернуть там террористическую деятельность.

В Китае считают, что деструктивные процессы, происходящие в ближневосточных странах, управляются Вашингтоном и преследуют цели сохранения в долгосрочной перспективе американского геополитического доминирования, установления контроля над сырьевыми ресурсами и вытеснения из региона конкурентов США, прежде всего России и Китая. В Пекине прогнозируют, что сложная ситуация на Ближнем Востоке сохранится в течение долгого времени и не исключают, что она может привести к дестабилизации обстановки в глобальном масштабе.

В складывающихся условиях Китай занимает активную позицию в ходе обсуждения методов борьбы с ИГ, проблем вокруг Сирии, Ирака и палестино-израильского урегулирования в СБ ООН, ШОС, БРИКС, МАГАТЭ, других международных организациях, а также на двусторонних встречах с заинтересованными участниками переговорного процесса. Подходы КНР к разрешению кризисных явлений в странах БВ во многом совпадают с позицией Российской Федерации. Они предусматривают приоритет принципа невмешательства во внутренние дела зарубежных государств и безальтернативность мирного пути урегулирования ситуации.

Важный элемент китайской политики на Ближнем Востоке – расширение двусторонних военных связей. В данном контексте арабские страны включены в число основных потребителей продукции военно-промышленного комплекса КНР. Наиболее перспективными с этой точки зрения партнерами Китая считаются Египет, Алжир, Кувейт и Саудовская Аравия.

Таким образом, помимо стратегических и экономических соображений, еще один момент подчеркивает привлекательность участия Китая в интересах стран, не входящих в ССАГПЗ: проект «Один пояс, один путь» развивает позитивное видение Ближнего Востока. В то же время дискуссии в западных кругах, как правило, описывают Ближний Восток как проблему, которую предстоит решить. Китай рассматривает БВ как важный регион в проекте, соединяющем государства и общества по всей Евразии.

3.2. Подходы руководства КНР к выстраиванию отношений с неарабскими государствами Ближнего Востока

Китай углубляет связи с неарабскими странами Ближнего Востока, поскольку они также преследуют свои интересы в проекте «ОПОП». По данным китайских СМИ, Израиль, Турция и Иран принимают участие в инициативе «Один пояс, один путь», несмотря на то, что это формирует определенные сложности для Китая.

Китайские специалисты рассматривают Израиль как стабильное, высокоразвитое государство, которое находится в «неспокойном регионе». Тем не менее Китай считает Израиль безопасным местом для размещения своих инвестиций в таких областях, как объекты критической инфраструктуры государства, информационные технологии и сети 5G¹²⁹. Кроме того, геостратегическое положение Государства Израиль предоставляет еще одну точку доступа к Средиземному морю, что делает его потенциально полезным транспортным и логистическим центром. При относительно прочных экономических отношениях израильско-китайское сотрудничество в рамках проекта «ОПОП», безусловно, имеет смысл. Так, железная дорога, соединяющая Эйлат на Красном море с Ашдодом на Средиземном море, обеспечит альтернативный маршрут и уменьшит зависимость Китая от Суэцкого канала¹³⁰.

В 2015 г. Шанхайская международная портовая группа (ШМПГ) выиграла 25-летний контракт на эксплуатацию порта Хайфа, который станет крупным логистическим центром проекта «ОПОП». В то же время беспокойные отношения Израиля со многими из его

---

¹²⁹ Полончук Р. А. Беспроводные сети пятого поколения в Израиле: новый виток противоборства США и КНР // Военно-промышленный курьер, выпуск № 29 (842) за 04 августа 2020 г. [Электронный ресурс] / https://vpk-news.ru/sites/default/files/pdf/VPK_29_842.pdf, 04.08.2020).

¹³⁰ Пэнпэао йоушуй шэнсяо ? Чжун ци шу диао иселие «Чжундун цзуйда хайшуй данхуа сянму» цзинбяо (Эффективно ли лоббирование Помпео ? Китайские компании проиграли заявку Израиля на «крупнейший на Ближнем Востоке проект по орошению морской воды») [Электронный ресурс] / <http://www.rfi.fr/cn/20200526> (26.06.2020).

соседей осложняют отношения с Китаем. По своей сути «Один пояс, один путь» предполагает международное взаимодействие на всех уровнях, а Израиль, по объективным причинам, ограничен в этом отношении. Китайские политологи отмечают, что данное обстоятельство формирует для Китая следующую позицию: более глубокие связи с Израилем могут оттолкнуть других важных ближневосточных партнеров.

Развитие сотрудничества с Турцией представляет для КНР осо-бую важность ввиду ее выгодного географического положения и высокой степени влияния в исламском регионе. Причем учитывается, что эта страна входит в НАТО и по ряду вопросов ориентируется на политику США. Китай намерен использовать ухудшение отношений Анкары с Евросоюзом и Североатлантическим альянсом для укрепления внешнеполитических и экономических связей с Турцией и продвижения за счет того долгосрочных интересов Пекина на Ближнем Востоке.

Основное внимание стороны уделяют наращиванию взаимодействия в торгово-экономической сфере. Китай рассматривает Турцию в качестве ключевого звена Шелкового пути в страны Европы. Стороны достигли соглашения в вопросе сопряжения инициативы «ОПОП» с турецкой стратегией «Срединного коридора». Двусторонний товарооборот в 2017 г. увеличился на 12,5 % и достиг 21,9 млрд долл., причем Китай стал вторым по значимости торговым партнером Анкары. При этом в торговле сохраняется дисбаланс в пользу Китая, который Пекин готов компенсировать, прежде всего за счет наращивания закупок сельскохозяйственной продукции.

Серьезной проблемой в двусторонних отношениях является уйгурский вопрос. В рамках реализации политики пантюркизма Турция уделяет повышенное внимание данной тематике, используя фактор исторического родства и религиозной общности с уйгурами. Любые сообщения об их притеснении вызывают в турецком обществе бурную реакцию, влияющую на проводимую руководством страны политику в отношении КНР. Однако, несмотря на это, особое внимание КНР планирует уделить сотрудничеству с Анкарой в области безопасности, в первую очередь в

рамках совместного противодействия «Исламскому движению Восточного Туркестана», нацеленному на дестабилизацию обстановки в СУАР КНР.

Новые возможности в этой области открываются в связи с признанием Турцией данного движения террористической организацией, а также достигнутыми договоренностями по вопросу обмена информацией об уйгурах, возвращающихся в Китай из районов боевых действий в Ираке и Сирии. В свою очередь Пекин намерен содействовать продвижению интересов Анкары в рамках ШОС и БРИКС.

Турция также представляет для Китая как возможности, так и сложности. Ее территория является конечной точкой в экономическом коридоре Китай – Центральная Азия – Западная Азия, обеспечивая сухопутный маршрут к Эгейскому морю и порту Пирей китайской транспортной компании COSCO (China Ocean Shipping (Group) Company) в Греции. В последние годы товарооборот между Китаем и Турцией впечатляюще вырос – с 10 млрд долл. в 2006 г. до чуть более 26 млрд долл. в 2017 г. и 15 млрд долл. прямых иностранных инвестиций (ПИИ) Китая в Турцию в период между 2005 и 2018 гг.¹³¹

Однако, несмотря на это, китайское руководство настороженно относится к Турции¹³². В начале 2019 г. Турецкая Республика стала первым государством с мусульманским большинством, которое публично раскритиковало Китай за массовое интернирование уйгуров в СУАР, причем официальный представитель турецкого МИД Хами Аксой охарактеризовал это как «великий позор для всего человечества»¹³³.

---

¹³¹ «China Global Investment Tracker», American Enterprise Institute / <http://www.aei.org/china-global-investment-tracker/> (22.09.2020).

¹³² Дуй таоли чжунго дэ вэйвуэр жень эр ень, туэрци хайши гэ бифэнган ма? (Является ли Турция по-прежнему убежищем для бегущих из Китая уйгуров?) [Электронный ресурс] / <https://cn.nytimes.com/world/20191223/xinjiang-turkey-china-muslims-fear/> (26.06.2020).

¹³³ Gerry Shih, «After Years of Silence, Turkey Rebukes China for Mass Detention of Muslim Uighurs», Washington Post, February 10, 2019 / https://www.washingtonpost.com/world/after-years-of-silence-turkey-rebukes-china-for-mass-detention-of-muslim-uighurs/2019/02/10/011c7dd6-2d44-11e9-ac614eea99d5e24_story.html?utm_term=.b6624de55c53 (22.09.2020).

Отметим, что предпосылки в виде заявлений турецких официальных лиц по данному поводу начали выдвигать еще в 2013 г. Представляется возможным утверждать, что такая риторика указывает на давний источник потенциального напряжения между двумя странами. Кроме того, амбиции президента Турции Р. Эрдогана, стремящегося сделать страну лидером на Ближнем Востоке, представляют еще одно осложнение, приводящее к ухудшению отношений с ключевыми государствами БВ. Как и в случае с Израилем, налаживание политических связей с Турцией не укрепляет позиции Китая по отношению к остальным ближневосточным странам.

Китайские обозреватели политических изданий сходятся во мнении, что наиболее сложными и запутанными для Китая, по сравнению с Израилем и Турцией, являются отношения с Ираном. Это государство также имеет геостратегическую важность для реализации инициативы «Один пояс, один путь», и оно уже долгое время поддерживает прочные отношения с КНР. Экономическая основа китайско-иранских отношений значительна: объем двусторонней торговли вырос с приблизительно 2 млрд долл. в 2000 г. до почти 27 млрд долл. в 2017 г. Китайские инвестиции в Иран в период с 2005 по 2018 гг. составили более 27 млрд долл. ИРИ – важный источник импорта энергоресурсов для Китая, в период между 2011 и 2016 гг. он поставлял 11 % нефти, импортируемой КНР¹³⁴.

Кроме того, между КНР и ИРИ была реализована часть проектов «ОПОП», прежде всего в виде прямой железнодорожной линии из китайской провинции Чжэцзян до Тегерана. Эта транспортная линия по сравнению с судоходными маршрутами между Шанхаем и портом Бандар-Аббас сократила время перевозки грузов на тридцать дней¹³⁵. Однако, как и в случае с Израилем и Турцией, Иран ограничивает возможности КНР по соединению ОПОП с

---

¹³⁴ «China’s Crude Oil Imports from Iran (2011-2016)», Middle East Institute / <https://www.mei.edu/resources/infographic/chinas-crude-oil-imports-iran-2011-2016> (22.09.2020)

¹³⁵ «First Freight Train from China Arrives in Iran in ‘Silk Road’ Boost», Reuters, February 16, 2016 / <https://www.reuters.com/article/us-china-iran-railway-idUSKCN0VP0W8> (22.09.2020).

другими государствами БВ. Кроме того, более тесные двусторонние связи с Ираном не только угрожают его арабским соседям – они также ставят под угрозу отношения Китая с США, что уже отразилось на китайско-иранских отношениях¹³⁶.

Профессор Технологического университета Джорджии Дж. Гарвер считает, что давление Китая использовалось для получения согласия Ирана в подписании Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД). Так, «представители КНР дали понять иранским лидерам, что Китай готов в значительной степени участвовать в развитии Ирана, но условием такого участия должно было стать удовлетворительное решение ядерной проблемы Исламской Республики»¹³⁷. Кроме того, летом 2020 г. КНР и ИРИ заключили договор о стратегическом сотрудничестве на ближайшие 25 лет, после чего китайские аналитики заявили о формировании нового альянса, способного противостоять США.

Представляется возможным утверждать, что Китай продолжает углублять связи с неарабскими государствами Ближнего Востока, даже несмотря на формирование противоречий с арабскими странами региона по вопросам транспортировки углеводородов и военно-технического сотрудничества. В отношении Китая и неарабских государств ближневосточного региона можно сделать следующие выводы и обобщения.

1. Китайские специалисты оценивают Израиль как стабильное и высокоразвитое государство, безопасный логистический центр для инвестиций Поднебесной. Однако в настоящее время любые значительные инвестиции КНР в Израиль способны оттолкнуть других ближневосточных партнеров. Несмотря на то, что у Израиля достаточно напряженные отношения с его арабскими соседями, остается возможность их совместного участия в глобальных экономических проектах. Китайские специалисты убеждены, что одновременное

---

¹³⁶ Синьгуань ицин ся, илан жень цзема кань чжунго? (Что иранцы думают о Китае в условиях коронавируса?) [Электронный ресурс] / <https://world.huanqiu.com/article/9CaKrnKpNkX> (15.06. 2020).

¹³⁷ John Garver, «China and the Iran Nuclear Negotiations: Beijing's Mediation Effort», in James Reardon-Anderson, ed., *The Red Star & the Crescent* (London: Hurst and Company, 2018), 124.

задействование большого количества стран региона в проекте «ОПОП» позволит перенести существующие противоречия Израиля и арабских стран на второй план за счет pragматичного подхода и смещения акцентов на получение прибыли всеми участниками инициативы.

2. На современном этапе китайское политическое руководство настороженно относится к развитию отношений с Турцией. Возможности Турецкой Республики по транспортировке грузов сводятся на нет чередой разногласий в турецко-китайских отношениях. Основной причиной разногласий двух стран китайские СМИ называют потенциальный конфликт, связанный с осуждением турецкими официальными лицами деятельности китайского правительства по притеснению уйгурского меньшинства на северо-западе Китая (подобные заявления рассматриваются китайским руководством как пропаганда против государства и КПК).

3. Экономическая основа китайско-иранских отношений значительна, но Иран ограничивает возможности КНР по соединению проекта «Один пояс, один путь» с другими государствами БВ. Так, участие КНР в принуждении Ирана принять новые условия СВПД наглядно показывает, что Китай больше ценит отношения с США, чем отношения с Ираном. Военно-политическое руководство КНР осознает потенциальную опасность того, как воспринимают их поддержку «непослушного» Ирана в государствах Аравийского полуострова.

3.3. Направления ближневосточной политики КНР

Продвигая инициативу «Один пояс, один путь», КНР постепенно становится важным политическим игроком в ближневосточном регионе. Кроме выстраиваемой КНР политики партнерских отношений, основополагающих политических документов, описывающих формы сотрудничества между Поднебесной и ближневосточными странами в эпоху Шелкового пути, существуют и другие, неявные на первый

взгляд факторы, учет которых также необходим для понимания ближневосточной стратегии Китая на современном этапе.

По мере того как экономическое влияние Китая в странах БВ возрастает, в публикациях некоторых зарубежных специалистов (в большинстве своем американских) появляется информация о возникающих опасениях по поводу условий предоставляемых КНР странам ближневосточного региона займов и инвестиций. Представляется, что данное обстоятельство менее важно для участников ССАГПЗ, обладающих значительными финансовыми накоплениями, однако другие, сравнительно бедные государства БВСА, оценивают свои возможности взять китайские кредиты в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

Другой важный элемент продвижения Китая на Ближнем Востоке – растущая демонстрация своей «мягкой силы»¹³⁸. Китайские политологи отмечают, что народы Ближнего Востока, как правило, больше знакомы с западными языками и культурой, чего нельзя сказать об их знаниях о Китае. Одним из приоритетов сотрудничества в рамках проекта «ОПОП» является установление более тесных связей между народами. Так, Китаем были основаны Институты Конфуция для преподавания китайского языка и культуры в Бахрейне, Египте, Иране, Израиле, Иордании, Ливане, Турции и ОАЭ¹³⁹.

Интересным итогом поездки саудовского наследного принца М. бен Сальмана в Китай в 2019 г. стало стремление ввести преподавание китайского языка на всех этапах школьного и университетского образования в КСА¹⁴⁰. Очевидно, что цель с обеих сторон состоит в том, чтобы повысить уровень культурной и языковой интеграции во взаимоотношениях двух стран.

Отметим, что глобальная сеть Институтов Конфуция – система международных культурно-образовательных центров, создаваемых Государственной канцелярией по распространению ки-

---

¹³⁸ Nye J. Power and Interdependence. – Boston: Little, Brown and Co, 1977, 355 p.

¹³⁹ <http://www.hanban.org/>(19.09.2020).

¹⁴⁰ «Saudi Arabia to Include Chinese Language in Educational Curriculum,» Al Arabiya, February 22, 2019 / <http://english.alarabiya.net/en/News/gulf/2019/02/22/Saudi-Arabia-to-include-Chinese-language-in-educational-curriculum.html> (25.09.2020).

тайского языка за рубежом («Ханьбань») Министерства образования КНР совместно с зарубежными синологическими центрами. Миссия Институтов Конфуция – способствовать росту понимания Китая и китайской культуры во всем мире, развивать дружеские взаимоотношения Китая с другими странами. Обучение в Институтах Конфуция ориентировано на специфику сотрудничества с Китаем, кроме этого в задачи Институтов входит: организация курсов китайского языка и культуры; проведение научных конференций, посвященных Китаю; популяризация языка и культуры Китая через различные конкурсы и мероприятия; проведение квалификационного теста по китайскому языку (HSK); подготовка и издание учебной литературы по китайскому языку; студенческие и преподавательские стажировки в Китае, консультации по обучению в КНР¹⁴¹.

Туризм также является элементом китайской «мягкой силы». Число китайцев, путешествующих за границу, в последние годы резко возросло, и страны Ближнего Востока, хотя и сильно отстают от европейских, азиатских и американских направлений, используют для привлечения китайских туристов, к примеру, такие преимущества, как оформление визы по прибытии в страну. Китайские специалисты прогнозируют 81%-й рост числа китайских туристов в период между 2018 и 2022 гг.¹⁴²

ОАЭ лидирует в этом отношении: один только Дубай в первой половине 2018 г. посетило более четырехсот тысяч китайских граждан¹⁴³. Гостиницы ОАЭ активно завлекают китайских туристов, реализуя программу под названием *China Ready* («Готовы к обслуживанию китайцев»). Чтобы получить сертификацию, отели должны нанимать китайских сотрудников в качестве персонала, обучать и держать в штате китайских поваров, а также ежедневно

---

¹⁴¹ <http://www.hanban.org/> (19.09.2020).

¹⁴² Sam Bridge, «Gulf Forecast to See 81% Rise in Chinese Tourists by 2022», Arabian Business, December 19, 2018 / <https://www.arabianbusiness.com/travel-hospitality/409972-gulf-forecast-to-see-81-rise-in-chinese-tourists-by-2022> (25.09.2020).

¹⁴³ «Record Growth in Chinese Visitors to Dubai», Khaleej Times, July 18, 2018 / <https://www.khaleejtimes.com/nation/uae-china-week/record-growth-in-chinese-visitors-to-dubai>. (25.09.2020).

предоставлять доступ к свежей китайской прессе и телевизионным каналам.

По данным канцелярии по продвижению китайского языка и культуры «Ханьбань», жители Ближнего Востока все больше культурно осознают Китай. По мере развития проектов, финансируемых в рамках проекта «ОПОП», можно ожидать, что положительный тренд в данном направлении сохранится.

Обеспечение национальной топливно-энергетической безопасности является одной из основных задач, стоящих перед китайскими нефтедобывающими и нефтеперерабатывающими корпорациями, которые постепенно претворяют в жизнь инвестиционные проекты на территории иностранных государств. Китайская корпорация Sinopec еще в 2015 и 2016 гг. запустила в эксплуатацию крупные нефтеперерабатывающие комплексы (НПК) в КСА. НПК успешно перерабатывают сырью нефть и позволяют китайским компаниям поставлять готовые к применению бензин, дизельное топливо, топочный мазут, керосин и другие продукты, необходимые как для национальных, так и для иностранных нефтехимических предприятий¹⁴⁴.

По данным иностранных источников, корпорация Sinopec за период с 2015 по 2019 гг. построила в Кувейте третий и самый большой нефтеперерабатывающий комплекс Al-Zour, который расположен в 90 км к югу от столицы этого небольшого аравийского государства. Оператором упомянутого НПК является местная компания – Kuwait Integrated Petroleum Industries Company, которая является дочерним предприятием крупнейшей нефтедобывающей компании Kuwait Petroleum Company.

Китайская нефтяная компания PetroChina – это один из крупных китайских производителей газа и нефти, которому принадлежит доминирующая роль в газовой и нефтяной промышленности Китая. Компания PetroChina является одной из китайских компаний с самым большим объемом продаж и входит в список крупнейших мировых газо- и нефтедобывающих компаний. В последние годы PetroChina ведет масштабную экспансию на мировом нефтегазовом

---

¹⁴⁴ <http://www.iimes.ru/?p=68834> (19.09.2020).

рынке, делая ставку на новые крупные проекты, и Ближний Восток для компаний является предметом особых амбиций, учитывая его исключительное значение для нефтегазовой отрасли¹⁴⁵.

В начале сентября 2018 г. катарский госконцерн Qatargas подписал 22-летний контракт с PetroChina International Co (подразделением китайской PetroChina Co) о поставках в Китай около 3,04 млн т СПГ в год. Поставки сжиженного газа будут осуществляться с проекта Qatargas 2 – совместного предприятия Qatar Petroleum, ExxonMobil Corp и Total – на терминалы по приему СПГ в Китае.

В ноябре 2018 г. китайская нефтяная компания PetroChina заключила годовые сделки на поставки нефти в 2019 г. с Saudi Aramco и Kuwait Petroleum Corp. Подписание договоров произошло публично на официальной церемонии в рамках выставки China International Import Expo в Шанхае. Согласно условиям контрактов, стороны имеют право увеличить либо сократить объемы поставок в рамках срока действия сделки, если изменится уровень спроса или предложения. Во время подписания сделки в Шанхае, субсидиарий китайского конгломерата Norinco под названием Zhenhua Oil также сообщил о возобновлении ежегодного контракта на поставки нефти в 2019 г. с саудовской государственной нефтяной компанией Saudi Aramco¹⁴⁶.

В середине марта 2018 г. Китайская национальная нефтегазовая корпорация CNPC сообщила о том, что компания PetroChina приобрела за 4,3 млрд дирхамов (более 1,1 млрд долл.) право на освоение двух месторождений углеводородов на шельфе Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) после подписания соглашения с Abu Dhabi National Oil Company (ADNOC). Соглашение подписано на 40 лет. На CNPC приходится более 50 % нефти и 70 % газа, добываемых КНР. Освоением нефтегазовых месторождений и пе-

---

¹⁴⁵ Michal Meidan, ‘China in the Middle East: Where Rising Powers Fear to Tread’, China-US Focus, 13 June 2014, <http://www.chinausfocus.com/foreign-policy/china-in-the-middle-east-where-rising-powers-fear-to-tread/>, last accessed on 18 May 2015.

¹⁴⁶ Шатэйю вогогунцзяньчао бай и юань шихуагунсы (Саудовская Аравия и КНР создают нефтехимическую компанию стоимостью несколько миллиардов юаней) / http://www.xinhuanet.com/energy/2019-03/27/c_1124287216.htm [Электронный ресурс] Xinhua News Agency (дата обращения: 01.09.2020).

реработкой извлеченных из недр углеводородов в структуре корпорации занимается PetroChina. В соответствии с условиями соглашений PetroChina получила 10%-ую долю в концессии Умм Шаиф и Наср и 10%-ую долю в концессии в Нижнем Закуме. PetroChina заплатила 575 млн долл., чтобы войти в концессию Умм Шаиф и Наср, и 600 млн долл., чтобы войти в концессию Нижнего Закума. Оператором является ADNOC Offshore¹⁴⁷.

В Саудовской Аравии Saudi Aramco ведет переговоры с PetroChina Co. об инвестициях в принадлежащее китайской компании нефтеперерабатывающее предприятие. Объем инвестиций до 2 млрд долл. обеспечит Saudi Aramco более чем 30%-ую долю в предприятии PetroChina в китайской провинции Юньнань, с мощностью переработки нефти объемом 260 тыс. баррелей в сутки. Saudi Aramco, возможно, будет частично обеспечивать нефтеперерабатывающее предприятие сырьем. Более того, компания также может купить некоторые из активов PetroChina. В 2011 г. они подписали меморандум о поставках саудовской компанией нефти на нефтеперерабатывающее предприятие PetroChina в провинции Юньнань в обмен на долю в китайской компании, однако сделка так и не была реализована. А в 2016 г. Saudi Aramco и China Petroleum & Chemical Corp. (Sinopec) открыли совместное нефтеперерабатывающее предприятие мощностью переработки 400 тыс. баррелей в сутки на побережье Красного моря.

Благодаря своей грамотной стратегии и масштабным инвестициям, PetroChina успешно продвигает свои интересы на Ближнем Востоке. В перспективе китайская компания нацелена на дальнейшее увеличение объемов добычи углеводородов в арабских странах и на всестороннее партнерство в нефтегазовой сфере.

Анализ материалов официального сайта Министерства обороны КНР позволяет утверждать, что Китай является основной страной-поставщиком миротворцев, которая направила собственные миротворческие силы в Судан, Южный Судан, Ливан, Демократическую Республику Конго и Мали¹⁴⁸. Военно-

---

¹⁴⁷ Asia-Pacific Defense Magazine / YUE-RU Culture Creative International, INC, October, 2018.

¹⁴⁸ http://news.jcrb.com/jxsw/201906/t20190627_2018236.html (22.09.2020).

политическое руководство страны рассматривает участие в миротворческих операциях ООН на африканском континенте в качестве направления обеспечения своей безопасности за счет сотрудничества на региональном и международном уровне.

В 2018–2019 гг. КНР направила на Ближний Восток и в близлежащие районы более 1800 солдат и полицейских: Западная Сахара (десять человек), Дарфур в Судане (371 человек), Ливан (418 человек), Южный Судан (1056 человек) и израильско-палестинская граница (пять человек). Кроме того, китайские военные участвовали в операциях, одобренных СБ ООН. Например, корабли военно-морских сил НОАК сопровождали суда ООН, перевозившие химическое оружие из Сирии для уничтожения на Кипре. Китай неоднократно развертывал вооруженные силы для поддержки эвакуации китайских граждан из стран Ближнего Востока, таких как Ливан, Ливия и Йемен¹⁴⁹.

В рамках мандата ООН в составе миротворческих сил китайские военнослужащие выполняют следующие задачи: наблюдение за прекращением огня; оказание помощи конфликтующим сторонам при реализации мирных соглашений; обеспечение безопасности при доставке гуманитарных грузов; организация демобилизации бывших участников военных конфликтов и возвращение их к мирной жизни; разминирование местности; наблюдение за проведением выборов; подготовка полицейских; контроль за соблюдением прав человека.

В официальном документе КНР «Белая книга по национальной обороне»¹⁵⁰ (2015 г.) определены основополагающие принципы участия Китая в миротворческой деятельности ООН:

«В новый исторический период китайская армия должна эффективно выполнять задачи по защите мира в регионах и во всем мире: оказывать помощь в случае опасности; активно расширять сотрудничество в области военной безопасности. Постоянно укрепляя национальную мощь, вооруженные силы Китая будут

---

¹⁴⁹ Журнал «Современные вооруженные силы», № 11. Пекин. Издание Научно-технического информационного центра национальной обороны КНР. 2019 г., 120 с.

¹⁵⁰ Белая книга «Китайская военная стратегия» // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. – Пекин, 2015. – 54 с.

увеличивать активность своего участия в международных миротворческих мероприятиях, международной помощи, реализации принципов гуманизма и других сферах».

Указанные положения нашли продолжение в официальном документе «Политика Китая в отношении сотрудничества в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе»¹⁵¹ (2017 г.), где раскрываются взгляды руководства КНР на сотрудничество с зарубежными странами, в том числе и в военной сфере, в целях укрепления мира и стабильности. Особое внимание в документе уделяется необходимости организации взаимодействия с другими государствами в рамках миротворческой деятельности, акцентируется внимание на активизации многостороннего международного сотрудничества при укреплении мира и стабильности в «горячих точках».

Китайские военные специалисты отмечают, что современные подходы страны к участию в миротворческой деятельности ООН учитывают традиционную позицию Пекина по вопросам национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела других государств в соответствии с пятью принципами мирного сосуществования: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, мирное развитие. Данные принципы записаны в Конституцию КНР¹⁵² в 1982 г. и стали основополагающими установками при развитии дружественных отношений с зарубежными странами.

Участие КНР в миротворческой деятельности в рамках ООН началось в 1981 г., когда Пекин поддержал резолюцию СБ № 4952, которая продлевала мандат ООН по поддержанию мира на Кипре. С 1988 г. КНР стала членом Специального комитета ООН по миротворческим операциям. Китайские военные специалисты отмечают, что начало участия страны в миротворческих операциях связано с изменениями внешней политики после прихода к власти Дэн Сяопина.

---

¹⁵¹ Политика Китая в отношении сотрудничества в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. – Пекин, 2017. – 56 с.

¹⁵² Конституция КНР// Пресс-канцелярия Госсовета КНР. – Пекин, 2004. – 55 с.

По информации западных военных экспертов, военнослужащие НОАК приняли участие в миротворческих операциях ООН в Демократической Республике Конго, Либерии, Южном Судане, Ливане, Мали, Мозамбике и др. При этом они выполняли задачи военных наблюдателей, наблюдателей на выборах, военной полиции, участвовали в ремонте дорог, мостов, обезвреживании мин, оказании медицинской помощи, перевозке грузов. Стоит отметить, что продолжительность пребывания контингента в данных государствах не превышала восьми месяцев. По мнению командования НОАК, выполнение задач военнослужащими в экстремальных условиях позволяет получить опыт боевой работы.

Начиная с 2006 г., по просьбе ООН Китай направляет военнослужащих в составе миротворческого саперного батальона и медицинского отряда в Ливан. Китайский миротворческий контингент в составе 335 офицеров в южных районах Ливана выполняет задачи по обезвреживанию взрывных устройств, очистке территории от завалов, инженерному строительству и предоставлению гуманитарной помощи. Работая в нестабильных условиях, китайские миротворцы получили высокую оценку командования, ливанского правительства за свою высокую квалификацию.

Известно, что в 2006 и 2007 гг. участились случаи обстрелов и подрывов патрулей из состава китайских миротворческих батальонов ООН в Ливане, что стало причиной гибели и тяжелых ранений китайских военнослужащих. Эти события стали катализатором разработки усовершенствованной противоминной защиты китайской бронетехники и новой боевой экипировки военнослужащих НОАК. Как показывает анализ китайских СМИ, уже во время участия китайских миротворцев в ликвидации последствий взрыва в порту Бейрута (август 2006 г.) новая экипировка позволила выполнить задачи по поиску и спасению в условиях чрезвычайной ситуации. Вместе с тем китайские медики из числа миротворцев (хирурги, анестезиологи и специалисты по ожогам) применили на практике новое медицинское оборудование: мобильные операционные и средства для переноски раненых.

Китайские миротворцы, кроме непосредственного участия в миротворческих операциях, могут быть применены и для выпол-

нения задач, связанных с защитой интересов Китая за рубежом. Так, в марте 2015 г. они были задействованы для проведения операции по обеспечению безопасности китайского дипломатического корпуса и охраны более чем 600 китайских специалистов, которых эвакуировали из Йемена. Эвакуация проводилась фрегатами Северного флота ВМС НОАК «Линь И» (бортовой номер 547) и «Вэйфан» (бортовой номер 550) проекта 054А из состава китайских сил, ведущих антипиратское патрулирование у берегов Сомали, из юеменских портов Аден и Ходейда¹⁵³.

Западные эксперты высоко оценивают квалификацию китайских миротворцев и подтверждают, что их участие существенно повышает эффективность миротворческих операций под эгидой ООН. С другой стороны, участие Китая в таких операциях является одним из инструментов создания положительного образа китайского государства в глазах мирового сообщества. Помимо этого, миротворческая деятельность в странах с экстремальными климатическими условиями предоставляет китайским военнослужащим возможности повысить свою квалификацию, навыки, тренироваться в «операциях вне условий войны», а также получать опыт участия в военных и гуманитарных операциях¹⁵⁴.

В последние годы КНР для достижения своих военно-политических целей в горячих точках стала использовать так называемые частные военные компании (ЧВК), в частности, в Ираке и Южном Судане. Китайские ЧВК основаны бывшими военными или полицейскими и контролируются госорганами, а основные клиенты – это тоже крупные государственные корпорации. В 2016 г. за пределами Поднебесной уже работало 3200 сотрудников частных китайских охранных компаний. Для сравнения: в миротворческих миссиях ООН несли службу 2600 китайских военнослужащих¹⁵⁵.

---

¹⁵³ http://www.xinhuanet.com/2019-06/28/c_1210172687.htm (22.09.2020).

¹⁵⁴ Robert Smith, ‘China’s Role in UN Peacekeeping’// Institute of National Security, Washington, 2018, 67.

¹⁵⁵ China’s Incomplete Military Transformation, Assessing the Weakness of the People’s Liberation Army (PLA) / RAND National Security Research Division, February 2015, 328 p.

Министерство иностранных дел КНР рассматривает антипиратскую деятельность в качестве одной из основных задач, решаемых государством с целью защиты национальных интересов в сфере обеспечения энергетической безопасности, финансово-экономического развития, а также укрепления взаимодоверия между военно-морскими силами (ВМС) стран, участвующих в мероприятиях по противодействию вооруженному разбою на море. При этом особое внимание в Пекине уделяется борьбе с пиратством в Аденском и Гвинейском заливах¹⁵⁶.

Координацию деятельности в рамках миссии по борьбе с пиратством в Аденском заливе и у побережья Сомали осуществляет международная Контактная группа по борьбе с пиратством (КГПС). Китай входит в нее на правах полноправного участника.

В Китае вызывает опасения позиция стран Евросоюза по расширению зоны повышенного риска захвата пиратами гражданских судов. По мнению КНР, такой подход европейских государств обусловлен интересами компаний, занимающихся страховым обеспечением, частной охраной и получающих большую часть прибыли с судовладельцев. Зона повышенного риска – акватория, в границах которой существует наибольшая вероятность пиратских нападений на гражданские суда. Налагает ряд обязательств на экипаж судна и судовладельца. На западе – береговая линия на границе Джибути и Сомали до точки 11° СШ, 45° ВД; от 12° СШ, 45° ВД до острова Майон (Перим) в Баб-эль-Мандебском проливе. Восточная граница – по 78° ВД, южная граница – по 10° ЮШ и северная граница – по 26° СШ¹⁵⁷.

С целью снижения напряженности между участниками миссии по борьбе с пиратством в Аденском заливе, вызванными указанными выше вопросами, политическое руководство Китая выступает с рядом предложений.

Во-первых, повышать координацию между министерствами иностранных дел всех участвующих в миссии стран, выносить

---

¹⁵⁶ The Chinese People's Liberation Army in 2025 / Strategic Studies Institute and U.S. Army War College Press, July 2015, 198 p.

¹⁵⁷ Robert Smith, 'China's Role in UN Peacekeeping'// Institute of National Security, Washington, 2018, 67 p.

вопросы, обсуждаемые в двустороннем формате, на рассмотрение КГПС. С целью достижения единства мнений по борьбе с пиратством в Аденском заливе Пекин обозначил свою позицию решать возникающие проблемы преимущественно в рамках КГПС без воздействия других структур.

Во-вторых, оказывать экономическую и гуманитарную поддержку правительству Сомали: повысить уровень жизни населения государства, предоставлять финансовую помощь для борьбы с бедностью, устранивать условия для развития пиратской деятельности.

В-третьих, поддерживать российскую сторону по вопросу сокращения размеров зоны повышенного риска. Кроме того, немаловажным считается повышение эффективности участия ВМС НОАК в миссии по борьбе с пиратством в Аденском заливе.

Всего с момента привлечения ВМС НОАК к работе в этой миссии в 2008 г. в ней приняли участие более 80 боевых кораблей и вспомогательных судов. По состоянию на начало 2020 г. они осуществили конвоирование более 7000 судов различного назначения, половина из которых принадлежала иностранным государствам. По сложившейся практике отряд ВМС НОАК в Аденском заливе включает два боевых корабля, одно судно комплексного снабжения, два вертолета и одно формирование специального назначения (численностью до 70 военнослужащих). Продолжительность боевой службы для кораблей составляет 3–4 месяца, судов комплексного снабжения – 6–8 месяцев. Китайские корабли оказали помощь в освобождении от пиратов восьми, в отражении – восьми и избежании преследования более 80 судам¹⁵⁸.

Задачи по конвоированию судов в Аденском заливе и у побережья Сомали на регулярной основе выполняет отряд китайских кораблей: сторожевые корабли «Линьи» (бортовой номер 547) и «Вэйфан» (бортовой номер 550) из состава 10 бригады эскадренных миноносцев Северного флота, а также судно комплексного снабжения «Вэйшаньху» (бортовой номер 887) ВМС НОАК. Ранее данный отряд в период с 29 марта по 6 апреля 2014 г. привлекался к решению задач гуманитарного характера, связанных с обострением

---

¹⁵⁸ Kanwa Defense Review / Asian Defence Center, September, 2019, 86 p.

обстановки в Йемене. Им осуществлена эвакуация 619 граждан КНР и 278 иностранцев из юеменских портов Аден и Ходейда в Джибути. Обращение иностранных государств к Пекину с просьбой об оказании помощи в спасении своих граждан показало возрастающую степень международного доверия к КНР¹⁵⁹.

Для передачи миссии от одного отряда другому определены два места – в акватории Аравийского моря севернее острова Сокотры (Йемен) и на севере Баб-эль-Мандебского пролива. Ширина коридора патрулирования составляет 180, протяженность – от 430 до 610 морских миль в зависимости от метеорологических условий, а также пиратской активности. Боевые корабли, закончившие выполнять задачи по борьбе с пиратством, наносят дружественные визиты в страны Африки, Европы, Ближнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии. В отдельных случаях с рядом ВМС иностранных государств проводились совместные учения. В ближайшей перспективе Пекин планирует продолжать участие в миссии в Аденском заливе, а также развивать сотрудничество с заинтересованными государствами в сфере противодействия преступной деятельности на море.

КНР прилагает усилия к расширению своего военного присутствия в Джибути¹⁶⁰. Данный форпост может использоваться в ходе борьбы с пиратством, миротворческих и спасательных операций, а также для обеспечения деятельности НОАК по защите китайских интересов в регионе. По официальной информации министерства национальной обороны Китая, основное предназначение базы в Джибути – пополнение материальных запасов эскортных кораблей, решающих задачи в Аденском заливе и других акваториях, а также отдых их экипажей. Вместе с тем, учитывая расположение базы, позволяющее силам НОАК осуществлять контроль морских путей между Красным морем и Индийским океаном, американские эксперты полагают, что развертывание и совершенствование

---

¹⁵⁹ Asia-Pacific Defense Magazine / YUE-RU Culture Creative International, INC, October, 2019, 74 р.

¹⁶⁰ Казанин М. В. Военное присутствие КНР в Джибути: геополитические причины и перспективы / Ближний Восток и современность Сборник статей (выпуск 52). М., 2018, С. 86–97.

ее инфраструктуры предназначены для расширения китайского военного присутствия в стратегически важном с точки зрения добычи и транспортировки энергоресурсов регионе¹⁶¹.

Помимо этого, она располагается в непосредственной близости от американской экспедиционной базы Кэмп-Лемонье, военно-служащие которой осуществляют антитеррористическую деятельность в Северной Африке¹⁶². Вместе с тем американские специалисты полагают, что Китай использует антиpirатскую деятельность для прикрытия операций по освоению Индийского океана подводными лодками.

Таким образом, направления ближневосточной политики Китая можно охарактеризовать как комплекс мероприятий, сочетающий как «мягкие», так и «жесткие» методы достижения целей внешней политики. Отличительной особенностью китайской ближневосточной политики можно назвать активное воздействование силовых структур: участие НОАК (в составе миротворческих контингентов и самостоятельно) и ЧВК.

Выводы по главе

В результате проведенного исследования представляется возможным сделать следующие выводы и обобщения в отношении ближневосточного вектора внешней политики КНР:

1. В целом, несмотря на сохраняющуюся неопределенность в развитии ситуации в регионе, китайская сторона намерена и в дальнейшем направлять усилия на упрочение традиционных тесных связей с арабским миром. При этом признано целесообразным вести диалог как с правящими, так и с оппозиционными политическими силами государств Ближнего Востока.

Кроме того, особое внимание предполагается уделять созданию благоприятных условий для торговли и инвестирования с целью довести в течение ближайшего десятилетия взаимный товарооборот

---

¹⁶¹ <http://to.chineseembassy.org/chn/fyrth/t1775502.htm> (01.10.2020).

¹⁶² http://www.xinhuanet.com/mil/2020-01/18/c_1210443202.htm (01.10.2020).

до 600 млрд долл. и увеличить объем совокупных китайских инвестиций до 60 млрд долл. Для этого Пекин планирует активно продвигать проект «Один пояс, один путь».

2. Несмотря на формирование противоречий с арабскими странами региона по вопросам транспортировки углеводородов, Китай продолжает углублять связи с неарабскими государствами Ближнего Востока. Китайские специалисты убеждены, что одновременное воздействие большого количества стран региона в проекте «ОПОП» позволит перенести существующие противоречия арабских и неарабских стран (Израиль, Турция, Иран) на второй план за счет pragматичного подхода и смещения акцентов на получение прибыли всеми участниками инициативы.

3. Политическое и военное руководство Китая активно и последовательно расширяет свое влияние на Ближнем Востоке, используя для этого миротворческие миссии ООН, производство и экспорт вооружений, а также укрепление торгово-энергетических связей с государствами региона. Вместе с тем в краткосрочной перспективе китайская сторона не сможет в полном объеме заменить США в качестве ключевого союзника стран Ближнего Востока и государства-гаранта их безопасности.

4. Сотрудничество КНР со странами Ближнего Востока

4.1. Сотрудничество КНР с Саудовской Аравией

Представляется возможным выделить следующие факторы, обуславливающие сотрудничество КНР и КСА.

Фактор первый. «Нефть – это кровь промышленности», и в этих условиях для «второй экономики мира» – Китая – необходимы регулярные поставки как сырой нефти для создания резервов, так и нефтепродуктов для непосредственной продажи на внутреннем рынке.

Фактор второй. Регион Персидского залива является ключевым в вопросах транспортной доступности рынков на других континентах.

По мнению китайских аналитиков, руководству Поднебесной необходимо поощрять развитие культурного взаимодействия со странами Персидского залива, поскольку устойчивое сотрудничество в области культуры является залогом доверительного и долгосрочного партнерства в экономике. В качестве примера удачного «культурного» маневра председателя КНР Си Цзиньпина можно привести названия стратегических планов «Новый шелковый путь» и «Морской шелковый путь 21-го века», которые оказали прямое воздействие на восприятие руководителей стран Персидского залива.

Председатель КНР определил следующие принципы дальнейшего развития отношений между Поднебесной и КСА, которые должны стать залогом развития политических, культурных и экономических контактов: взаимное уважение и взаимное доверие, равенство, взаимная поддержка и предоставление преференций, взаимные интересы и общая победа, укрепление доверия между народами и искоренение недоверия.

Как заявил руководитель китайского государства, Китай и Саудовская Аравия «находятся в одной лодке, и обе страны должны

доверять и полагаться друг на друга, и, установив тесный контакт, двигаться к будущим свершениям».

Напомним, что КНР и КСА официально установили дипломатические отношения в 1990 г., а в 2008 г. они уже получили статус «стратегических и дружественных»¹⁶³.

Следует отметить, что с начала 1990-х гг. прошлого столетия КСА является основным торгово-экономическим партнером КНР на Ближнем Востоке, именно в королевстве китайские компании реализуют важнейшие инженерные проекты. В 2014 г. объем двусторонней торговли составил 69,15 млрд долл. США, что в 230 раз больше по сравнению с показателями 1990 г. По объемам поставок нефти в КНР саудовские компании занимают лидирующие позиции. Так, в 2014 г. из КСА в Китай было импортировано почти 50 млн тонн нефти, что составило 16,1 % от импорта.

В настоящее время в КСА осуществляют коммерческую деятельность более 160 компаний из КНР. Они участвуют в строительстве железных дорог, портов, электростанций (вероятно, будет построена АЭС на три энергоблока с реакторами «ACP-1400»), жилых домов и сетей сотовой связи. По данным статистики, в 2014 г. китайские компании подписали контрактов на строительство на общую сумму в 9,47 млрд долл. США (увеличение на 48,5 % по сравнению с 2013 г.), а за 10 месяцев 2015 г. подписано контрактов еще на 5,37 млрд долл. США.

Одним из самых важных проектов стало строительство самого большого НПЗ на побережье Красного моря в г. Янбу (КСА). Контракт стоимостью 8,5 млрд долл. США реализуют CNPC (КНР, 62 % акций) и Saudi Aramco (КСА, 37,5 % акций). Согласно плану, НПЗ будет занимать территорию в 5200 км² и позволит ежегодно перерабатывать 20 млн тонн нефти, а доходы китайской стороны составят около 100 млрд долл. США ежегодно. Первая очередь этого гигантского завода была запущена 16 января 2015 г., но пока предприятие в основном производит только высокоочищенное дизельное топливо¹⁶⁴.

---

¹⁶³ http://www.xinhuanet.com/money/2020-04/13/c_1210555701.htm (10.10.2020).

¹⁶⁴ <http://capital.people.com.cn/h1/2020/0421/c405954-31681900.html> (10.10.2020).

Кроме того, Saudi Aramco в сотрудничестве с «Китайской северной промышленной группой компаний», также известной как «НОРИНКО» (ведущий производитель вооружения и военной техники для подразделений сухопутных войск НОАК), еще в 2015 г. начала подготовку к созданию предприятия, которое будет контролировать деятельность нового нефтеперерабатывающего / нефтехимического кластера, запланированного в провинции Ляонин в районе г. Паньцзинь¹⁶⁵.

В результате проведенной подготовительной работы саудовские инвесторы смогли ознакомиться с проектом будущего предприятия, которое будет способно перерабатывать 15 млн тонн нефти ежегодно и поставлять национальным и зарубежным потребителям такие продукты, как бензин (высокоочищенный авиационный бензин), высокоочищенное дизельное топливо, авиационный керосин, базовые гидрокрекинговые масла для двигателей внутреннего сгорания, этилен и параксиол. Кроме основного НПЗ, на территории будут возведены два нефтехимических комбината. Для сравнения: в настоящее время суммарные мощности нефтеперерабатывающих предприятий «НОРИНКО», расположенных в провинции Ляонин, – всего 8 млн тонн нефти в год.

Первой из китайских компаний, получивших доступ к железнодорожным проектам в КСА, стала China South Locomotive & Rolling Stock Corporation. Первый контракт с Эр-Риядом был заключен еще в 2009 г. Крупнейшая китайская компания по производству подвижного состава обязалась поставить грузовые вагоны разного предназначения для доставки грузов из северных районов страны в южные порты. Кроме того, контракт подразумевал участие китайской компании в развитии базовой инфраструктуры для строящейся ж/д линии «Юг-Север». Трудности при реализации данного проекта определяют природные и климатические особенности: песок, высокие температуры, сильный ветер.

Следует отметить, что конкуренцию китайским железнодорожникам в арабских проектах составляют мировые лидеры рынка:

---

¹⁶⁵ <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3081821/china-should-play-oil-producers-against-each-other-crisis> (10.10.2020).

«Альстом» (Франция), «Хёндэ» и «Самсунг» (Республика Корея). При этом 18-е строительное управление China Railway Group Limited в сотрудничестве с французской «Альстом» и саудовскими ACC и MASCO успешно справляется со строительством высокоскоростной железнодорожной магистрали «Харамейн», связывающей три ключевых города КСА на западном побережье: Мекку – Джиду – Медину. Протяженность данной ж/д линии составит 450 км (по другим данным, 480 км), по плану скорость перемещения пассажирских поездов – 360 км/ч, что позволит добраться из Мекки в Медину за два часа, а из Джиды в Мекку за 30 минут¹⁶⁶.

Замысел строительства подобной железной дороги появился у официального Эр-Рияда еще в 2008 г., однако к переговорам с иностранными компаниями об участии в этом проекте приступили только в 2009 г. По информации СМИ КНР, 18-е строительное управление China Railway Group Limited получило долю в 21,25 % (384,5 млн долл. США) от первоначальной стоимости работ, которая на тот момент составляла 1,8 млрд долл. США, однако в процессе строительства объем инвестиций в проект составил 6 млрд долл. США. С учетом трехкратного удорожания проекта чистая прибыль 18-го строительного управления China Railway Group Limited уже составила 380 млн долл. США¹⁶⁷.

Китайские строители выполнили практически все строительные работы по возведению бетонного основания пути, 27 мостовых эстакад и 13 арочных проходов для верблюдов. По информации СМИ КНР, в отдельных случаях для выполнения работ в срок использовался известный «постройкам социализма» метод – «ударные трудовые дни». Запуск линии «Мекка – Медина» состоялся 25 сентября 2018 г. На ней задействованы 35 составов по 15 вагонов (3 вагона бизнес-класса), что позволит перевозить до 15 млн пассажиров ежегодно.

---

¹⁶⁶ Шатэмай май гаотемашантяожушион (Железнодорожная ветка Мекка–Медина скоро будет введена в строй) URL: <https://xw.qq.com/cmsid/20180926A19UXP00> [Электронный ресурс] Pengxunwang (дата обращения: 01.09.2020).

¹⁶⁷ https://www.guancha.cn/internation/2020_04_10_546290.shtml (10.10.2020).

К 2016 г. китайские строители реализовали проект легкого наземного метро в г. Мекка. В рамках данного проекта возведена линия протяженностью 19,66 км, построено девять станций (семь из них на эстакадах). Проект выполнен за 22 месяца. Данная ветка обеспечивает перевозку до 72 000 человек в час¹⁶⁸.

В настоящее время КСА располагает ж/д линиями общей протяженностью всего 1200 км, а после реализации ряда крупномасштабных проектов (Мекка – Джидда – Медина, «Юг – Север» и др.) в течение ближайших пяти – восьми лет планируется дополнительно ввести в строй еще 5800 км скоростных (до 250 км/ч) и высокоскоростных (до 400 км/ч) путей. Для этого в бюджете КСА предусмотрены 16,5 млрд долл. США инвестиций¹⁶⁹.

Осуществляется взаимодействие и в сфере технологий¹⁷⁰. Саудовская Аравия и китайская научно-техническая компания BGI (г. Шэнъчжэнь) подписали соглашение о сотрудничестве по проведению анализов на коронавирус нового типа COVID-19, с целью расширить тестирование населения КСА на вирус¹⁷¹. В соответствии с соглашением стороны сотрудничают в строительстве шести больших лабораторий для проведения анализов на наличие COVID-19 в Саудовской Аравии¹⁷².

Таким образом, проведенный анализ сотрудничества Китая с Саудовской Аравией показывает, что Пекин умело продвигает свои интересы и достигает своих целей. КНР имеет гарантированный доступ к энергетическим ресурсам и преуспевает в расширении экономических связей с КСА. По мнению китайских специалистов, стратегическое партнерство КНР с Саудовской Аравией в ближайшей перспективе будет способно уравновесить влияние США в регионе.

---

¹⁶⁸ Шатэлиядэ дите сянму (Проект метро в Эр-Рияде, Саудовская Аравия)
URL: <http://finance.sina.com.cn/roll/2017-01-11/doc-ifxzqhka2668163.shtml> [Электронный ресурс] SinaCorporation(дата обращения: 01.09.2020).

¹⁶⁹ <http://yuqing.people.com.cn/n1/2020/0331/c209043-31655354.html> (10.10.2020)

¹⁷⁰ <https://www.prnasia.com/story/278870-1.shtml> (10.10.2020).

¹⁷¹ <https://www.spa.gov.sa/viewfullstory.php?lang=ch&newsid=2051269> (10.10.2020)

¹⁷² <https://www.who.int/zh/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-member-state-briefing-on-covid-19> (10.10.2020).

4.2. Сотрудничество КНР с Ираном

Дипломатические отношения между Ираном и Китайской Народной Республикой установлены в 1971 г. В иранских политических кругах склонны рассматривать Китай как потенциально крупнейшую ядерную мировую державу, способную стать лидером третьего мира, поэтому Иран, претендующий на роль ведущей региональной державы на Среднем Востоке и лидера мусульманского мира, хотел бы иметь с КНР как можно более высокий уровень согласованности политических позиций¹⁷³. Для руководства ИРИ Китай не только важнейший политический компонент их азиатской политики, но и перспективный альтернативный Западу партнер, способный содействовать укреплению экономики Ирана, повышению его обороноспособности, а также смягчению международной политico-экономической изоляции страны¹⁷⁴.

Сотрудничество КНР с Исламской Республикой Иран характеризуется расширением взаимодействия по различным направлениям. Китайское руководство сосредоточило усилия на укреплении политического взаимодоверия с ИРИ, обеспечении поддержки Тегераном инициативы «Один пояс, один путь», выработке мер по увеличению объемов товарооборота, наращивании сотрудничества в сферах энергетики и инфраструктурного строительства. Предпринимаются шаги по активизации гуманитарных связей.

Американские эксперты отмечают высокий уровень отношений между КНР и Ираном. Подчеркивается, что выход Вашингтона из ядерной сделки с Тегераном и возобновление на него санкционного давления вынудили европейские компании свернуть свою деятельность в Иране, что создало условия для развития экономического взаимодействия с Китаем, чьи компании начали активно работать на иранской территории.

---

¹⁷³ Scott Warren Harold and Alireza Nader, China and Iran: Economic, Political, and Military Relations, Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, OP-351-CMEPP, 2012.

¹⁷⁴ “China Floods Iran with Cheap Consumer Goods in Exchange for Oil,” Guardian, February 20, 2013.

В конце мая 2018 г. министерство нефти Ирана выдвинуло условия в отношении французской компании «Тоталь», в соответствии с которыми фирме предлагалось в двухмесячный срок официально объявить о продолжении работ и тем самым стать объектом американских санкций. В противном случае доля «Тоталь» в разработке нефтегазового месторождения «Южный Парс» перейдет к китайской национальной нефтегазовой корпорации CNPC¹⁷⁵. В результате руководство компании «Тоталь» приняло решение о приостановке разработки месторождения и соответствующие права были переданы Китаю.

Вместе с тем подчеркивается, что Си Цзиньпин и другие высшие должностные лица правительства КНР и КПК неоднократно высказывались за сохранение сложившегося формата ядерной сделки, несмотря на все выгоды, которые получал Пекин после выхода из нее Вашингтона. Стабильное и прогнозируемое развитие ситуации вокруг Ирана позволяло Китаю наращивать объемы импорта нефти из данной страны, а также создавало возможности для постепенной экспансии национальных компаний на рынки Ирана. Так, в период с января по май 2018 г. КНР увеличила импорт иранской нефти на 10 %: на Китай приходилось свыше четверти нефтяного экспорта, в то время как в период с мая по август текущего года данный показатель не превышает 20 %. Помимо этого, Иран играет важную роль в реализации китайского проекта «Один пояс, один путь». В этой связи, начиная с 2017 г., КНР реализует масштабные инфраструктурные проекты на территории страны, являющиеся объектом многомиллиардных инвестиций.

В 2016 г. страны возобновили соглашение о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, в соответствии с которым в 2017 г. было проведено совместное двустороннее военно-морское учение, один из этапов которого предусматривал действия кораблей в Ормузском проливе – акватории, через которую осуществляется транспортировка значительной части нефти из Ирана в Китай.

---

¹⁷⁵ China National Petroleum Corporation (CNPC) – крупнейшая китайская нефтегазовая компания. Штаб-квартира находится в Пекине. 100 % капитала компании принадлежит государству.

В настоящее время обе страны готовы продолжать сотрудничество в различных сферах, в том числе осуществлять торговлю вооружением и технологиями, что напрямую затрагивает американские интересы в сфере безопасности. Так, в марте 2017 г. американское правительство пришло к выводу о том, что Пекин осуществляет передачу Тегерану ядерных и ракетных технологий в нарушение мероприятий американского контроля экспорта в Иран.

В начале июля 2020 г. Иран объявил, что ведет с Китаем переговоры о соглашении сроком на 25 лет, которое охватывает сферы торговли, энергетики, инфраструктуры, телекоммуникаций и даже военного сотрудничества. Для Ирана перспектива создания стратегического партнерства с Китаем возникла в критически важное время. Иранское правительство столкнулось с народным недовольством: тонущая экономика страны пострадала от американских санкций, а теперь еще и от COVID-19. Ситуация усугубляется тем, что серия взрывов по всей стране усилила ощущение, что режим находится в осаде. Пострадали как минимум два объекта, связанных с иранской ядерной и ракетной программами, поэтому данные инциденты выглядят частью более широкой стратегии США и Израиля по сдерживанию иранского потенциала.

Именно поэтому новость о большом соглашении с Китаем служит для иранского правительства позитивным отвлекающим маневром, она даже позволяла ему «купить время» для сохранения статус-кво до президентских выборов в США в ноябре 2020 г. Результат этих выборов определит дальнейшую траекторию американо-иранских отношений и судьбу иранского ядерного соглашения 2015 г., известного как «Совместный всеобъемлющий план действий» (СВПД), и одновременно повлияет на президентские выборы в самом Иране в июне 2021 г.

На международной арене Иран всегда стремился сбалансировать одну великую державу с другой. В ответ на дипломатическое и экономическое давление США на протяжении последнего десятилетия силы безопасности Ирана стали склоняться к России, ключевые отрасли экономики страны – к Китаю, а правительство Х. Роухани – к Европе.

Для Китая стратегическое партнерство с Ираном, напротив, является минным полем. Хотя Китай не прекращал торговать с Ираном и инвестировать в инфраструктуру этой страны, углубление связей может вызвать гнев США в критический и крайне деликатный дипломатический момент. Потенциально рискуя санкциями США, Китай может потерять часть доступа к американскому рынку (который намного больше иранского). Неудивительно, что китайские официальные лица меньше говорят об этих переговорах, чем их иранские коллеги. Кроме того, Китай не хочет разрушать свои региональные партнерства с Израилем и Саудовской Аравией, а каждая из этих стран сейчас вовлечена в прокси-войны с Ираном или ведет тайные операции против него.

Так или иначе Китай явно видит определенную ценность в разработке всеобъемлющего соглашения с Ираном – крупным, важным региональным игроком, чьи огромные энергоресурсы и колоссальный экономический потенциал делают его естественным кандидатом для участия в китайском проекте «Один пояс, один путь», который ориентирован в западном направлении. Китай уже покупает у Ирана нефть со скидкой (а это не такая уж незначительная выгода для главного покупателя энергоресурсов в мире), и он стал ключевым торговым партнером Ирана, в том числе его главным поставщиком продукции тяжелого машиностроения и промышленных товаров.

Обращает на себя внимание роль религиозного фактора в ирано-китайских отношениях. Китай испытывает серьезную озабоченность в связи с проявлениями исламского фундаментализма в непосредственной близости от своих западных границ, особенно после исламской революции в Иране в 1979 г., и попытками соответствующих иранских религиозных организаций заниматься пропагандой исламских ценностей. Опасения Пекина вызывает также тот факт, что в религиозных центрах ИРИ обучаются китайские мусульмане, направляемые не только по официальным каналам взаимных обменов¹⁷⁶. Использование иранцами всех видов

---

¹⁷⁶ “Bi Key at Budan e Kola haye Chini Tabligh e Gharb Ast” [“Poor Quality of Chinese Goods Is Western Propaganda”], Digarban.com, March 11, 2012.

культурного взаимодействия для целей религиозной пропаганды заставляет китайскую сторону уделять этому вопросу внимание в ходе двусторонних контактов, предлагая иранцам (с учетом практического отсутствия на территории КНР последователей шиизма) воздержаться от религиозной пропаганды и миссионерской деятельности с обеих сторон¹⁷⁷.

Китайские аналитики признают, что китайско-иранское сотрудничество в экономической и военной сфере необходимо официальному Тегерану, чтобы успешно бороться с такими вызовами национальной безопасности, как деятельность Индии по наращиванию своих ВС, вероятность военных акций со стороны Израиля и усиление влияния Саудовской Аравии в регионе.

Примером такого стратегического партнерства стали поставки оборудования для строительства атомных электростанций и обогащения урана для создания ядерного оружия в период с 1985 по 1996 гг. Официальный Пекин втайне помогал иранским ученым получать опыт в другой закрытой авторитарной стране – Северной Корее, однако это не укрылось от пристальных взоров иностранных спецслужб. Китайские специалисты помогали построить и оснастить центр ядерных исследований в Исфахане, также было поставлено оборудование для электромагнитного разделения изотопов, добычи и очищения урановой руды, изготовления топливных элементов. Кроме этого, китайские ядерщики передали два исследовательских реактора и один термальный реактор небольшой мощности.

Следует отметить усиливающееся взаимодействие КНР и ИРИ по военно-политическому и военно-техническому направлениям. В условиях сохраняющейся технологической блокады Ирана со стороны США и ЕС роль стратегического партнера в вопросе обеспечения военной безопасности страны взял Пекин. В течение нескольких десятилетий китайский ОПК исправно снабжает ВС ИРИ широкой номенклатурой ВВТ. В большинстве случаев ВВТ китайского производства модернизируется иранскими инженерами для адаптации к местным условиям эксплуатации.

---

¹⁷⁷ John Garver, “China-Iran Relations: Cautious Friendship with America’s Nemesis,” China Report, Vol. 49, № 1, February 2013.

Благодаря трансферу технологий иранские военные инженеры и конструкторы создают модификации баллистических ракет малой, средней и большой дальности, поскольку, по мнению иранского высшего военного командования, ракетное оружие – это единственное эффективное средство нанесения упреждающих и ответных ударов по инфраструктуре ВС США и их союзников в регионе в случае начала боевых действий. Очередным доводом в пользу китайского ВВТ стал отказ России в 2010 г. поставить ЗРК С-300, что позволило китайскому ОПК продать ИРИ свои системы ПВО¹⁷⁸.

Очевидным прорывом в ВТС стал визит председателя КНР Цзян Цземиня в Тегеран в апреле 2002 г. Были достигнуты долгосрочные договоренности по обслуживанию поставленной из КНР авиационной техники, развитию ВМС, лицензионному производству компонентов и узлов к ракетной технике. Стороны договорились также возобновить замороженное в 1999 г. сотрудничество в атомной энергетике (разработка урановых месторождений, ядерных исследований, подготовка иранских специалистов в китайских вузах). Новым направлением ВТС двух стран стало создание совместных предприятий, в частности, в области разработки и производства эхолотов, глубиномеров, систем компьютерного моделирования обстановки для летных и морских тренажеров, картографии, геодезии. Пекин активно помогает Ирану в реализации проектов по разработке ракет малой и средней дальности, в частности ракет на твердом топливе¹⁷⁹.

Таким образом, тактика Пекина в отношении Тегерана остается выжидательной. Развитие взаимодействия Китая с ИРИ по-прежнему сдерживается сохраняющимися ирано-американскими противоречиями. Основное внимание уделяется предварительной проработке крупных долгосрочных проектов, а условия их практической реализации ставятся в зависимость от выполнения. В целях снижения рисков Пекин проявляет заинтересованность в участии в многосторонних проектах по добыче иранских углеводородов.

---

¹⁷⁸ Казанин М. В. Особенности стратегического партнерства Китая и Ирана // Веб-сайт Института Ближнего Востока: <http://www.iimes.ru/?p=24841> (16.10.2020).

¹⁷⁹ David Albright and Andrea Stricker, “Iran’s Nuclear Program,” in United States Institute of Peace, e Iran Primer, Washington, D.C., updated September 2015.

Например, в июле 2017 г. стороны заключили контракт на сумму 4,8 млрд долл., предусматривающий участие китайских компаний в совместной разработке месторождения «Южный Парс» в Персидском заливе с оценочными запасами нефти более 6 млрд тонн, газа – 28 трлн м³. В 2017 г. товарооборот между двумя странами увеличился на 19 % и составил 37,2 млрд долл.

4.3. Сотрудничество КНР с Израилем

КНР и Государство Израиль официально установили дипломатические отношения в 1992 г., однако фактически КНР и Израиль начали сотрудничество еще в середине 1970-х гг. с совместных разработок ВВТ. За прошедшие годы были подписаны двусторонние соглашения, позволившие установить и развить сотрудничество в таких областях, как туризм, культурный обмен, авиационное сообщение, миграция рабочей силы и др¹⁸⁰.

Заместитель председателя научного совета КНР по Ближнему Востоку и по совместительству начальник Научно-исследовательского центра иудаизма (Шанхай) Пань Гуан полагает, что в 2016 г. объем двусторонней торговли между КНР и Израилем достиг 11,3 млрд долл. США и китайские компании инвестировали более 6 млрд долл. США в совместные проекты. Израильские специалисты отмечают, что за прошедшие 25 лет объем товарооборота между Израилем и КНР вырос в 200 раз, а между КНР и США в 20 раз. С учетом постоянных контактов между предпринимателями двух государств Израиль одобрил выдачу гражданам КНР многократных виз сроком на 10 лет¹⁸¹.

---

¹⁸⁰ Исэледуй гецечжунхэцочунманьсиньсинь (Израиль полностью доверяет сотрудничеству с КНР в различных сферах) / http://www.xinhuanet.com/world/2019-06/26/c_1124674642.htm [Электронный ресурс] Xinhua News Agency (дата обращения: 01.09.2020).

¹⁸¹ Чжунгоисэлецзинмаохэцоцзынькуан (Общие данные о торгово-экономическом сотрудничестве КНР и Израиля) / <http://xyf.mofcom.gov.cn/article/tj/hz/201903/20190302839885.shtml> [Электронный ресурс] Ministry of Commerce of People's Republic of China Department of Western Asian and African Affairs (дата обращения: 01.09.2020).

Китайские специалисты полагают, что китайско-израильское сотрудничество обусловлено процессом реализации инициативы председателя КНР Си Цзиньпина «Один пояс, один путь». Фактически Израиль уже принимает участие в этом геоэкономическом проекте Поднебесной по формированию новой экономической реальности. По данным китайских источников, китайские и израильские инженеры прорабатывают план строительства высокоскоростной железной дороги, соединяющей Средиземное и Красное моря, что позволит оперативно отправлять товары из Азии как в Европу, так и в страны Африки. Этот и другие проекты позволят Израилю стать транспортным хабом, который свяжет КНР, страны Азии, Европы и Северной Африки в рамках Морского шелкового пути XXI века¹⁸².

Китайская компания Shanghai International Port (Group) Co., Ltd получила право эксплуатации инфраструктуры нового порта Хайфы сроком на 25 лет. По данным СМИ КНР, китайская корпорация построит на территории порта новый контейнерный терминал с причальной стенкой общей протяженностью 1500 м, установит все необходимое погрузочное оборудование, которое позволит обрабатывать 1,86 млн контейнеров в год. Соглашение между SIPG и министерством транспорта Израиля было подписано в мае 2015 г. и предусматривало, что за шесть лет до начала управлеченческой деятельности китайские подрядчики проведут модернизацию инфраструктуры грузового терминала порта. Совокупная стоимость работ вместе с новым оборудованием была оценена в 2 млрд долл. США¹⁸³.

По мнению израильских специалистов, появление SIPG на рынке морских перевозок в Израиле позволит местным производителям получить более низкие тарифы на транспортировку продукции в

---

¹⁸² Шэнъчжэнь дите шэнъбяоисэлетелавэйфуцингуй (Шэнъчжэньская компания получила тендер на строительство легкого метро в Тель-Авиве) / <https://www.chinanews.com/cj/2017/09-03/8321248.shtml> [Электронный ресурс] China News Net (дата обращения: 01.09.2020).

¹⁸³ Чжунго хо исэлечканьюэганкоуэрши у нянь иньюнциаань (Китай получил право пользования израильским портом сроком на 25 лет) / http://news.ifeng.com/a/20180921/60078154_0.shtml [Электронный ресурс] Phoenix Media (дата обращения: 01.09.2020).

Европу или в Азию, поскольку национальные перевозчики установили непомерно высокие цены на свои услуги. Кроме того, с учетом специфики работы и жизни в Израиле китайская корпорация планировала принять на работу до тысячи местных жителей на исполнительные и руководящие должности среднего уровня¹⁸⁴.

Как сообщают СМИ КНР, официальный Вашингтон оказывает давление на военно-политическое руководство Израиля с целью пересмотра соглашения с китайской компанией Shanghai International Port Group о предоставлении ей права управления коммерческими перевозками через порт Хайфа.

Китайские обозреватели, проживающие в Израиле, сообщают, что официальный Вашингтон намерен добиться проведения дополнительной проверки условий соглашения с точки зрения обеспечения национальной безопасности еврейского государства, поскольку в акватории порта Хайфы размещена военно-морская база ВМС Израиля, на которой дислоцированы дизель-электрические подводные лодки (ДЭПЛ) проекта «Dolphin» («Дельфин»). Данные субмарины позволяют осуществлять пуски ракет «Popeye Turbo» с ядерными головными частями и наносить удары по целям в любой из мусульманских стран БВСА. Китайские военные эксперты называют такой повод надуманным, поскольку места базирования ДЭПЛ давно известны, их тактико-технические характеристики, равно как и возможности их вооружения, являются «секретом Полишинеля» для большинства военных разведок мира. Интерес китайской военной или нелегальной разведки к подводным силам израильского флота может быть объяснен только лишь необходимостью оповещения официального Тегерана о подготовке к реальной операции с участием указанных ДЭПЛ¹⁸⁵.

---

¹⁸⁴ Чжунгоганвань Исэлеашдодэсянму (Китайские компании реализуют проект в израильском порту Ашдод) / <http://news.cri.cn/20181214/83df9251-df6c-a139-1d36-8ab45e0766ac.html> [Электронный ресурс] CRI Online (дата обращения: 03.09.2020).

¹⁸⁵ Чжунгоцаньюй юй исэлеганкоуцзяньшэ (Китай участвует в строительстве портов в Израиле) / <http://mideast.shisu.edu.cn/c3/dc/c3991a115676/page.htm> [Электронный ресурс] Shanghai International Studies University (дата обращения: 02.09.2020).

В ситуации с портом Хайфа необходимо отметить военно-морской аспект израильско-американского сотрудничества. В настоящий момент рассматриваемая морская гавань является пунктом временного размещения надводных боевых кораблей 6-го флота ВМС США (возможно базирование атомных авианосцев типа «Нимиц»), который действует в Средиземном море и является весомым аргументом США в отношениях с любым из государств этого бассейна. Перевод порта Хайфы под управление китайской компании может повлиять на присутствие американских военных кораблей в Израиле.

Опасность отказа Израиля от подписанного соглашения состоит в том, что китайские компании являются основными инвесторами как в израильские высокотехнологичные предприятия, так и в стартапы, которые впоследствии выходят на мировой уровень.

Другая китайская корпорация – China Harbor Engineering Co., Ltd к 2022 г. реализует проект по расширению возможностей порта Ашдод, который станет мостом между Европой и Азией. Стоимость работ и нового оборудования – 867 млн долл. США. Кроме того, китайская Cosco Shipping Ports and China Merchants Port Holdings разработала и намерена реализовать проект расширения порта Эйлат.

Израильские разработчики ВВТ еще в 70-е и 80-е гг. прошлого столетия установили тесные контакты с партнерами из КНР. В результате китайско-израильского ВТС, реализуемого вопреки официальному Вашингтону, конструкторы и специалисты предприятий ОПК КНР освоили технологии проектирования и изготовления: управляемых ракет класса «воздух-воздух»; легких разведывательных беспилотных летательных аппаратов (БПЛА); беспилотных летательных снарядов, предназначенных для ударов по радиолокационным станциям вероятного противника. Именно благодаря израильской разработке национального истребителя «Лави» китайские авиастроители смогли создать собственный легкий одномоторный истребитель под обозначением «Цзянь-10», который позволил заменить устаревшие модели боевых самолетов BBC НОАК¹⁸⁶.

---

¹⁸⁶ Казанин М. В. Об активной деятельности КНР на Ближнем Востоке и Африканском роге / Ближний Восток и современность. Сборник статей (выпуск 53). М., 2019, С. 56–80.

По данным китайских источников, первые официальные контакты правоохранительных органов Израиля и КНР состоялись в 2007 г., когда в Шанхай с официальным визитом прибыл начальник управления полиции г. Тель-Авив, который провел встречи с представителями Министерства общественной безопасности (МОБ) КНР и сотрудниками Научно-исследовательского центра антитеррора НИИ Современных международных отношений КНР. Специалисты указанного института проводили анализ внешних террористических угроз мероприятиям летней Олимпиады, которая состоялась в Пекине и других крупных городах КНР в 2008 г.

По окончании визита начальник управления полиции г. Тель-Авив пригласил китайских коллег посетить Израиль и перейти к более эффективному сотрудничеству – обмену информацией о террористических организациях и методиках предотвращения террористических актов и проведения антитеррористических операций¹⁸⁷.

Именно после этой двусторонней встречи китайские специалисты провели оценку антитеррористических мер защиты олимпийских объектов и пришли к выводу о необходимости проведения серии учений подразделений МОБ и Народной вооруженной милиции (НВМ) в аэропортах городов западных провинций. Кроме того, перед военнослужащими инженерных подразделений СВ HOAK была поставлена задача разработать порядок эвакуации граждан со спортивных мероприятий в случае применения террористами химического или биологического оружия.

Одновременно руководство МОБ приняло решение о направлении специальных подразделений на учебные сборы в Израиль, которые стали постоянными с 2012 г., когда руководство Пограничной полиции МАГАВ предложило проводить однومесячные курсы для военнослужащих МОБ и НВМ на территории Израиля. Именно в рамках этих курсов представители специальных подразделений МОБ

---

¹⁸⁷ Ислефанькунчжуаньцзя: чжунгоинюй гоццизяньлигунтун фанькунцзи (Израильские специалисты: КНР должна создавать совместный международный антитеррористический орган) / <http://www.cjss.org.cn/a/zhongwen/youtaishijie/2014/1124/245.html> [Электронный ресурс] Shanghai Academy of Social Sciences (дата обращения: 01.09.2020).

и НВМ познакомились с передовыми техническими разработками израильских конструкторов, которые создали Corner Shot – специальное гибкое устройство, позволяющее вести стрельбу из-за угла.

Научно-исследовательский институт антитеррора Народного университета полиции КНР активно сотрудничает со специальными службами Израиля в разработке тактических приемов проведения операций по ликвидации или захвату террористов. В совместной китайско-израильской образовательной программе по подготовке будущих офицеров антитеррористических подразделений с китайской стороны ежегодно участвуют 80 курсантов, которые проходят жесткий отбор. Слушатели получают необходимые знания в области ведения разведки и сбора информации, опроса подозреваемых и планирования мероприятий по ликвидации террористов.

Кроме подготовки спецподразделений Китай и Израиль ведут активный обмен информацией о деятельности террористических группировок и их дальнейших планах. Значительную часть информации о событиях «арабской весны» в странах Северной Африки и Ближнего Востока китайские военные и спецслужбы получали от своих израильских партнеров. Таким образом, благодаря усилиям министерств и ведомств КНР и Израиля товарооборот между двумя государствами будет только расти. В свою очередь, способность израильских специальных служб Израиля бороться с террористической угрозой является гарантом расширения двустороннего взаимовыгодного партнерства с КНР.

4.4. Сотрудничество КНР с Египтом

Китайские политологи полагают, что Арабская Республика Египет особенно заинтересована в Китае. Президент А.-Ф. ас-Сиси посетил Китай шесть раз с момента вступления в должность в 2014 г., и прямые иностранные инвестиции КНР в Египет за тот же период резко возросли – объем составил около 15 млрд долл США¹⁸⁸.

---

¹⁸⁸ «China Global Investment Tracker», American Enterprise Institut / <http://www.aei.org/china-global-investment-tracker/> (22.09.2020).

Такое положение дел можно отчасти трактовать как политику диверсификации, проводимую Египтом, поскольку Соединенные Штаты и Европа стали более открыто критиковать Каир после того, как за переворотом А.-Ф. ас-Сиси последовало подавление протестов.

Для сравнения: приверженность Китая невмешательству во внутреннюю политику других стран представляет для Ближнего Востока привлекательную альтернативу. Некоторые египетские чиновники описывают отношение к Китаю следующими словами: «Есть экономические державы, у которых есть возможность помочь нам, но нет желания, и другие, у которых есть желание, но нет возможности. Китай возглавляет список тех, у кого есть и возможности, и желание»¹⁸⁹.

Выражая озабоченность по поводу поддержки Западом правительства А.-Ф. ас-Сиси, Египет извлек выгоду из инвестиций Китая в рамках проекта «Один пояс, один путь». Независимо от того, является ли это попыткой привлечь внимание Вашингтона или разумной стратегией хеджирования (открытие сделок на одном рынке для компенсации ценовых рисков позиций на другом) для более глубокого вовлечения КНР в один из стратегических проектов – железную дорогу между Красным и Средиземным морями. Представляется, что между Каиром и Пекином существует существенное сближение интересов, что указывает на углубление двусторонних отношений.

Китайская инфраструктура в Египте, составляющая часть проекта «ОПОП», значительна, но представляет только часть китайских прямых иностранных инвестиций в Египет. Ожидается, что китайские компании инвестируют 20 млрд долл. США в проект «Новый административный капитал». Известно, что китайские банки согласились предоставить 3 млрд долл. США, необходимые для строительства центрального делового района Каира¹⁹⁰.

---

¹⁸⁹ Heba Saleh, «Egypt Sees Chinese Investment, and Tourists, as a ‘Win-Win’ Boost», Financial Times, October 30, 2018 / <https://www.ft.com/content/e490d960-7613-11e8-8cc4-59b7a8ef7d3d> (22.09.2020).

¹⁹⁰ David Wood, «Egypt Loves China’s Deep Pockets», Foreign Policy, August 28, 2018 / <https://foreignpolicy.com/2018/08/28/egypt-loves-chinas-deep-pockets/> (22.09.2020).

Строительный холдинг China Harbour обсуждает с правительством АРЕ возможность расширения морского порта Александрия (стоимость проекта оценивается в 800 млн долл., из которых 80 % составляет кредит, предоставленный Экспортно-импортным банком Китая), а также создание контейнерного терминала в порту Думъят (200 км сев. г. Каир, стоимость проекта составит около 40 млн долл.). В рамках создания новой столицы АРЕ (г. Ведиан) компании China State Construction Engineering Corporation и China Fortune Land Development реализуют крупные проекты по застройке районов будущего административного центра АРЕ.

Китай наращивает свое присутствие в энергетической сфере Египта. Консорциум Dongfang Electric Corporation и Shanghai Electric group участвуют в тендере по развитию энергетической инфраструктуры восточной части АРЕ. Одновременно Shanghai Electric group ведет переговоры о разработке и реализации проекта электрификации железной дороги г. Александрия – г. Абу-Кир (23 км сев.-вост. г. Александрия). Корпорация Sinopec намерена увеличить инвестиции в развитие египетской нефтеперерабатывающей промышленности за счет строительства нефтехимических заводов. Кроме того, State Grid of China проявляет заинтересованность в инвестициях в электроэнергетику АРЕ, в том числе за счет развития возобновляемых источников энергии, а также в реализации концепции «умный город», подразумевающий совместное использование информационно-коммуникационных технологий и Интернета вещей для управления городской инфраструктурой.

В завершение отметим, что компания GCL Poli согласовывает с руководством Египта условия контракта о налаживании на территории страны производства поликремневых солнечных панелей суммарной мощностью до 1 ГВт в год. В области расширения цифровых коммуникаций отмечается высокий уровень сотрудничества с китайской корпорацией Huawei¹⁹¹. В частности, корпорация вышла в лидеры по поставкам современного телекоммуникационного

---

¹⁹¹ Полончук Р. А. Беспроводные сети пятого поколения в Израиле: новый виток противоборства США и КНР // Военно-промышленный курьер, вып. № 29 (842) за 04 августа 2020 г. [Электронный ресурс] / https://vpk-news.ru/sites/default/files/pdf/VPK_29_842.pdf (04.08.2020).

оборудования и сетевых решений для египетского рынка. Также она проводит работы в рамках программы «умный город» и исследования в сфере интеллектуальной электроэнергетики.

4.5. Сотрудничество КНР с Турцией

Развитие сотрудничества с Турцией представляет для КНР особую важность ввиду ее выгодного географического положения и высокой степени влияния в исламском регионе. Причем учитывается, что эта страна входит в НАТО и по ряду вопросов ориентируется на политику США. Китай намерен использовать ухудшение отношений Анкары с Евросоюзом и Североатлантическим альянсом для укрепления внешнеполитических и экономических связей с Турцией и продвижения за счет того долгосрочных интересов Пекина на Ближнем Востоке.

Основное внимание стороны уделяют наращиванию взаимодействия в торгово-экономической сфере. Китай рассматривает Турцию в качестве ключевого звена Шелкового пути в страны Европы. Стороны достигли соглашения в вопросе сопряжения инициативы «ОПОП» с турецкой стратегией «Срединного коридора». Двусторонний товарооборот в 2019 г. увеличился на 12,5 % и достиг 21,9 млрд долл., причем Китай стал вторым по значимости торговым партнером Анкары. При этом в торговле сохраняется дисбаланс торговли в пользу Китая, который Пекин готов компенсировать, прежде всего за счет наращивания закупок сельскохозяйственной продукции.

Серьезной проблемой в двусторонних отношениях является уйгурский вопрос. В рамках реализации политики пантюркизма Турция уделяет повышенное внимание данной тематике, используя фактор исторического родства и религиозной общности с уйгурами. Любые сообщения об их притеснении вызывают в турецком обществе бурную реакцию, влияющую на проводимую руководством страны политику в отношении КНР. Однако, несмотря на это, особое внимание КНР планирует уделить сотрудничеству с Анкарой в области безопасности, в первую очередь в рамках совместного противодействия

«Исламскому движению Восточного Туркестана», нацеленному на дестабилизацию обстановки в СУАР КНР.

В заключение отметим, что новые возможности в этой области открываются в связи с признанием Турцией данного движения террористической организацией, а также достигнутыми договоренностями по вопросу обмена информацией об уйгурах, возвращающихся в Китай из районов боевых действий в Ираке и Сирии. В свою очередь Пекин намерен содействовать продвижению интересов Анкары в рамках ШОС, «Группы двадцати», БРИКС.

4.6. Сотрудничество КНР с Ливаном, Иорданией и Палестиной

Анализ зарубежных СМИ показывает, что в данный момент Ливан переживает экономический кризис, и у него мало шансов на поддержку со стороны западных или арабских стран¹⁹². Китай понимает, что международные конфликты оказывают вторичное экономическое воздействие на соседние государства и поэтому нуждаются в региональном решении, в то время как Вашингтон стремится навязать государственноориентированный подход¹⁹³. Например, до войны (2011 г.) Сирия представляла динамичный центр торговли, связывающий Турцию, Ливан, Сирию, Иорданию, Египет со странами Персидского залива, и предоставляла единственный наземный торговый коридор Ливану¹⁹⁴.

Поскольку пункты пересечения границы для торговли с Сирией были жизненно важными артериями для Иордании и Ливана,

---

¹⁹² Christopher Ingraham, “How 2,000-year-old roads predict modern-day prosperity”, Washington Post, August 7, 2018 / <https://www.washingtonpost.com/business/2018/08/06/how-year-old-roads-predict-modern-day-prosperity/?noredirect=on>.

¹⁹³ Kaysie Studdard, “War Economies in a Regional Context: Overcoming the Challenges of Transformation”, International Peace Institute Policy Report, March 1, 2004 / <https://www.ipinst.org/2004/03/war-economies-in-a-regional-context-overcoming-the-challenges-of-transformation>.

¹⁹⁴ Josh Wood, “Syrian war deals heavy blow to Lebanon’s export business”, The National, September 25, 2016 / <https://www.thenational.ae/world/syrian-war-deals-heavy-blow-to-lebanon-s-export-business-1.127856>.

продолжающиеся санкции США и Европейского союза в отношении Сирии оказывают негативное влияние на экономики соседних стран¹⁹⁵. В результате войны и продолжающихся санкций торговля как Бейрута, так и Аммана резко упала и теперь находится под угрозой дестабилизирующего экономического коллапса.

Более того, игнорирование региональных аспектов конфликтов может также создать «эффект воздушного шара», когда нестабильность и конфликт перемещаются из одной страны в соседнюю¹⁹⁶. Руководство Китая придерживается мнения, что безопасность следует за экономическим развитием, и ясно дали понять, что восстановление предшествует политическому урегулированию. Таким образом, Пекин принимает региональный подход и теперь рассматривает Ливан как платформу для восстановления Сирии и Ирака.

В настоящее время Пекин рассматривает Бейрут в рамках инициативы «Один пояс, один путь» как важный узел в экономическом коридоре между Центральной и Западной Азией, а в 2018 г. Китайский совет по развитию международной торговли выбрал Ливан в качестве своей штаб-квартиры в странах Ближнего Востока и Северной Африки¹⁹⁷.

Порт Триполи также стал центральным пунктом назначения для еженедельных перевозок из Китая в регион восточного Средиземноморья и потенциальной стартовой площадкой для восстановления Сирии¹⁹⁸. В данный момент идут переговоры о восстановлении железнодорожной сети Триполи – Хомс, а также о запланированном создании в Триполи особой экономической зоны, прилегающей к порту. Следовательно, порт может стать полезным транспортным

---

¹⁹⁵ Chloe Cornish, “Reopening of Syrian-Jordan border revives regional trade”, Financial Times, October 29, 2018 / <https://www.ft.com/content/e580c1a6-d6de-11e8-aa22-36538487e3d0>.

¹⁹⁶ German Lopez, “The biggest problem with the war on drugs explained in one video—with dragons”, Vox, March 3, 2015 / <https://www.vox.com/xpress/2014/8/30/6083923/drug-war-on-drug>.

¹⁹⁷ China trade body chooses Lebanon as Middle East, North Africa headquarters, Xinhua, January 16, 2018 / http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/16/c_136900363.htm.

¹⁹⁸ Interview; Lebanon’s Tripoli port becomes central destination for weekly shipments from China to Eastern Mediterranean: director”, Xinhua, December 25, 2018 / http://www.xinhuanet.com/english/2018-12/25/c_137698213.htm.

узлом и связать некоторые из наиболее разрушенных районов Сирии, например Хомс и Алеппо¹⁹⁹.

Таким образом, опасения Вашингтона по поводу ослабления влияния США в странах Ближнего Востока и Северной Африки и, в частности, в Ливане могут быть не столько обусловлены численностью военнослужащих вооруженных сил страны или ориентацией «Хизбаллы» на восток в сторону Китая, сколько продолжением игнорирования США интересов других игроков в регионе.

Китай приветствует активное участие Иордании в китайском проекте «Один пояс, один путь» и готов углубить сотрудничество в энергетике, строительстве инфраструктуры. В свою очередь, Иордания намерена углубить взаимодействие с Китаем в рамках ОПОП, продвигать реализацию крупных двусторонних проектов по сотрудничеству в сферах энергетики и инфраструктуры, а также усилить координацию с Китаем по борьбе с терроризмом²⁰⁰.

Председатель КНР Си Цзиньпин и король Иордании Абдалла II подписали в 2015 г. совместное заявление о стратегическом партнерстве между двумя странами. В рамках китайско-иорданского сотрудничества на регулярной основе проводятся консультации по международным и региональным вопросам, осуществляется кооперация в областях торговли, инвестиций, промышленного производства, инфраструктуры, энергетики, финансов и правовых связей. КНР намерена поощрять китайские инвестиции и увеличение импорта из Иордании²⁰¹. По мнению китайских специалистов, в последние пять лет значительно увеличилась интенсивность культурных и образовательных обменов, а также связей в военной сфере.

Необходимо отметить принципиальный момент: правительство Иордании после установления дипломатических отношений в 1977 г. неизменно придерживается позиции политики «одного Китая» (единство материкового Китая и Тайваня)²⁰². Анализ китайских

---

¹⁹⁹ Сунь Деганг: Взрыв в Ливане казался внезапным, но на самом деле он выявил проблемы его управления // «Гуаньчжа» (https://www.guancha.cn/sundegang/2020_08_06_560263.shtml (дата обращения: 07.08.2020).

²⁰⁰ http://russian.news.cn/2015-09/09/c_134607632.htm (дата обращения: 10.10.2020).

²⁰¹ <https://laowai.ru/iordaniya-i-kitaj-obyavlyayut-o-strategicheskem-partnerstve/> (10.10.2020).

²⁰² <http://russian.people.com.cn/31520/7314103.html> (10.10.2020).

СМИ позволяет утверждать, что Китай и Иордания признают важность поддержания мира и стабильности на Ближнем Востоке путем реализации целей и принципов Устава ООН, а также международных законов²⁰³.

Важным направлением внешней политики КНР на Ближнем Востоке является участие в разрешении палестино-израильских противоречий. Китайская позиция заключается в необходимости обеспечения права палестинского народа на создание независимого государства в границах 1967 г. со столицей в Восточном Иерусалиме, прекращения строительства израильских поселений на спорных территориях, снятия блокады с сектора Газа и улучшения гуманитарной ситуации.

В данном контексте Пекин внимательно следит за развитием обстановки, выражая обеспокоенность в связи с ее периодическим обострением и призывая стороны к переговорам и достижению режима прекращения огня. В КНР подчеркивают, что затягивание переговорного процесса ведет к усилению конфронтации, и выступают за активизацию усилий международного сообщества в разрешении противоречий. Ведущая роль в ослаблении напряженности в регионе отводится Китаем Совету Безопасности ООН. Одновременно, по мнению Пекина, содействие в урегулировании конфликта должны оказывать арабские государства (в первую очередь Египет), способные воздействовать на руководство ХАМАС.

Си Цзиньпин с самого начала прихода к власти стал проводить более активную внешнюю политику на Ближнем Востоке. Показательны визиты по приглашению Си Цзиньпина лидера Палестинской национальной администрации (ПНА) М. Аббаса и премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху в Пекин в мае 2013 г. Однако китайские дипломаты остались верны практике ведения переговоров тет-а-тет и развели визиты по времени, тем самым, вероятно, «упустили» возможность усадить враждующие стороны за стол переговоров²⁰⁴.

---

²⁰³ <http://russian.people.com.cn/31520/7314103.html> (10.10.2020).

²⁰⁴ Казанин М. В. Некоторые особенности развития отношений КНР со странами Ближнего Востока // Институт Ближнего Востока <http://www.iimes.ru/?p=27037> (16.10.2020).

В 2020 г. стало известно, что Китай приветствует нормализацию отношений Израиля и ОАЭ, а также продолжит оказывать помощь ПНА. Китайский МИД обратил внимание на приостановление Израилем аннексии палестинских территорий и на усилия найти справедливый вариант решения палестинского вопроса²⁰⁵.

Таким образом, Китай предпринимает меры по смягчению напряженности в отношениях между странами Ближнего Востока, способствующие региональному миру и стабильности. Рассматривая Ливан в качестве важного логистического хаба в структуре проекта «Один пояс, один путь», китайские компании предполагают сделать его центральным пунктом для еженедельных перевозок из Китая в регион восточного Средиземноморья.

Китайско-иорданское сотрудничество характеризуется постепенным увеличением китайских инвестиций в Иорданию. В настоящее время отработан механизм проведения консультаций по международным и региональным вопросам. Приоритетными направлениями сотрудничества являются торговля, строительство объектов критической инфраструктуры.

Позиция китайской стороны по палестинскому вопросу неизменна: КНР продолжает оказывать поддержку палестинскому народу в создании независимого государства. Следует отметить, что вопрос урегулирования палестино-израильского конфликта ранее не являлся приоритетом китайской внешней политики, поскольку предыдущий руководитель КНР Ху Цзиньтао больше концентрировался на наращивании экономической мощи страны.

4.7. Сотрудничество КНР с Бахрейном, Катаром, Кувейтом, Оманом и ОАЭ

По мнению представителей китайского МИД, Бахрейн – наиболее открытое из всех государств Персидского залива в сфере инвестиций и внедрения инноваций. После установления китайско-бахрейнских

---

²⁰⁵ <http://biang.ru/ru/news/kitaj-posle-normalizacii-otnoshenij-izrailya-i-oae-zayavil-opodderzhke-palestine.html> (17.10.2020).

дипломатических отношений в 1989 г., постепенно возрастает значимость Бахрейна в ближневосточной политике КНР²⁰⁶. Китайско-бахрейнские контакты на высоком уровне укрепляются, а у проекта «ОПОП» и бахрейнского «Плана экономического развития до 2030 г.» существует множество общих концепций, сфер и моделей развития. Высшие руководители двух стран намереваются «состыковать» два стратегических проекта, чтобы обеспечить взаимовыгодное сотрудничество и устойчивое развитие.

Благодаря проекту «Один пояс, один путь» стремительно растет число китайских фирм и предпринимателей, ведущих торгово-экономическое сотрудничество с Бахрейном. По состоянию на 2020 г. в Бахрейне проживает более 2 тыс. китайских граждан. Китайская корпорация Huawei открыла свою средневосточную штаб-квартиру именно в Бахрейне²⁰⁷.

Китайские производители стекловолокна планируют вложить 500 млн долл. в строительство четырех производственных линий в Бахрейне в 2021–2022 гг., а китайская компания Jinluo Water сотрудничает с соответствующими ведомствами Бахрейна в вопросе очистки сточных вод. В то же время многие китайские предприятия ведут переговоры по строительству объектов инфраструктуры в Бахрейне²⁰⁸.

Чтобы привлечь китайские предприятия к сотрудничеству, Совет экономического развития Бахрейна открыл собственные представительства в Пекине и Сянгане (Гонконге), провел мероприятия по поиску партнеров и инвесторов в китайских городах. В сентябре 2016 г. делегация городского правительства Шэньчжэня во время визита в Бахрейн подписала с правительством столицы Бахрейна Меморандум о дружественном сотрудничестве и обменах между Шэньчжэнем и Манамой²⁰⁹.

В сфере гуманитарного обмена китайско-бахрейнское сотрудничество непрерывно диверсифицируется. В 2014 г. в Университете Бахрейна был открыт Институт Конфуция. К концу 2017 г. Институт Конфуция провел курсы и мастер-классы по китайскому языку

---

²⁰⁶ http://russian.news.cn/2019-04/20/c_137991733.htm (22.10.2020).

²⁰⁷ <https://baike.baidu.com/item/%E5%B7%B4%E6%9E%97/202013#9> (22.10.2020).

²⁰⁸ <http://bh.china-embassy.org/chn/dssghd/t1821623.htm> (22.10.2020).

²⁰⁹ <http://bh.china-embassy.org/chn/zbgx/t1821851.htm> (22.10.2020).

и культуре для 1 тыс. служащих Министерства внутренних дел, таможенного управления, Минобороны и МИД Бахрейна. Культурные ведомства двух стран усиливают рабочие контакты и консультации по вопросу скорейшего открытия в Бахрейне китайских культурных центров²¹⁰.

Официальный Пекин активизирует дипломатические контакты и углубляет политическое взаимодоверие с Катаром, поддерживая его в поиске путей развития, соответствующих реалиям страны, и одобряет приверженность Катара политике «одного Китая». Председатель КНР Си Цзиньпин неоднократно выражал благодарность катарскому правительству за поддержку в вопросах, касающихся коренных интересов Китая²¹¹. Стороны укрепляют обмен опытом и сотрудничество в международной борьбе с терроризмом и экстремизмом, активизируют гуманитарный обмен²¹².

Дипломатические отношения между Китаем и Катаром были установлены в 1988 г. По мнению китайских дипломатов, с тех пор сотрудничество развивалось по нарастающей. В 2014 г. шейх Т. бен Хамад Аль Тани и председатель КНР Си Цзиньпин объявили о начале стратегического партнерства между Дохой и Пекином²¹³.

Для Пекина Доха важна не только как участница проекта «ОПОП». Катар играет важную роль в обеспечении энергетической безопасности Поднебесной. За счет добываемых в регионе углеводородов Китай удовлетворяет основную часть своих потребностей в газе и нефти, поэтому Пекин заинтересован в сохранении стабильности, в безопасной транспортировке углеводородов через Персидский залив в порты КНР²¹⁴.

Не случайно после начала дипломатического кризиса и блокады Катара (2017 г.) Пекин неоднократно выражал обеспокоенность резким обострением обстановки в регионе и призывал конфликтующие стороны кдержанности. Тем более что с тех пор прогресса в

---

²¹⁰ http://russian.news.cn/2017-05/11/c_136274814.htm (22.10.2020).

²¹¹ <http://ru.china-embassy.org/rus/zgxw/t1637657.htm> (22.10.2020).

²¹² http://russian.news.cn/2019-02/01/c_137791676.htm (22.10.2020).

²¹³ <http://qa.chineseembassy.org/chn/dsxx/zyhd/t1764920.htm> (22.10.2020).

²¹⁴ <http://qa.chineseembassy.org/chn/dsxx/zyhd/t1825911.htm> (22.10.2020).

урегулировании конфликта не произошло. Стороны по-прежнему проявляют неуступчивость²¹⁵.

Не менее важна поддержка со стороны Пекина и для Дохи, в противовес «антикатарского квартета» в составе Саудовской Аравии, ОАЭ, Египта и Бахрейна. В Дохе понимают: Вашингтон не отменял планы создания так называемого арабского НАТО, направленного в первую очередь против Ирана, в которое намерен включить монархии Персидского залива, а также Египет и Иорданнию²¹⁶.

Укрепление отношений с Китаем, который развернул вблизи от Катара – в Джибути – свою военную базу и пытается расширить свое присутствие в регионе, может сыграть роль страховки для Дохи на случай, если акторы международной политики примут решение применить против нее военную силу²¹⁷.

С 2020 г. КНР и Катар совместно участвуют в Группе друзей нейтралитета во имя мира при ООН, созданной в целях развития безопасности и устойчивого развития²¹⁸.

Активно развивается китайско-катарское экономическое сотрудничество. Китайская государственная судостроительная корпорация и Qatar Petroleum Company заключили контракт стоимостью более 20 млрд юаней (около 780 млн долл.) на строительство завода по производству судов для перевозки СПГ²¹⁹.

Hudong Zhonghua Shipbuilding (Group) Co., Ltd. – дочерняя компания Китайской государственной судостроительной корпорации – выиграла крупнейший экспортный контракт в сфере судостроения в Китае по строительству танкеров для СПГ. Катар (крупнейший в мире производитель и экспортер СПГ) планирует вложить \$10 млрд в судостроение. В рамках сделки с китайской госкомпанией на первом этапе будет поставлено 60 танкеров для перевозки СПГ, чтобы поддержать запланированный план увели-

---

²¹⁵ <http://qa.chineseembassy.org/chn/dsxx/zjhd/t1824901.htm> (22.10.2020).

²¹⁶ <http://russian.people.com.cn/n/2014/1104/c31521-8803990.html> (22.10. 2020).

²¹⁷ https://www.ng.ru/world/2018-12-12/7_7461_catar.html (23.10.2020).

²¹⁸ <https://regnum.ru/news/polit/3048794.html> (22.10.2020) (23.10.2020).

²¹⁹ <http://qa.chineseembassy.org/chn/dsxx/zjhd/t1743630.htm> (23.10.2020).

чения производства, а в ближайшие 10 лет количество новых танкеров для перевозки СПГ может превысить 100²²⁰.

Катарская государственная компания Qatar Petroleum в начале 2018 г. заключила пятилетний контракт с крупнейшей компанией на рынке СПГ в Китае Oriental Energy о поставках в КНР 600 тыс. тонн сжиженного природного газа (СПГ) в год. Договор начал действовать с января 2019 г. Oriental Energy является крупнейшей компанией по хранению и распространению СПГ в Китае, которая обладает пятью терминалами по приему СПГ, а также мощностями для нефтехимической промышленности. В сентябре 2018 г. катарская компания Qatargas Operating Company Limited (Qatargas) подписала соглашение с китайской корпорацией PetroChina о поставке в Китай около 3,4 млн тонн в год сжиженного природного газа. СПГ поставляется в Китай с проекта Qatargas 2, который является совместным предприятием компаний Qatar Petroleum, ExxonMobil и Total²²¹.

Китай и Кувейт установили дипломатические отношения в 1971 г. Как постоянный член СБ ООН Китай всегда поддерживал независимость, суверенитет и территориальную целостность Кувейта и поддерживал его требования по урегулированию проблем, оставшихся после войны в Персидском заливе. Кувейт твердо поддерживает Китай в вопросах прав человека, Тайваня и Тибета²²².

В 2013 г. объем двусторонней торговли между Китаем и Кувейтом составил 12,25 млрд долл. В первой половине 2014 г. объем двусторонней торговли между Китаем и Кувейтом составил 5,87 млрд долл., из которых экспорт Китая составил 1,65 млрд долл., а импорт – 4,22 млрд долл., что представляет собой рост на 3,4 % и 36,2 % в годовом исчислении соответственно и снижение на 5,5%. По состоянию на конец июня 2014 г. китайские компании подписали инженерные контракты и контракты на сотрудничество в сфере трудовых услуг на общую сумму 9,55 млрд долл., а их товарооборот составил 5,78 млрд долл.²²³

²²⁰ https://polpred.com/news?cnt_and=1&cnt=73&cnt_2=77 (23.10.2020).

²²¹ <http://qa.chineseembassy.org/chn/dsxx/zyhd/t1796385.htm> (23.10.2020).

²²² http://cs.mfa.gov.cn/zggmgljmdy/yz_645708/kwt_646764/ (23.10.2020).

²²³ <http://kw.china-embassy.org/chn/sgdt/t1824266.htm> (23.10.2020).

В 2015 г. объем двусторонней торговли между Китаем и Кувейтом составил 11,3 млрд долл. Стоимость экспорта Китая составила 3,8 млрд долл., а стоимость импорта – 7,5 млрд долл. К концу 2014 г. китайские компании подписали инжиниринговые контракты на общую сумму 9,85 млрд долл., а их товарооборот составил 6,05 млрд долл.²²⁴

На территории Кувейта китайская компания Huawei Technologies Co., Ltd в сотрудничестве с компанией-провайдером цифровой связи Zain Kuwait и компаниями-провайдерами сотовой связи VIVA и Wataniya Telecom проводит работы по созданию в 2021 г. сети сотовой телефонии и беспроводного интернета стандарта 5G (в диапазоне 4,5 ГГц, LTE-A). Основу системы составят 1100 базовых станций с антennами модели AAU для широкополосной связи. В настоящее время сектор системы сотовой связи стандарта 5G функционирует только в столице Кувейта. Следует отметить, что именно Huawei Technologies Co., Ltd ранее поставила в это ближневосточное государство системы сотовой связи стандартов 3G и 4G²²⁵.

Кроме повышения скорости передачи данных и стабильности работы систем государственного управления и коммерческой сотовой связи, официальный Кувейт также планирует применить китайскую систему «Умный город», позволяющую организовать систему беспилотного общественного транспорта и наблюдения за общественным порядком, которая в автоматическом режиме будет корректировать работу светофоров, а также распознавать подозреваемых в совершении преступных действий.

Китайские подрядчики намерены также оказать содействие ближневосточным партнерам в развитии электронных торговых площадок и систем перевода денежных средств. Помимо передачи данных система связи стандарта 5G позволит транслировать телевизионные передачи в стандартах 4K и 8K.

Предполагается, что новая система сотовой связи, которую поможет создать китайская Huawei Technologies Co., Ltd, позволит руководству небольшого исламского государства достигнуть целей,

---

²²⁴ <http://kw.china-embassy.org/chn/sgdt/t1822313.htm> (23.10.2020).

²²⁵ <http://kw.china-embassy.org/chn/fyrth/t1825922.htm> (23.10.2020).

поставленных в рамках национальной стратегии развития «Видение 2035». Данный стратегический план кувейтского правительства подразумевает развитие именно тех секторов экономики, которые не связаны с углеводородными ресурсами²²⁶.

Китайско-кувейтское военно-техническое сотрудничество также получило значительное развитие. Достоверно известно, что в 1997 г. из Китая было заказано 27 155-мм самоходных гаубиц PLZ45²²⁷. В 2016 г. западные СМИ сообщили, что недавно разработанная Китаем 155-мм сверхлегкая гаубица АН-4 уже получила заказы в богатых странах Ближнего Востока, а основным покупателем является Кувейт, у которого на вооружении находятся китайские самоходные гаубицы. Приобретение 155-мм сверхлегкой гаубицы АН-4 установило рекорд по количеству экспортных заказов на буксируемую гаубицу Китая за последние два десятилетия²²⁸.

КНР и Султанат Оман установили дипломатические отношения в 1978 г., спустя пять лет было подписано соглашение о торговле. В 1995 г. между Пекином и Маскатом было подписано соглашение о страховании иностранных инвестиций, а в 2002 г. подписан соответствующий документ о защите от двойного налогообложения при совершении сделок между предпринимателями из Китая и Омана²²⁹.

По данным китайских источников, в 2005 г. объем двусторонней торговли достигал 2,176 млрд долл., то в 2014 г. данный показатель находился на уровне 25,87 млрд долл., однако с 2017 г. наблюдается значительное снижение объемов двусторонней торговли по причине нестабильной обстановки как в регионе в целом, так и в соседнем Йемене в частности²³⁰.

Основная доля китайско-оманской торговли сформирована за счет поставок нефти из этого государства Аравийского полуострова, которое занимает четвертое место в списке экспортеров углеводородного топлива в КНР. Кроме нефти, подтвержденные запасы которой в Омане составляют 740 млн тонн, и природного газа (849,5 млн м³),

---

²²⁶ <http://kw.china-embassy.org/chn/kwtgk/gkly/t1728963.htm> (24.10.2020).

²²⁷ <http://kw.china-embassy.org/chn/kwtgk/gkly/t1720562.htm> (24.10.2020).

²²⁸ <http://kw.china-embassy.org/chn/kwtgk/gkly/t1785794.htm> (24.10.2020).

²²⁹ http://m.xinhuanet.com/2019-04/19/c_1124390553.htm (24.10.2020).

²³⁰ <http://om.chineseembassy.org/chn/sgxw/t1825481.htm> (24.10.2020).

китайские компании заинтересованы в разработке месторождений меди, золота, серебра, хрома, железа, марганца и магния²³¹.

Оманские предприниматели инвестировали более 13 млрд долл. в развитие нефтехранилищ на территории Китая. Инвестиционную деятельность предпринимателей двух стран координирует China-Oman Wanfang Investment Company, штаб-квартира которой расположена в г. Иньчuanь (Нинся-Хуэйский автономный район)²³².

Кроме двустороннего сотрудничества Пекин и Маскат взаимодействуют при реализации инфраструктурных проектов на территории третьих государств.

Так, на территории приморского г. Багамойо (в 75 км к северу от Дар-эс-Салама) в Танзании будет построен многофункциональный порт. Основные инвесторы проекта – китайская компания China Merchants International Co., Ltd и Суверенный фонд благосостояния Омана, которые согласились вложить в перспективный порт (будет запущен в эксплуатацию в 2021–2022 гг.) 10 млрд долл. США²³³.

Кроме того, китайские предприниматели намерены способствовать развитию сельскохозяйственного сектора Омана. Агротехники и зоологи из КНР обладают достаточным опытом по выращиванию сельскохозяйственных культур, которые специально выведены для произрастания на пустынных почвах, при минимальном объеме пресной воды и высоких среднесуточных температурах.

В октябре 2011 г. правитель Омана – султан Кабус – подписал указ о создании в районе порта Дукум (юго-восток провинции Аль-Вуста) специальной экономической зоны (СЭЗ) с одноименным названием. В отношении индустриального парка «Дукум» известно, что он создается при содействии 65 китайских компаний из городов центрального подчинения (Пекин, Тяньцзин), провинций (Хэбэй, Хубэй, Хэйлунцзян, Ляонин, Сычуань и Нинся-Хуэйский автономный район). Основные площади индустриального парка будут занимать предприятия тяжелой, легкой и химической промышленности, а также склады готовой продукции²³⁴.

---

²³¹ <http://om.chineseembassy.org/chn/sgxw/t1823986.htm> (24.10.2020).

²³² <http://om.chineseembassy.org/chn/sgxw/t1820921.htm> (24.10.2020).

²³³ <http://om.chineseembassy.org/chn/sgxw/t1807877.htm> (25.10.2020).

²³⁴ <http://om.mofcom.gov.cn/article/sqfb/201908/20190802886781.shtml> (25.10.2020).

В настоящее время китайские подрядчики China International Engineering Consulting Corporation выполняют тендер на расширение инфраструктуры международного аэропорта Дукум. Подобный объект необходим официальному Пекину для организации перелетов гражданской и военно-транспортной авиации до Джибути и других государств Восточной Африки. Также осуществляется строительство двух новых автомагистралей от аэропорта до порта и индустриального парка. Государственные и частные компании из Поднебесной планировали на первом этапе инвестировать 70 млрд юаней, то есть более 10 млрд долл. в строительство рассматриваемого парка и других сопутствующих объектов²³⁵.

По данным китайских источников, введение и запуск всех объектов индустриального парка должны быть выполнены к 2021 г. Известно, что для реализации проекта власти Омана сконцентрировали около 12 тыс. рабочих, занятых на строительстве следующих объектов: нефтеперегонный завод (производительность от 230 до 300 тыс. баррелей в день); завод по сжижению природного газа (производительность 1,8 млн м³/год); комплекс по производству строительных материалов; завод крупноузловой сборки грузовых и легковых автомобилей повышенной проходимости; завод по переработке продукции океанического лова (2,3 млн тонн/год)²³⁶.

Всего около 110 компаний и корпораций из КНР сообщили о своих намерениях разместить свои структурные подразделения на территории «Дукума». По замыслу оманской стороны, в ближайшее время в порту индустриального центра будут начаты дноуглубительные работы (углубление на 5–6 м), а также продолжено строительство железобетонных причалов, что позволит Дукуму оставаться в пятерке ведущих портов Аравийского полуострова²³⁷.

По мнению китайских специалистов, порт Дукум является важным элементом деятельности корабельных групп охранения ВМС НОАК, которые на регулярной основе выполняют патрулирование в Аденском заливе. Китайские специалисты отмечают, после открытия

---

²³⁵ <http://om.mofcom.gov.cn/article/sqfb/201904/20190402858600.shtml> (25.10.2020).

²³⁶ <http://om.mofcom.gov.cn/article/sqfb/201905/20190502868514.shtml> (25.10.2020).

²³⁷ <http://om.mofcom.gov.cn/article/sqfb/201912/20191202922539.shtml> (25.10.2020).

полноценной военно-морской базы в Джибути экипажи китайских эсминцев и сторожевых кораблей получили возможность пополнять запасы топлива и питания каждые пять дней, что положительно сказывается как на организации морских походов, так и на состоянии здоровья китайских военнослужащих²³⁸.

Китай и ОАЭ установили дипломатические отношения в 1984 г. С момента установления дипломатических отношений сотрудничество между двумя странами развивалось поступательно: сначала были открыты китайское посольство в ОАЭ и генеральное консульство ОАЭ в Шанхае, а затем посольство ОАЭ в Пекине и консульство в Гонконге²³⁹.

ОАЭ являются крупнейшим экспортным рынком Китая в арабском мире. По данным Государственного статистического управления КНР и Министерства планирования ОАЭ двусторонняя торговля между Дубаем и Китаем достигла 139 млрд дирхамов (1 дирхам ОАЭ (AED) равняется 0.27 доллара США (USD) в 2018 г. и была оценена в 36 млрд дирхамов в первом квартале 2019 г.²⁴⁰ Телекоммуникации, телефоны, персональные компьютеры, алюминий, золото, автомобили и двигатели возглавили список самых торгуемых товаров между Дубаем и Китаем.

Объем двусторонней торговли между Китаем и ОАЭ в первом квартале 2019 г. достиг 11,2 млрд долл., что на 16,21 % больше по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. За первые пять месяцев 2019 г. объем двусторонней торговли составил 19 млрд долл., что на 11,37 % больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. В 2018 г. экспорт Китая в ОАЭ вырос на 3,2 % до 29,66 млрд долл., а импорт Китая из ОАЭ увеличился на 32,8 % до 16,26 млрд долл.²⁴¹

Инвестиции Китая за последние годы в ОАЭ достигли 9,1 млрд долл. Прямые иностранные инвестиции Китая в ОАЭ составили 620 млн долл. только в 2017 г.; кроме того, был сформирован совместный инвестиционный фонд Китая и ОАЭ с капиталом 410 млрд долл.

---

²³⁸ <http://om.mofcom.gov.cn/article/sqfb/201908/20190802886781.shtml> (25.10.2020).

²³⁹ <http://ae.chineseembassy.org/chn/xwdt/t1823619.htm> (25.10.2020).

²⁴⁰ <http://ae.chineseembassy.org/chn/xwdt/t1824891.htm> (25.10.2020).

²⁴¹ <http://ae.chineseembassy.org/chn/xwdt/t1825398.htm> (25.10.2020).

В 2018 г. китайские инжиниринговые компании заключили новые контракты на общую сумму 7,64 млрд долл. в ОАЭ, что на 53 % больше, чем в предыдущем году. Эти компании получили доход в размере 3,61 млрд долл. в 2018 г., что на 44,8 % больше по сравнению с 2017 г.²⁴²

В ОАЭ работают от 4000 до 6000 китайских компаний, в основном базирующихся в Дубае. По данным Департамента экономического развития Дубая, в 2018 г. китайским компаниям было выдано 618 новых бизнес-лицензий, что на 22,8 % больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Крупные энергетические компании, такие как CNOOC, Zhenhua Oil и CITIC, открыли свои офисы в Абу-Даби с 2018 г., а Китайская машиностроительная корпорация СМЕС открыла офис в Дубае. С появлением новых проектов в ОАЭ китайские железнодорожные компании направляют наиболее отличившихся сотрудников на работу в ОАЭ. Сотрудничество Китая и ОАЭ в энергетическом секторе расширяется по всей цепочке создания стоимости (от разведки и добычи до переработки и от участия в капитале до заключения контрактов на обслуживание) – китайские и эмиратские энергетические компании объединяют усилия для создания стратегического партнерства²⁴³.

На постоянной основе функционирует Центр арабского языка и исламских исследований шейха З. бен Султана Аль Нахайяна при Пекинском университете иностранных исследований, который реализует культурные проекты, программы и инициативы, направленные на содействие изучению арабского языка. Центр обучил арабскому языку более 2000 китайских граждан, которые в настоящее время работают в дипломатическом, культурном, торговом, медийном и академическом секторах, включая китайских послов в арабских странах²⁴⁴.

Центр был вновь запущен в марте 2012 г. после проекта реконструкции стоимостью 2,8 млн долл., финансируемого ОАЭ. Во время

---

²⁴² <http://ae.chineseembassy.org/chn/xwdt/t1825589.htm> (25.10.2020).

²⁴³ <http://ae.chineseembassy.org/chn/xwdt/t1825591.htm> (25.10.2020).

²⁴⁴ <http://ae.chineseembassy.org/chn/xwdt/t1823619.htm> (25.10.2020).

исторического визита шейха Заида в Китай в 1990 г. он пожертвовал 1,3 млн долл. на строительство современного здания колледжа, которое в конечном итоге стало Центром в 1994 г. В 2007 г. президент Его Высочество шейх Х. бен Заид Аль Нахайян предоставил грант в размере 1 млн долл. на поддержку проектов Центра²⁴⁵.

Таким образом, сотрудничество КНР с Бахрейном, Катаром, Кувейтом, Оманом и ОАЭ является важным элементом стратегического замысла председателя КНР Си Цзиньпина «Один пояс, один путь», основная цель которого – создание цепи индустриальных парков и портов, в которых будет возможно размещать не только объекты китайской гражданской инфраструктуры, но и объекты НОАК. Очевидно, что военно-политическое руководство КНР всерьез рассчитывает на возможности национальных ВС при обеспечении безопасности и стабильности морских перевозок углеводородов из стран Персидского залива.

4.8. Сотрудничество КНР с Сирией, Ливией, Ираком и Йеменом

Восстановление стабильности в ближневосточном регионе, по мнению Пекина, во многом зависит от разрешения конфликта в Сирийской Арабской Республике. Считается, что кризис в этой стране является катализатором активности международного терроризма и причиной усиления социальных противоречий в европейских странах, связанных с увеличившимся потоком беженцев²⁴⁶.

Китай поддерживает суверенитет и территориальную целостность Сирии, а также строгое соблюдение резолюций СБ ООН и достигнутых сторонами договоренностей. Китай и Сирия установили дипломатические отношения в 1956 г. Высоко оценивает значимость мирных переговоров женевского и астанинского форматов, а также результаты работы Конгресса сирийского национального диалога (январь 2018 г., Сочи). При этом оказание Российской Федерации

---

²⁴⁵ <http://ae.chineseembassy.org/chn/xwdt/t1821232.htm> (25.10.2020).

²⁴⁶ <http://sy.chineseembassy.org/chn/xwfb/t1816674.htm>.

военной помощи Дамаску называется важным шагом, способствующим усилению борьбы с ИГ и достижению перелома в контртеррористической операции в пользу правительства Б. Асада²⁴⁷.

В условиях наличия позитивных тенденций в борьбе с терроризмом в Сирии Пекин считает целесообразным увеличить свою вовлеченность в процесс постконфликтного урегулирования в этой стране. С этой целью Китай намерен использовать различные площадки по сирийскому урегулированию для демонстрации активной позиции и готовности к участию в восстановлении экономики САР. Особое внимание Китай уделяет вовлечению Сирии в реализацию инициативы «Один пояс, один путь», изучает возможность прокладки через САР маршрутов доставки китайских товаров в Европу. Предполагается проработать вопросы строительства железной дороги, проходящей по территориям Ирана, Ирака и Сирии с выходом к Средиземному морю. Большое значение придается возвращению позиций китайских компаний в освоении сирийских запасов нефти и выходу на уровень ее добычи не ниже показателя 2011 г. (более 2,5 млн тонн в год)²⁴⁸.

Китай также намерен закрепиться на несырьевом рынке САР. Прорабатываются меры по обеспечению участия национальных компаний в послевоенном восстановлении инфраструктуры сирийской промышленности. В интересах стимулирования сотрудничества в данной сфере наложены контакты между профильными министерствами и ведомствами двух стран, организуются встречи предпринимателей для обсуждения перспектив взаимодействия.

В частности, в ходе состоявшихся в Пекине в июле 2017 г. консультаций принято решение о формировании в САР совместного индустриального парка. К его работе предусматривается привлечь около 150 китайских компаний. Предполагаемый на начальном этапе объем инвестиций из КНР составит 2 млрд долл.

Предпринимаемые Китаем усилия по наращиванию торгово-экономического сотрудничества с Сирией уже позволили увеличить объем двусторонней торговли до 1,1 млрд долл. (на 20,2 % больше

---

²⁴⁷ <http://sy.chineseembassy.org/chn/xwfb/t1816674.htm> (23.10.2020).

²⁴⁸ <http://sy.chineseembassy.org/chn/xwfb/t1817984.htm> (23.10.2020).

показателя 2016 г.). Для минимизации последствий ограничений, введенных в отношении Сирии странами Запада, Пекин и Дамаск рассматривают возможность создания банков с общим капиталом для финансирования совместных проектов²⁴⁹.

Правительство САР изучает возможности по восстановлению национальной экономики и инфраструктуры. Одним из наиболее вероятных инвесторов может выступить Китай. Строительные компании КНР прорабатывают пути выхода на сирийский рынок с проектами по ускоренному возведению зданий. Первоначально планируется возведение жилых комплексов в провинциях Дамаск, Алеппо и Хомс. Известно, что САР заключен контракт с китайской компанией Buwar China на проведение работ по увеличению мощности электростанции в г. Латакия с 500 до 750 МВт²⁵⁰.

В настоящее время китайские специалисты проводят изучение технической документации и осуществляют осмотр станции. Китай продолжает координацию с правительством Сирии по доставке из КНР гуманитарных грузов для населения САР. В 2019 г. подписано три двусторонних договора на оказание Китаю гуманитарной помощи в размере 40 млн долл. Китай активно сотрудничал с Сирией в борьбе с распространением коронавируса нового типа COVID-19 в 2020 г., уделив пристальное внимание гуманитарной ситуации в САР²⁵¹.

Китай и Ливия установили дипломатические отношения в 1978 г. и с этого момента сотрудничество двух стран постоянно расширялось. В 1982 г. стороны подписали соглашение о создании «Китайско-ливийского совместного комитета по вопросам экономического, торгового и научно-технического сотрудничества», также была утверждена соответствующая программа. В период с 1983 по 1994 гг. официальный Пекин направлял группы медицинских сотрудников для улучшения медицинского обслуживания местного населения²⁵². За время правления М. Каддафи в Ливию пришли такие

²⁴⁹ Казанин М. В. Сирийский конфликт: оценки китайских специалистов. М., 2017. 276 с.

²⁵⁰ <http://sy.chineseembassy.org/chn/xwfb/t1817989.htm> (23.10.2020).

²⁵¹ <http://sy.chineseembassy.org/chn/xwfb/t1819356.htm> (23.10.2020).

²⁵² <http://ly.chineseembassy.org/chn/zlwl/t1824243.htm> (23.10.2020).

крупные китайские строительные корпорации, как China State Construction Engineering Corporation (CSCEC), China Communications Construction (CCC), China Gezhouba Group Corporation, Metallurgical Corporation of China (MCC), а также нефтяные корпорации CNPC, SINOPEC Group и CNOOC. Так, China Gezhouba Group Corporation, Metallurgical Corporation of China (MCC) по контракту на сумму в 2 млрд долл. возводили жилье и примерно на такую же сумму велось строительство жилых зданий корпорацией China Communications Construction.

Китайская корпорация China Railway Construction Corp (CRCC) осуществляла проект по строительству железнодорожных линий общей протяженностью более 1300 км, которые должны были соединить города Сирт, Бенгази, Триполи, Мисурата. Компания China State Construction Engineering Corporation заключила с ли比亚ской стороной контракт на строительство более 180 объектов транспортной и жилой инфраструктуры стоимостью 2,67 млрд долл. Кроме того, были заключены на значительную сумму (18,8 млрд долл.) контракты на поставку сырой нефти в КНР²⁵³.

Всего к моменту начала боевых действий на территории Ливии работали 75 китайских компаний и от 35 до 38 тысяч граждан КНР. При этом следует отметить, что китайские партнеры обеспечивали трудоустройство местного населения (от 500 до 800 тыс. человек)²⁵⁴.

В борьбе с оппозиционерами официальный Триполи надеялся на военно-техническую помощь со стороны КНР и потому направлял своих представителей для переговоров с компаниями – официальными поставщиками широкой номенклатуры ВВТ для стран Африки и Ближнего Востока: China North Industries Corporation, China National Precision Machinery Import and Export Corporation, China XinXing Import and Export Corporation. Однако по имеющейся информации китайские оружейники не решились реализовать ликийские контракты общей стоимостью 200 млн долл²⁵⁵.

---

²⁵³ <http://ly.chineseembassy.org/chn/zlwl/t1820219.htm> (23.10.2020).

²⁵⁴ <http://ly.chineseembassy.org/chn/zlwl/t1820219.htm> (23.10.2020).

²⁵⁵ <http://ly.chineseembassy.org/chn/zlwl/t1812751.htm> (23.10.2020).

Вероятно, официальный Пекин поддержал резолюцию № 1970 СБ ООН по Ливии по ряду причин: вмешательство М. Каддафи в деятельность китайских нефтяников, высказывания ливийского лидера, сравнивавшего Китай с западными колонизаторами, а также ведение им переговоров с тайваньскими компаниями. Политическое лицемерие североафриканского партнера стало катализатором решения о поддержке резолюции СБ ООН, которая в конечном счете привела к серьезным экономическим потерям китайских компаний (около 50 млрд долл.)²⁵⁶.

С момента перехода властных полномочий к Переходному национальному совету (ПНС) Ливии официальный Пекин регулярно напоминает о возможности хорошей оплаты при условии защиты китайских объектов и неоконченных проектов, определенных бонусах при стабилизации ситуации в стране и разрешении китайским корпорациям вернуться в страну. Эти вопросы регулярно обсуждаются на встречах представителей ПНС в г. Доха с китайскими послами в Катаре и Египте и менеджерами высшего звена таких китайских компаний, как China State Construction Engineering Corporation, China Gezhouba Group Corporation, Huawei Technologies и Zhongxing Technologies (ZTC).

Представители ПНС утверждают, что для восстановления экономики страны необходимы инвестиции в размере 100 млрд долл. в течение ближайших пяти лет. Если китайские компании согласятся, то они будут участвовать в развитии возобновляемой энергетики и туризма. Свою заинтересованность уже высказали такие компании, как Metallurgical Corporation of China, Ltd и RTH Solar Energy Application and Technology Co., Ltd²⁵⁷.

В настоящее время сотрудники китайских дипломатических представительств, размещенных в Египте и Катаре, регулярно посещают ливийские города и анализируют гуманитарную ситуацию. Известно о визитах сотрудников Департамента Африки МИД КНР и китайских научных сотрудников научно-исследовательских организаций в Ливию в составе гуманитарных миссий «Красного полумесяца»²⁵⁸.

---

²⁵⁶ <http://ly.chineseembassy.org/chn/dssghd/t1714397.htm> (23.10.2020).

²⁵⁷ <http://ly.chineseembassy.org/chn/zytx/t1780705.htm> (23.10.2020).

²⁵⁸ <http://ly.chineseembassy.org/chn/zytx/t1711952.htm> (23.10.2020).

Очевидно, что вмешательство Запада во внутренние дела Ливии является попыткой восстановить былое влияние на африканском континенте и сдержать экономический рост Китая, который зависит от поставок ресурсов из этого региона. Западные специалисты за последние несколько лет серьезно уступили китайским конкурентам на «черном» континенте и осознали невозможность «победы» в честной конкурентной борьбе, в связи с этим в ход идут грубые меры, нарушающие нормы международного права²⁵⁹.

Развитие отношений КНР с Ираком определяется главным образом стремлением Пекина диверсифицировать источники углеводородного сырья. Китайские компании принимают участие в разработке нефтяных месторождений Ирака и восстановлении энергетической отрасли государства, выступают в качестве инвесторов строительства объектов инфраструктуры. Вместе с тем сотрудничество сдерживается сохраняющейся сложной внутриполитической обстановкой в указанной стране. В 2017 г. товарооборот между странами увеличился на 21,6 % и составил 22 млрд долл.²⁶⁰

КНР волнует сложная обстановка в Йемене. Китай продолжает настаивать на необходимости использования дипломатических методов разрешения существующих противоречий, одновременно подвергая критике попытки оппозиционных сил сформировать новое правительство в г. Сана. Такой подход вызван стремлением Пекина снизить потенциальную угрозу для судоходства в Баб-эль-Мандебском проливе, который служит важной транспортной артерией для осуществления поставок нефти в КНР и китайских товаров в Европу²⁶¹.

Тем не менее КНР выражает готовность оказывать содействие продвижению политического разрешения конфликта, выступая за скорейшее восстановление правопорядка в стране в соответствии с решениями СБ ООН. В рамках международных усилий по снижению социальной напряженности в данной ближневосточной стране в июле 2017 г. китайское правительство направило в г. Аден гуманитарную помощь на сумму более 22 млн долл.²⁶²

---

²⁵⁹ <http://ly.chineseembassy.org/chn/zytx/t1780705.htm> (23.10.2020).

²⁶⁰ <http://ye.china-embassy.org/chn/sgdt/t1824095.htm> (23.10.2020).

²⁶¹ <http://ye.china-embassy.org/chn/sgdt/t1824096.htm> (23.10.2020).

²⁶² <http://ye.china-embassy.org/chn/sgdt/t1824095.htm> (23.10.2020).

По мнению американских специалистов, КНР может в ближайшее время расширить экономическое влияние в Йемене. Арабская республика вписывается в амбициозную экономическую инициативу «Один пояс, один путь». Важным элементом этого маршрута является Аденский залив, однако Аденский порт не единственное место в этом районе, к которому приковано внимание Пекина. Китайские политики пристально наблюдают за юменским островом Перим (Маюн), который находится вблизи Баб-эль-Мандебского пролива²⁶³.

Американские военные специалисты предполагают, что именно там КНР может расположить свою вторую базу на БВ (и за рубежом в целом). Основания у американских специалистов полагать, что Китай присматривается к объектам на острове Перим, действительно есть. После того как в 2017 г. впервые появились данные, что ОАЭ, один из участников юменского конфликта, создают на острове собственную военную базу и развертывают лагерь для военнослужащих, официальный представитель МИД Китая Гэн Шуан заявил о нарушении норм международного права. Оптимизация военного присутствия ОАЭ в Йемене и официальное примирение между Южным переходным советом и правительством А.-М. Хади только создали благоприятную атмосферу для реализации подобных проектов КНР²⁶⁴.

Таким образом, рассматривая сотрудничество КНР с Сирией, Ливией, Ираком и Йеменом, необходимо отметить значительную роль этих государств в ближневосточной политике Пекина. По оценке китайских специалистов, в ближнесрочной перспективе Китай будет стремиться повторить в Сирии успех, достигнутый в Ираке, где многие китайские компании уже получили выгодные контракты на строительство и развитие инфраструктуры в послевоенный период, а КНР в целом обеспечила себе новый источник поставок нефти.

С одной стороны, Китай стремится напрямую инвестировать в инфраструктурные проекты, связанные с нефтяной промышленностью Ирака и Ливии, а с другой – наращивает geopolитическое вли-

---

²⁶³ <http://www.xinhuanet.com/world/yemen/index.htm> (23.10.2020).

²⁶⁴ https://www.bbc.com/zhongwen/simp/china/2015/05/150510_djibuti_china_military_base (23.10.2020).

жение, участвуя в реконструкции Сирии (которая может стать на Ближнем Востоке одним из ключевых государств-участников проекта «Один пояс, один путь») и урегулировании конфликта в Йемене.

Выводы по главе

В результате проведенного исследования представляется возможным сделать следующие выводы и обобщения в отношении сотрудничества КНР со странами Ближнего Востока:

1. Энергетическое сотрудничество – сфера, где интересы Пекина и Эр-Рияда дополняют друг друга: КНР желает стабильного и долгосрочного доступа к энергетическим запасам, а Саудовская Аравия стремится обеспечить себе устойчивого и надежного партнера в сфере энергетического сотрудничества. Оба режима согласны с политическими системами и геостратегическими взглядами друг друга и не рассматривают друг друга как угрозу внутренней стабильности или территориальной целостности.

2. О значении, которое Китай и Иран придают развитию отношений друг с другом, свидетельствует тот факт, что почти все руководящие лица Ирана со времени исламской революции посетили Китай. Активный обмен высокопоставленными делегациями в различных областях, в том числе военной, подтверждают стратегический характер ирано-китайских связей и демонстрируют настрой Пекина и Тегерана сбалансировать политическую составляющую своих двусторонних отношений с достигнутым в последние годы уровнем торгово-экономического сотрудничества.

3. Китайско-израильское сотрудничество можно охарактеризовать как стабильное. Отмечается постепенный рост товарооборота между двумя государствами. Особое развитие получило взаимодействие китайских и израильских специальных служб по борьбе с террористической угрозой, что выступает гарантом расширения двустороннего взаимовыгодного партнерства с КНР. В последнее время США предпринимают усилия по воспрещению доступа китайским технологическим компаниям в Израиль – зону своих национальных интересов.

4. У Каира и Пекина существуют общие интересы, что подтверждает углубление двусторонних отношений. Китайская инфраструктура в Египте, составляющая часть проекта «ОПОП», значительна и представляет часть китайских прямых инвестиций в Египет. Китай наращивает свое присутствие в энергетической сфере Арабской Республики в развитие египетской нефтеперерабатывающей промышленности за счет строительства нефтехимических заводов.

5. Сотрудничество с Турцией представляет для КНР важное направление внешней политики ввиду выгодного географического положения турецкого государства. Китайские руководители намерены использовать ухудшение отношений Анкары с Евросоюзом и НАТО для укрепления внешнеполитических и экономических позиций в Турции и продвижения за счет этого национальных интересов Пекина на Ближнем Востоке.

6. Руководство КНР рассматривает Ливан, Иорданию и Палестину в качестве платформы для восстановления Сирии, а также в качестве ключевых узлов проекта «Один пояс, один путь» в экономическом коридоре между Центральной и Западной Азией. Китай приветствует участие Иордании в проекте «ОПОП». Важным направлением внешней политики КНР на Ближнем Востоке является участие в разрешении палестино-израильских противоречий в обеспечении права палестинского народа на создание независимого государства в границах 1967 г.

7. Китайские компании принимают активное участие в строительстве и обслуживании объектов транспортной инфраструктуры (железные дороги, аэропорты, морские порты, дороги) Бахрейна, Катара, Кувейта, Омана и ОАЭ. Китайские технологические компании реализуют масштабные проекты по внедрению сетей 5G в Бахрейне и ОАЭ.

8. Сотрудничество Китая с Сирией, Ливией, Ираком, и Йеменом рассматривается политическим и военным руководством китайского государства в качестве меры, способной обеспечить безопасность своих национальных интересов в ближневосточном регионе. Китайские компании получили выгодные контракты на поставки нефти в Ираке и Ливии, поэтому обеспечение безопасности в регионе является причиной китайского участия в реконструкции Сирии и урегулировании конфликта в Йемене.

5. Перспективы ближневосточной политики КНР

5.1. Направления развития ближневосточной политики КНР

По мнению китайских специалистов, несмотря на несомненные успехи ближневосточной политики КНР, существует ряд причин, которые препятствуют закреплению ее позиций в регионе.

Во-первых, конфликтогенный потенциал самого Ближнего Востока объективно затрудняет политику любого внерегионального актора.

Во-вторых, воздействие «американского фактора». Нельзя отрицать, что влияние Вашингтона на Ближнем Востоке несколько снизилось, однако он по-прежнему остается наиболее заметным игроком на «ближневосточной шахматной доске».

В-третьих, еще одним фактором, в какой-то степени затрудняющим проникновение Китая на Ближний Восток, выступает ней высокий интерес китайцев к исламской культуре.

В-четвертых, ближневосточная политика КНР строится на принципах невмешательства и нейтральности. Именно в этой плоскости кроются ключевые отличия китайской внешней политики от американской и даже российской. Но, по оценкам китайских политологов, такая политическая линия не вполне соответствует статусу ведущей мировой державы. Кроме того, сама ситуация на Ближнем Востоке не предполагает пассивной позиции. В этой связи китайские эксперты на страницах ведущих периодических изданий по политической и экономической тематике доказывают, что пришло время менять прежнюю, слишком «тихую» и «мягкую» ближневосточную политику Китая²⁶⁵.

---

²⁶⁵ И дай и лу: чжунадуйцзе («Один пояс, один путь»: совпадение КНР и арабского мира) / http://www.xinhuanet.com/globe/2018-07/19/c_137314569.htm [Электронный ресурс] Xinhua News Agency (дата обращения: 01.09.2020).

Проведенное исследование показало, что для того чтобы избежать чрезмерной зависимости от США, страны Персидского залива укрепляют национальный военный потенциал и диверсифицируют свои экономические и военные связи с Китаем. В долгосрочной перспективе это может подтолкнуть некоторые арабские страны СПЗ к укреплению своего сотрудничества с китайской стороной в сфере безопасности и к размещению на своей территории военных объектов КНР, включая военно-морские базы.

Китайская Народная Республика, обладающая высоким экономическим потенциалом, играет все более стратегически важную роль для СПЗ. В последние годы сфера интересов китайской стороны в Персидском заливе расширилась – от узкой направленности на торговлю углеводородами до широкомасштабных инвестиций в энергетику, промышленность, финансы, транспорт, связь и прорывные технологии. Китай также становится все более важным участником программ экономической диверсификации СПЗ. Так, объем двусторонней торговли между Китаем и СПЗ достиг 163 млрд долл. в 2018 г., и в ближайшие годы будет расти и дальше. В настоящее время Китай является главным экономическим партнером СПЗ и крупнейшим торговым партнером Кувейта, Омана, Саудовской Аравии и ОАЭ.

Руководители СПЗ осознают, что экономический рост КНР сопровождается увеличением военной мощи НОАК, что позволит китайской стороне проводить более решительную политику в регионе для достижения своих стратегических целей²⁶⁶. Кроме того, несмотря на свои усилия по диверсификации источников нефти, Китай остается зависимым от Ближнего Востока и Африки в отношении примерно двух третей своего общего импорта. Таким образом, китайская сторона продолжает полагаться на морские линии связи, такие как Баб-эль-Мандеб, Южно-Китайское море, Ормузский пролив, Малаккский пролив и Суэцкий канал для большей части своей торговли и импорта энергоносителей.

---

²⁶⁶ Шлындев А. В. Вооруженные силы Китайской Народной Республики. Очерки: монография / Ред.-сост. Н. В. Анисимцев. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2019. – 184 с.

Кроме того, проекты, связанные с постконфликтным восстановлением в других странах Ближнего Востока, таких как Ирак, Ливия, Сирия и Йемен, могут в конечном итоге стоить сотни миллиардов долларов, и именно китайские предприятия имеют возможность выиграть значительную долю этих контрактов.

Растущая экономическая и военная мощь Китая, а также его постоянное место в Совете Безопасности ООН гарантируют, что его глобальное влияние будет только возрастать со временем. В связи с этим СПЗ рассматривают КНР как важный источник политической поддержки, особенно когда они приступают к программам диверсификации и избирательным экономическим реформам, одновременно противодействуя давлению Запада по таким вопросам, как права человека и демократизация. Отсутствие официальной реакции Китая в связи с убийством саудовского журналиста Дж. Хашогги в консульстве Саудовской Аравии в Стамбуле в 2018 г. укрепило мнение руководства СПЗ, что их мировоззрение более тесно связано с позицией Пекина, чем с мнением их традиционных западных партнеров.

Китай в целом воздерживается от прямого участия в спорах в странах Ближнего Востока. Он установил хорошие связи с руководством всех государств региона. За счет этого экспорт китайского оружия СПЗ ежегодно растет. В настоящее время китайские беспилотные летательные аппараты производятся в Саудовской Аравии и используются в Египте и Ираке для борьбы с терроризмом. Кроме того, китайская сторона направила около 1000 военнослужащих на свою первую зарубежную военную базу в Джибути для выполнения задач по борьбе с пиратством. К началу 2020 г. КНР уже направила 32 конвойные флотилии в Сомали и прилегающие воды для обеспечения безопасности в Красном и Аравийском морях²⁶⁷.

Китайские инвесторы со своей стороны не используют западные и местные охранные предприятия для обеспечения безопасности проектов и защиты специалистов, а прибегают к услугам

---

²⁶⁷ Казанин М. В. Военное присутствие КНР в Джибути: геополитические причины и перспективы / Ближний Восток и современность Сборник статей (выпуск 52). М., 2018. – С. 86–97.

национальных частных военных компаний. В настоящее время на Ближнем Востоке наращивают свое присутствие такие китайские компании, как подконтрольная вооруженной народной милиции КНР Snow Leopard, Tianjiao Teweи (GSA) и Huaxing Zhong An.

Однако руководство арабских государств региона обеспокоено политикой Китая в отношении Ирана, особенно военным сотрудничеством между двумя странами. Тем не менее китайская сторона проявила осторожный подход к Тегерану, несмотря на свою поддержку ядерной сделки с Ираном. Все экономические показатели показывают, что Китай не инвестировал значительные средства в Иран – несмотря на заявления Тегерана об обратном. Кроме того, большинство китайских военных производителей воздерживаются от передачи технологий иранским компаниям²⁶⁸.

Следует отметить, что при значительном снижении геополитического и военного потенциала США и невозможности обеспечить защиту СПЗ из-за разработки Ираном ядерного оружия такие государства, как Саудовская Аравия, могут начать свои собственные ядерные программы или приобретут усовершенствованные баллистические ракеты. В этом случае именно КНР может оказать им соответствующую военно-техническую и технологическую помощь, став тем самым ключевым гарантом безопасности на Ближнем Востоке.

Одновременно с тем, как СПЗ стремятся получить экономические и политические выгоды от возросшей роли Китая в регионе, руководства этих государств в краткосрочной перспективе намерены сохранять баланс между отношениями с КНР и давним союзником – США²⁶⁹.

Результаты проведенного исследования показывают, что в настоящее время у Китая нет военных и материально-технических возможностей, чтобы обеспечить надежную альтернативу американскому «зонтику безопасности» в Персидском заливе. США

²⁶⁸ Епихина Р. А. Роль электроэнергетики во внешнеэкономической экспансии КНР // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. №12 (6). С. 188–202.

²⁶⁹ Пахомова М. А. Политика Китая в странах Арабского Востока (1978–2012 гг.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2014. – С. 35.

разместили десятки тысяч военнослужащих в регионе и поддерживали базы в каждой СПЗ, кроме Саудовской Аравии, а также в Афганистане, Ираке, Иордании, Турции и Сирии. С точки зрения арабских государств, уровень безопасности, обеспечиваемый военными США, несмотря на растущую неопределенность в отношениях с ними, в краткосрочной перспективе останется решающим для поддержания мира и стабильности в Персидском заливе.

Для обеспечения сбалансированных отношений с КНР и США руководство СПЗ ограничивает поддержку расширения военного присутствия китайских военных в регионе. Так, несмотря на то, что Китай является основным рынком для экспорта оманской нефти и планирует стать крупнейшим инвестором в его порт Дукм, оманская сторона предоставила американским военным доступ к объектам как в том же Дукме, так и в еще одном порту – Салале. Кроме того, Саудовская Аравия и ОАЭ одни из немногих стран, которые приобрели у США ракетные комплексы «Пэтриот».

Китайская помощь, инвестиции и экономическая деятельность вызывают большой интерес даже у тех, кто еще не наладил подобное сотрудничество с Поднебесной. Проблема в том, что в большинстве случаев всю деятельность китайцы перепоручают местным партнерам китайских компаний или их представителям. Что касается прямого китайского участия и присутствия на Ближнем Востоке, то Пекин сохраняет большую осторожность. Поэтому большинство проектов застrevают на стадии деклараций, меморандумов о взаимопонимании и договоров о том, что «мы договоримся».

Причин на то несколько. В некоторых областях по-прежнему фактически идет война или обстановка остается напряженной (провинции Сирии, Ливии), царят нестабильность и беспорядки (Ливан, Сирия, другие области). Части этих областей остаются «горячими точками» с геополитической точки зрения (прежде всего, так называемая шиитская ось, т. е. Иран, Ирак, Сирия, Ливан, отчасти Йемен). Китай не хочет рисковать там своей безопасностью, финансами и репутацией²⁷⁰.

---

²⁷⁰ Чжундунгоцзяцзичушэшицзяньшэй и дай и лухэцзоцяньзинь (Строительство базовой инфраструктуры и перспективы сотрудничества в рамках плана

С одной стороны, он не хочет портить свои отношения с местными державами, с которыми плодотворно сотрудничает (это, в первую очередь, Саудовская Аравия и страны Залива). С другой стороны, Китай не хочет давать Западу повод (главное, Соединенным Штатам) для того, чтобы его в лучшем случае критиковали за помощь «мешенническим» режимам, а в худшем – ввели против него санкции за нарушение американских санкций против этих государств.

Представляется возможным утверждать, что на Ближнем Востоке Китай присутствует на следующих уровнях.

Во-первых, он оказывает дипломатическую помощь (чаще и эффективнее всего в ООН) и «моральную» поддержку.

Во-вторых, Китай готов к сотрудничеству (он, так скажем, присматривается к Египту, Израилю) и уже плодотворно сотрудничает (Турция, страны Залива, Иран) со странами региона. Что парадоксально, нельзя сравнивать китайскую деятельность на Ближнем Востоке и в Северной Африке с действиями Китая в Черной Африке (там Китай не только ведет масштабную добычу ископаемых, строит инфраструктуру, но и расширил экономический, стратегический, культурный и образовательный обмен). Это также связано не только с уходом США, но и традиционных держав, прежде всего западноевропейских, южноафриканских и арабских (Ливан и Ливия).

Что касается некоторых регионов Ближнего Востока (Сирия, Ливан), то можно констатировать, что там от Китая ожидают намного большего, чем он пока предложил. И если Пекин как можно скорее не включится в экономические, geopolитические и культурные события в этих регионах, то не исключено, что упустит момент и свой исторический шанс²⁷¹.

Пока Китай проявляетдержанность и свойственную ему осторожность, постамериканский вакуум на Ближнем Востоке запол-

---

«Один пояс, один путь») / <http://iwaas.cass.cn/xszy/zdlw/201904/P020190425331099669096.pdf> [Электронный ресурс] China Academy of Social Science (дата обращения: 01.09.2020).

²⁷¹ Anoushiravan Ehteshami and Niv Horesh, eds., *China's Presence in the Middle East: The Implications of the One Belt, One Road Initiative* (London: Routledge, 2018), p. 28.

няется. Пока Китай колеблется, а Запад, т. е. ЕС, несмело «подбирает крохи» за США, на первый план выходят новые, прежде всего региональные, силы. Помимо Турции, Египта и в какой-то мере Саудовской Аравии, это Россия, которая вместо конфликтов и притязаний на кому-то (по историческим или другим причинам) «причитающиеся» территории делает ставку на ассертивность, стабильность, определенную geopolитическую и социальную «синергию» и дипломатию²⁷².

В заключение отметим, что китайских политологов удивляет, насколько легко Соединенные Штаты уступили этим новым «гегемонам» свои позиции, как пассивно к происходящему относится Евросоюз и как нерешительно ведет себя официальный Пекин, делая опору на реализацию инструментов «мягкой силы».

5.2. Отношения Китая и США на Ближнем Востоке

В настоящее время США своими действиями добавляют в отношения КНР с ближневосточными странами интересную динамику. Так, экономическая выгода для Китая в регионе может быть частично связана с архитектурой безопасности, выстроенной США, которая позволяет Китаю торговать и инвестировать без соответствующего участия в обеспечении региональной безопасности в ближневосточном регионе.

С другой стороны, интерес стран БВСА к более глубоким связям с Китаем может быть в значительной степени связан с неопределенностью относительно планов США на регион. Поэтому любой анализ китайского присутствия в ближневосточном регионе должен проводиться с учетом влияния США как на сам Китай, так и на страны Ближнего Востока. Центральное место при анализе китайского присутствия на Ближнем Востоке должны занимать два вопроса: первый – «Сходятся или расходятся американские и китай-

---

²⁷² Andrew Scobell, Alireza Nader, China in the Middle East: The Wary Dragon // RAND, 2016, 111 p.

ские интересы в регионе?»; второй – «Обеспечивает ли региональная политика США и КНР возможности для сотрудничества?».

Интересы США на Ближнем Востоке основаны на трех соображениях: доступ к энергетическим ресурсам для глобальных рынков, свобода судоходства и обеспечение безопасности Израиля. Эти цели легли в основу военного доминирования Соединенных Штатов в регионе, создав сеть военных баз на основе соглашений о сотрудничестве в области обороны. Выстроенная архитектура безопасности является средством, с помощью которого Соединенные Штаты могут защитить свои интересы, поддерживая при этом региональный статус-кво, который благоприятствует партнерам и союзникам Вашингтона по БВ.

Китайские специалисты по ближневосточному региону полагают, что интересы США и Китая в БВ достаточно схожи. Безопасность Израиля не входит в стратегический план Пекина по отношению к Ближнему Востоку, а вот доступ к энергии и свобода навигации являются его основными интересами. Для реализации проекта «Один пояс, один путь» Китаю также требуется стабильность в регионе и стабильная архитектура безопасности США.

Представляется возможным утверждать, что Китай и США имеют общие интересы на Ближнем Востоке. Так, в пример китайские специалисты приводят израильского ученого И. Шихора, который заметил «относительно высокую конвергенцию американских и китайских взглядов, политики и поведения по различным проблемам Ближнего Востока»²⁷³. В то же время он подчеркивает, что Пекин и близко не имеет такого же уровня политического влияния, как Вашингтон, в столицах по всему региону. Это происходит главным образом из-за огромного разрыва между экономической зоной покрытия Китая и его сравнительно небольшим вкладом в регион.

Существует мнение, что, пока КНР не будет более глубоко включен в вопросы безопасности, он не сможет считаться игроком высшего уровня. Проект «Один пояс, один путь» может стать пер-

---

²⁷³ Tim Niblock, “Strategic Economic Relationships and Strategic Openings in the Gulf,” in Steven W. Hook and Tim Niblock, eds., *The United States and the Gulf: Shifting Pressures, Strategies and Alignments* (Berlin: Gerlach Press, 2015), 16–18.

вым шагом к изменению этого восприятия, равно как и готовность общественности Китая играть более активную роль в региональной дипломатии. Достаточно вспомнить ситуацию, когда министр иностранных дел Ван И предложил помочь Китая для посредничества между Эр-Риядом и Тегераном в 2017 г.²⁷⁴

Китайские аналитики полагают, что для Пекина его энергетическая безопасность и доступ к рынкам БВ гарантированы Соединенными Штатами, а отношения между США и Китаем все больше напоминают стратегическое соперничество. Стратегия национальной безопасности США, выпущенная в декабре 2017 г., описывает Китай «воинствующими» языковыми средствами, ссылаясь на «геополитическую конкуренцию между свободными и репрессивными взглядами на мировой порядок» в Индо-Тихоокеанском регионе и заявляя, что «Китай представляет свои амбиции как взаимовыгодные, но Китайское доминирование рискует уменьшить суверенитет многих государств»²⁷⁵.

Китайские эксперты приходят к выводу, что торговая война между США и Китаем повышает вероятность выстраивания двусторонних отношений, определяемых конкуренцией, а не сотрудничеством; это повлияет на подход Пекина к Персидскому заливу, а также к Индо-Тихоокеанскому региону в целом. То, что его стратегический конкурент может легко нарушить важнейшие маршруты морских перевозок, является стратегической уязвимостью, которая потребует расширения зоны действия военно-морских сил Китая, и рассмотренные в рамках инициативы «Один пояс, один путь» проекты портов могут потенциально использовать Джибути в качестве зарубежной базы для ВМС НОАК.

С точки зрения США, Китай воспользовался «зонтиком безопасности» (обеспечение безопасности другого государства), предоставленным Соединенными Штатами, без соответствующего вклада в стабильность на Ближнем Востоке.

---

²⁷⁴ “Ahead of King’s Visit, China Says Hopes Saudi, Iran Can Resolve Problems,” Reuters, March 8, 2017 / <https://www.reuters.com/article/us-china-parliament-mideast-idUSKBN16F0KV>.

²⁷⁵ “National Security Strategy of the United States”, White House, December 2017 / <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>.

Так, президент Б. Обама в интервью New York Times однажды заявил, что Китай рассматривается Вашингтоном как государство, пользующееся общественными благами, но неучаствующее в их создании, «как пассажир-безбилетник»²⁷⁶. Не удивительно, что Китай в лице официального представителя МИД КНР отверг это утверждение, обосновав наличие своих миротворческих сил в Ливане, миссию по борьбе с пиратством в Аденском заливе и вклад в стабильность, обеспечиваемый его экономической активностью: «Политическое посредничество и экономическая вовлеченность, которые могут помочь смягчить напряженность внутри и между странами региона, должны определенно также рассматриваться как общественные блага в сфере безопасности».

Война в Ираке, реакция администрации Б. Обамы на арабские восстания в 2011 г., гражданская война в Сирии, а также переговоры с Ираном в рамках Совместного всеобъемлющего плана действий способствовали пересмотру государствами БВ своего подхода к оценке Соединенных Штатов как стратегического партнера. С другой стороны, происходящий в то же время поворот США в сторону Азии и «сланцевая революция» (внедрение в промышленную эксплуатацию эффективных технологий добычи газа и нефти из залежей сланцевых пород) привели к опасениям стран БВСА, что интересы Соединенных Штатов в ближневосточном регионе кардинально изменились.

Сунь Деган – китайский политолог и профессор университета Цинхуа – сравнил китайский и американский подходы с «мягкой и жесткой силой». В своих работах он отмечает, что «китайский «мягкий подход» основан на геоэкономических соображениях и учитывает национальные проблемы как Китая, так и стран БВ; китайское «мягкое» военное присутствие на Ближнем Востоке неинституционализировано (не проработана нормативно-правовая база), но оно является временным и ориентированным на выполнение конкретных задач обеспечения безопасности китайского Шелкового пути. «Геоэкономический подход Поднебесной совместим с прин-

---

²⁷⁶ «The Obama Interview: China as a Free-Rider», New York Times, August 9, 2014 / <https://www.nytimes.com/video/opinion/100000003047788/china-as-a-free-rider.html>.

ципами развития безопасности в странах БВ, его придерживаются китайские лидеры, а также он соответствует выделяемой помощи, инвестициям и займам, обещанным во время министерской встречи на Форуме «Сотрудничество между Китаем и арабскими странами» в 2018 г.». Эксперт отмечает, что «напротив, «жесткий» подход Соединенных Штатов сфокусирован на геополитических проблемах и в его основе лежит проецирование военной силы и постройка соответствующей обеспечивающей инфраструктуры»²⁷⁷.

Китайские специалисты полагают, что политика в отношении стран БВ администрации Д. Трампа не изменила повестку: США планируют уйти с Ближнего Востока. Их ответная реакция на спор между Катаром и «антитеррористической четверкой» подтвердила полное отсутствие ясности в этом вопросе. Решение переместить посольство США из Тель-Авива в Иерусалим вызвало гнев и возмущение многих в ближневосточном регионе. Призывы к полному выводу войск из Сирии и значительному выводу войск из Афганистана усиливают понимание того, что Соединенные Штаты стремятся уйти с Ближнего Востока²⁷⁸.

Попытка Вашингтона создать «арабское НАТО» с помощью Ближневосточного стратегического альянса воспринимается как еще один знак того, что США стремятся сделать менее заметным свое присутствие в регионе²⁷⁹. По этим причинам лидеры региона обращаются к широкому кругу государств, которые традиционно не были основными региональными игроками. В последние годы Россия, Япония и Южная Корея все больше углубляют связи с БВ, главным образом в экономической сфере²⁸⁰.

---

²⁷⁷ Degang Sun, «China's Soft Military Presence in the Middle East», Middle East Institute, March 11, 2015 / <https://www.mei.edu/publications/chinas-soft-military-presence-middle-east>.

²⁷⁸ Paul Salem, «America's Mideast Retreat», Chatham House, February 2019 / <https://www.chathamhouse.org/publications/twt/americas-mideast-retreat>.

²⁷⁹ Yasmine Farouk, «The Middle East Strategic Alliance Has a Long Way to Go», Carnegie Endowment for International Peace, February 8, 2019 / <https://carnegieendowment.org/2019/02/08/middle-east-strategic-alliance-has-long-way-to-go-pub-78317>.

²⁸⁰ Jonathan Fulton and Li-Chen Sim, eds., External Powers and the Gulf Monarchies (London: Routledge, 2018).

Эта тенденция особенно характерна для монархий Персидского залива, которые после «арабской весны» предпринимают попытки диверсифицировать экономику, основывающуюся на одном ресурсе. Падение цен на энергетических рынках сильно потрясло экономики стран Персидского залива, которые все в значительной степени зависят от экспорта энергоносителей и именно благодаря им получают финансирование для поддержания своего благосостояния. Каждое из государств ССАГПЗ приступило к реализации планов национального развития, которые согласуются с китайской концепцией развития Шелкового пути: «Саудовское видение 2030», «Новый Кувейт 2035», «Абу-Даби 2030», «Катарское национальное видение 2030», «Оманское видение 2040» и «Экономическое видение Бахрейна 2030»²⁸¹. Все эти концепции направлены на выстраивание диверсифицированной экономики, в которой прямые иностранные инвестиции являются важной опорой.

Между планами развития государств-членов ССАГПЗ и инициативой «Один пояс, один путь» существует тесная взаимосвязь: акценты сделаны на приоритетах взаимодействия через средства коммуникации и сотрудничество по координации совместной политики. Многие лидеры Персидского залива четко обозначили связь между национальным развитием и Шелковым путем, например, наследный принц Саудовской Аравии М. бен Сальман назвал его «одним из главных столпов «Саудовского видения 2030». Этот факт подтверждается тем, что в период с 2005 по 2014 гг. стоимость китайских контрактов на строительство инфраструктуры в ССАГПЗ достигла 30 млрд долл., что составило 8% глобальных контрактов Китая за этот период²⁸².

Таким образом, государства ближневосточного региона пересматривают свои взгляды на взаимоотношения с США и КНР. Китайские политологи также проводят свою оценку ситуации и отмечают, что по большому счету Вашингтон в регионе не может предложить ничего нового, кроме проецирования собственной

---

²⁸¹ «Fusing Vision 2030 with Belt Road Initiative», Arab News, September 3, 2016 / <http://www.arabnews.com/node/979346/saudi-arabia>.

²⁸² «GCC Trade and Investment Flows», Economist Intelligence Unit (2014), 27.

военной мощи. Такой подход давно изучен зарубежными политологами и достаточно предсказуем. Именно поэтому руководители ближневосточных стран находятся в поиске новых путей диверсификации экономики, вследствие чего на Ближнем Востоке появляются новые значимые игроки: Россия, Китай, Япония и Южная Корея, которые все больше углубляют связи со странами БВ, главным образом в экономической сфере.

Американские и китайские специалисты соглашаются в том, что одна из особенно спорных и малоизученных областей противостояния Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов в ближневосточном регионе – распространение китайских телекоммуникационных технологий в страны Ближнего Востока. Схема сотрудничества, выстроенная по формуле «1 + 2 + 3» была закреплена в «Положении о политике взаимодействия арабских стран и Китая», выпущенном в 2016 г. в связи с поездкой председателя КНР Си Цзиньпина на Ближний Восток.

В соответствии с предложенной формулой, за основу предлагается сотрудничество в области энергетики. Строительство инфраструктуры и содействие торговле и инвестициям выступают в качестве двух «крыльев», а высокие и новые технологии в области ядерной энергии, космической промышленности и новой энергии – в качестве трех передовых достижений. Совместное коммюнике форума «Один пояс, один путь» 2017 г. определило направления дальнейшего развития данной сферы, обещая создать так называемый цифровой Шелковый путь, который поддерживал бы инновационные планы действий в области электронной коммерции, цифровой экономики, интеллектуальных городов и научно-технических парков²⁸³.

Если говорить простым языком, Пекин намерен развивать ИТ-сферу в самых разных областях и выстраивать систему «цифрового мира» вдоль всех маршрутов нового Шелкового пути. Электронная коммерция, промышленные компьютерные сети, интернет-банкинг, связь, высокотехнологичные разработки, «умные

---

²⁸³ Joint Communique of Leaders Roundtable of Belt and Road Forum, Xinhua, May 15, 2017 / http://www.xinhuanet.com/english/2017-05/15/c_136286378.htm.

города» – все это включено в цифровой Шелковый путь. Китайская спутниковая навигационная система «Бэйдоу» обладает значительными возможностями, предлагая услуги навигации и определения местоположения, которые, в свою очередь, могут быть использованы транспортными и сельскохозяйственными структурами, а также вооруженными силами.

В 2017 г. в Шанхае была проведена встреча по программе «Бэйдоу» между Китаем и арабскими государствами, на котором министр высшего образования и научных исследований Туниса выступил со следующим заявлением: «Сотрудничество является лучшим примером стратегического взаимодействия между Китаем и арабскими государствами, поскольку спутниковая навигация объединяет широкий спектр высокотехнологичных областей, в том числе телекоммуникационные и космические технологии»²⁸⁴. По мере того как китайские фирмы расширяют свое присутствие в этих технологиях в регионе БВ, в Вашингтоне возникает опасение, что в связи с этим имеют место угрозы национальной безопасности, особенно в штатах со значительной концентрацией воинских подразделений и новыми образцами вооружения.

Внедрение китайской сети 5G на Ближнем Востоке особенно проблематично. Протокол 5G «Соглашение об аутентификации и ключах» считается небезопасным, что может привести к краже или нанесению вреда данным, а также может иметь последствия для национальной безопасности США. Китайская корпорация Huawei, которая находится на передовой развития и распространения технологии сотовой связи стандарта 5G, воспринимается как возможная угроза, учитывая «Закон о государственной безопасности» КНР, который требует сотрудничества с правительством в случаях возникновения вопросов национальной безопасности²⁸⁵.

---

²⁸⁴ «BeiDou Navigation System Guides China-Arab Cooperation on ‘Space Silk Road,’»China Daily, April 2, 2019 / http://www.chinadaily.com.cn/a/201904/02/WS5ca3321da3104842260b400a_1.html.

²⁸⁵ Adam Satariano, «U.A.E. to Use Equipment from Huawei Despite American Pressure», New York Times, February 26, 2019 / <https://www.nytimes.com/2019/02/26/technology/huawei-uae-5g-network.html>.

Так, ссылаясь на данное обстоятельство как на проблему безопасности, госсекретарь США М. Помпео предупредил лиц, принимающих решения из стран Ближнего Востока: «Если страна примет это и включит в некоторые из своих важнейших информационных систем, мы не сможем поделиться с ними информацией, и у нас не будет возможности работать вместе с ними»²⁸⁶. Отмечается, что данная проблема стала еще более актуальной в мае 2019 г., когда президент США Д. Трамп подписал распоряжение, запрещающее технологические транзакции, «которые представляют неприемлемый риск для национальной безопасности Соединенных Штатов», добавив Huawei и его дочерние компании в список объектов Бюро промышленности и безопасности²⁸⁷. Последствия этого могут повлиять на связи с государствами БВ, такими как ОАЭ, Саудовская Аравия, Кувейт, Бахрейн и Египет, все из которых имеют телекоммуникационные фирмы, сотрудничающие с Huawei.

В подходах Китая и Соединенных Штатов к вопросам Ближнего Востока есть сходства и различия. Обоим государствам нужен стабильный Ближний Восток с сильными странами, способными внести свой вклад в региональный статус-кво. Могут ли оба государства работать вместе ради достижения этой цели, американские и китайские политологи не могут дать однозначного ответа. То, что каждый воспринимает другого как своего главного стратегического соперника, говорит о том, что БВСА вполне может стать полем для конкуренции между США и Китаем. В то же время существует достаточно частых совпадений интересов, которые, при соответствующих условиях, могли бы также превратить регион в поле для сотрудничества. Однако анализ ситуации в странах БВ показывает, что достичь этого проще на словах, чем на практике, поскольку это требует тщательного и последовательного управления двусторонними отношениями.

---

²⁸⁶ «U.S. Won't Partner with Countries that Use Huawei Systems: Pompeo», Reuters, February 21, 2019 / <https://www.reuters.com/article/us-huawei-tech-usa-pompeo/us-wont-partner-with-countries-that-use-huawei-systems-pompeo-idUSKCN1QA1O6>.

²⁸⁷ Tucker Higgins, «Trump Declares National Emergency Over Threats Against US Technology Amid Campaign Against Huawei», CNBC, May 15, 2019 / <https://www.cnbc.com/2019/05/15/trump-signs-executive-order-declaring-national-emergency-over-threats-against-us-technology.html>.

Подкомиссия Палаты представителей по иностранным делам на Ближнем Востоке, в Северной Африке и международному терроризму в мае 2019 г. провела слушания о влиянии Китая и России на страны БВСА, что является обнадеживающим признаком того, что руководство США признает изменение роли Китая в регионе. Видный американский политолог профессор Дж. Альтерман во время слушаний отметил, что «Китай, похоже, ищет способы конкурировать, не становясь соперником, и его ранние результаты кажутся положительными»²⁸⁸. После чего были опубликованы документы, в которых американские специалисты провели обоснованный анализ стратегических и экономических амбиций Китая в БВ и пришли к выводу, что он еще никогда не был столь убедительным. В обобщенном виде указанные рекомендации в этих документах правительству США можно свести к следующим направлениям:

- расширение влияния Китая в регионе необходимо тщательно и всесторонне отслеживать, понимая разницу в китайских отношениях с каждой отдельно взятой страной в регионе;
- у политиков и политологов США существует значительный пробел в знаниях о ближневосточном регионе, который необходимо заполнить. Большинство американских экспертов по странам БВ незнакомы с Китаем, а большинство американских экспертов по Китаю недостаточно знакомы со странами БВ. Точно так же китайским экспертам в области БВ необходимо больше узнать о роли США на Ближнем Востоке;
- усилия, предпринимаемые экспертами по внешней политике США и Китая, ориентированными на БВ, помогут обеим сторонам понять друг друга, определить ключевые предложения для своих правительств и, в более общем плане, максимизировать вероятность того, что Ближний Восток не станет центром конкуренции сверхдержав в ближайшие десятилетия.

В заключение хотелось бы отметить, что государства ближневосточного региона пересматривают свои взгляды на взаимоот-

²⁸⁸ Statement before the House Foreign Affairs Subcommittee on the Middle East, North Africa, and International Terrorism, «Chinese and Russian Influence in the Middle East», A Testimony by John B. Alterman, May 9, 2019 / <https://www.csis.org/analysis/chinese-and-russian-influence-middle-east>.

ношения с США и КНР. По большому счету Вашингтон в регионе не может предложить ничего нового, кроме проецирования собственной военной мощи. Такой подход давно изучен ближневосточными политологами и в значительной степени предсказуем. Поэтому руководители ближневосточных стран находятся в поиске новых путей диверсификации экономики, в том числе и за счет расширения рынка телекоммуникаций.

Инициатива «Один пояс, один путь» и проецирование «мягкой силы» (в частности, реализация языковых и туристических амбиций Китая на Ближнем Востоке) указывают на то, что китайское государство стремится к большей роли в ближневосточном регионе, который оно считает для себя стратегически важным. Китайское видение своей роли на БВ четко сформулировано и соответствует существующим двусторонним отношениям и принципам инициативы «Один пояс, один путь».

Другим важным моментом является то, что подход Китая к странам БВ в основном соответствует региональному статус-кво. В партнерстве с ОАЭ, Саудовской Аравией и Египтом Китай, как представляется, опасается нарушить деликатный и нестабильный порядок. Работая с Турцией и Ираном в рамках партнерских отношений, но держа их на расстоянии вытянутой руки, Китай, похоже, осознает тот факт, что более глубокие связи с ними могут оттолкнуть ключевых региональных игроков и поставить под угрозу достигнутые им успехи. В то же время его всеобъемлющий подход, на наш взгляд, ориентирован на все возможные сценарии неопределенного будущего, при этом сохраняется возможность укрепления отношений, например, с Тегераном и Анкарой.

5.3. Сотрудничество Китая и России на Ближнем Востоке

Россия и Китай за последнее время значительно усилили свою деятельность на Ближнем Востоке. Она реализуется по нескольким основным направлениям: торговля, инвестиции, энергетика,

военное сотрудничество, дипломатические связи и др²⁸⁹. В течение последних 10 лет Китай последовательно наращивает свою деятельность в странах ближневосточного региона. В свою очередь, Россия вернулась в регион только в 2015 г. Это связано с трагическими событиями в Сирии и необходимостью оказать помощь президенту Б. Асаду и с дальнейшим размещением воинского контингента в Сирии. В эру стратегического противостояния дальнейшее расширение деятельности этих двух стран в регионе представляет вызов для США.

Россия – страна с сильными вооруженными силами, но у нее неопределенные экономические перспективы. Однако она будет стремиться поддерживать статус мировой державы так долго, насколько это возможно. Китай, поддерживаемый своей растущей экономической мощью, реализует долгосрочную стратегию, направленную на становление сильнейшего государства в мире.

Стратегическое соревнование разворачивается на мировой арене, но Ближний Восток является самым важным региональным театром. Это особенно важно как для России, так и для Китая, учитывая его стратегическое расположение и обширные энергетические ресурсы. Понимание российских и китайских целей в регионе и того, как они достигают этих целей, может помочь понять, как Соединенные Штаты должны подходить к своему присутствию на Ближнем Востоке и к американским политическим решениям в регионе.

В 2015 г. Россия вернулась на Ближний Восток со своим вмешательством в сирийскую гражданскую войну, разместив военный контингент за пределами пространства, которое Москва считает своим «ближним зарубежьем» впервые после распада Советского Союза. Россия рассматривает взаимодействие с Ближним Востоком как способ восстановить себя в качестве великой державы на мировой арене в то время, когда влияние США в регионе, по-видимому, ослабевает. Как и планы Пекина, ближневосточная стратегия Москвы опирается на поддержание хороших отношений со всеми странами региона и фокусируется на максимизации

---

²⁸⁹ Russia and China in the Middle East: Implications for the United States in an Era of Strategic Competition / The RAND Corporation, May 9, 2019, 13 p.

возможностей в регионе с минимальными обязательствами или потенциальными потерями²⁹⁰.

Задолго до размещения в Сирии вооруженных сил Россия наращивала свою активность на Ближнем Востоке. В регионе, где личные отношения имеют большое значение, президент В. Путин посвятил много времени посещению стран Ближнего Востока, включая Израиль, Саудовскую Аравию, ОАЭ, Иорданию, Катар, Турцию и Иран. Россия ослабляет это участие в ситуации в САР, подчеркивая свою веру в государственный суверенитет, а также ее оппозицию внешнему вмешательству и внутренним народным восстаниям. Москва также глубоко обеспокоена возможностью распространения исламского экстремизма и терроризма в России и соседних с ней государствах. По мнению Москвы, события «арабской весны», а также интервенции США в Ираке и Ливии значительно дестабилизировали регион.

Россия, в отличие от США, выступает в качестве надежного партнера для региона, который не только будет говорить о правах человека или общественных свободах, но и поможет в торговле, инвестициях и энергетической дипломатии. Вместе Россия и Ближний Восток имеют более 60 % разведанных мировых запасов нефти и газа и добывают 50 % мировой нефти и почти 40 % ее природного газа²⁹¹. Когда Россия и страны Ближнего Востока сотрудничают, то преследование общих интересов имеет серьезные последствия для мировых рынков нефти и газа. Россия и Саудовская Аравия были основными движущими силами Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК), которая фактически установила минимальный уровень цен на нефть.

Россия не только является основным экспортёром нефти и газа, но и экспортирует элементы ядерных технологий на Ближний Восток, заключая сделки по строительству атомных электростанций в Иране, Иордании и Египте, также ведутся переговоры

---

²⁹⁰ James Sladden, Becca Wasser, Ben Connable, and Sarah Grand-Clement, Russian Strategy in the Middle East, Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, PE-236-RC, 2017, p. 10.

²⁹¹ Russia's Return to the Middle East: Building Sandcastles? Brussels: European Union Institute for Security Studies, Chaillot Paper № 146, July 2018, p. 30.

с Саудовской Аравией, которая имеет амбициозный план построить 16 ядерных реакторов к 2032 г.

Энергетическая дипломатия России позволила ей пережить сложный период в последние годы, но долгосрочные перспективы для Москвы менее надежны. Работа со странами ОПЕК над повышением цен на нефть помогла России компенсировать экономические потери, вызванные санкциями Запада. Это также принесло доход для стран Ближнего Востока. В свою очередь, страны Ближнего Востока использовали часть этого дохода для осуществления крупных закупок российского оружия и для инвестирования в Россию через такие транспортные средства, как Российский фонд прямых инвестиций. В дальнейшем сильная зависимость России и стран Ближнего Востока от доходов от нефти и газа будет поставлена под сомнение из-за ряда изменений на энергетическом рынке, включая потенциал агрессивной политики в области изменения климата, направленной на постепенное прекращение использования добываемого топлива.

Продажа оружия также является основным компонентом взаимодействия России на Ближнем Востоке. 50 % российских продаж оружия идет на Ближний Восток, по сравнению с 36 % в 2015 г.²⁹². Участие России в боевых действиях на территории Сирии не только позволило Москве провести полевые испытания широкого спектра новых вооружений и систем их доставки, но и послужило весьма заметной рекламой российского вооружения и военной техники. Хотя военная техника США рассматривается в качестве золотого стандарта в регионе, страны Ближнего Востока часто разочарованы внешнеполитическими условиями, связанными с продажей оружия США, что связано с медлительностью процесса продажи оружия США. В результате лидеры Ближнего Востока видят в России весьма жизнеспособный альтернативный источник вооружений. В 2014 г. Египет подписал соглашение с Россией на 3,5 млрд долл., а Ирак стал вторым по величине импортером российского оружия после Индии. Россия также подписала соглашения с ОАЭ, Саудовской Аравией и Катаром, которые ведут

---

²⁹² Popescu and Secrieru, 2018, pp. 38–39.

переговоры с Москвой о покупке усовершенствованной системы ПВО С-400²⁹³. Россия гордится тем, что может разговаривать и работать с каждой страной в регионе, но поддержка транзакционного подхода к отношениям в регионе становится все более сложной.

Дипломатическое и военное сотрудничество России с Ираном создает проблемы и противоречия, поскольку Израиль и большинство арабских государств в регионе считают Тегеран главной угрозой для региона. Хотя Сирия и не оказалась для России «трясиной», как предсказывал бывший президент США Б. Обама, военное участие России в ней продолжается уже четвертый год, и дипломатического разрешения конфликта не видно. Россия заключила партнерские отношения с Ираном, чтобы поддержать Б. Асада, защитить свои военно-морские и воздушные базы в Латакии и Тартусе, обеспечить проекцию своей власти в Средиземном море и на Ближнем Востоке. Однако теперь Иран поощряет Б. Асада противостоять уступкам, что, по сути, противоречит позиции Москвы.

В последние годы российско-израильские отношения стали намного ближе, о чем свидетельствует неоднократное признание Россией ударов Израиля в Сирии по «Хизбалле». В то же время Россия сотрудничает с Ираном и «Хизбаллой» на местах. Она предоставила усовершенствованную систему ПВО С-300 как Ирану, так и Сирии, и эти шаги решительно направлены против Израиля. В отношениях с Йеменом Россия встала на сторону стран Персидского залива против Ирана, причем Москва поддерживает позицию Совета сотрудничества стран Залива и призывает к урегулированию конфликта путем переговоров. Россия также в значительной степени поддерживает арабские государства в регионе в своем подходе к Ливии, поскольку Москва поддерживает фельдмаршала Х. Хафтара, лидера светской милиции, которого поддерживают Египет, Саудовская Аравия и ОАЭ. Хотя России удается работать с большинством стран в регионе, ее подход весьма транзакционен, что может ограничить степень доверия, которое лидеры Ближнего Востока готовы инвестировать в эти отношения.

---

²⁹³ “Russia Is Selling More Weapons to Saudi Arabia and the UAE”, TRT World, February 22, 2019.

Россия находится под значительным давлением со стороны Европы из-за действий на Украине и вмешательства в выборы в Соединенных Штатах и Европе. Поэтому Москва рассматривает Ближний Восток как регион, в котором она может продемонстрировать, что остается великой державой. Хотя участие России в Сирии можно считать частично успешным, по крайней мере в ближайшей перспективе, у нее нет экономической мощи и возможностей проводить экспедиционные военные операции, которые позволили бы ей придерживаться более всеобъемлющего, долгосрочного подхода в регионе.

Ближний Восток является наиболее важным регионом мира для Китая после Азиатско-тихоокеанского региона²⁹⁴. В свою очередь, страны Ближнего Востока рассматривают Пекин как наиболее важную мировую столицу после Вашингтона по причине значительной экономической мощи Китая. Соединяя Китай через Суэцкий канал со Средиземным морем и Европой, Ближний Восток является стратегическим регионом для Китая, важнейшим источником столь необходимых энергоресурсов и зоной расширения экономических связей. Китай хочет, чтобы Ближний Восток признал его статус расущей державы, и рассматривает свои развивающиеся отношения со странами БВ как возможность уравновесить влияние США.

Движимый необходимостью надежного доступа к энергетическим ресурсам региона для стимулирования его внутреннего роста, Китай, похоже, преследует стратегию на Ближнем Востоке, в которой основное внимание уделяется поддержанию позитивных отношений со всеми странами региона и недопущению застрять в различных конфликтах. Однако это становится все более затруднительным, поскольку экономическое присутствие Китая потребует все большего политического участия. Пекин, в значительной степени удовлетворенный авторитарными стилями управления в странах региона, подчеркивает свою политику невмешательства в дела других стран.

Двигателем углубляющегося участия Китая на Ближнем Востоке является его постоянная потребность в энергии и доступ к

---

²⁹⁴ Andrew Scobell and Alireza Nader, China in the Middle East: The Wary Dragon, Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, RR-1229-A, 2016, p. 73.

экономическим рынкам по всему миру. Китай импортирует поло-вину своей нефти из стран Ближнего Востока и Северной Африки и является основным потребителем нефти в Саудовской Аравии и Иране. Международное агентство по атомной энергии ожидает, что Китай удвоит свой импорт из региона к 2035 г.²⁹⁵

Экономические отношения Китая с Ближним Востоком повы-сили свой статус благодаря официальному запуску проекта «Один пояс, один путь» в 2013 г. На третьем пленарном заседании 18-го Съезда Центрального комитета Коммунистической партии Китая в Пекине Ближний Восток был назван «соседним» регионом. Это указывает на то, что Ближний Восток в настоящее время входит в приоритетную геостратегическую зону Китая.

Большая часть торговли и инвестиций Китая в регионе приходится на страны Персидского залива, где особое внимание уделяется энергетике, строительству инфраструктуры, инвестициям в атомную энергетику, развитию новых источников энергии, сель-скому хозяйству и финансам. Отношения Пекина с Саудовской Аравией и Ираном особенно важны, хотя поддержание продуктивных отношений с обеими странами, которые являются злей-шими врагами, вероятно, будет становиться все более сложной за-дачей. Иран является центральным узлом китайского проекта «Один пояс, один путь» на Ближнем Востоке, о чем свидетель-ствует растущее число китайских заводов, автомобильных, железнодорожных и портовых проектов.

Египет, Израиль и Иордания важны для усилий инициативы «ОПОП». Большая часть китайских товаров, идущих в Европу, проходит через Суэцкий канал, и Пекин активно расширяет зону сотрудничества вокруг канала. Иордания присоединилась к Ази-атскому банку инфраструктурных инвестиций в 2015 г., подписав соглашения с Китаем на сумму 7 млрд долл. Иордания может стать отправной точкой для будущих китайских инвестиций в Си-рию, если в этой стране будет повышен уровень обеспечения безопасности. Наконец, Израиль реализует высокоскоростной

---

²⁹⁵ Nicholas Lyall, “Can China Remake its Image in the Middle East?”, The Diplo-mat, March 4, 2019.

железнодорожный проект с Китаем, который соединит Тель-Авив на Средиземном море с Эйлатом на Красном море.

Страны Ближнего Востока приветствуют экономические инвестиции Китая, но через пять лет реализации проекта «Один пояс, один путь» появляются некоторые признаки беспокойства. Критики указывают на то, что проект «ОПОП» приносит больше выгоды Китаю, чем принимающим странам. В дополнение к призыву Китая нанимать местных работников вместо китайских, партнеры из поднебесной и сторонние наблюдатели также поднимают вопросы о кредитных задолженностях, воздействии на окружающую среду, коррупции и общих мотивах Китая при реализации своего стратегического проекта.

Дипломатические и военные усилия Китая на Ближнем Востоке во многом связаны с реализацией его экономических целей, однако Пекин все чаще позиционирует себя как глобальную державу и рассматривает свои отношения в регионе в качестве противодействия влиянию США. Китай подчеркивает свой принцип невмешательства во внутренние дела других стран в своей ближневосточной дипломатии. Опасаясь быть вовлеченным во многие конфликты в регионе, Китай стремится быть другом для всех, о чем лучше всего свидетельствуют его серьезные отношения как с Саудовской Аравией, так и с Ираном.

Помимо потребности в энергоресурсах региона и признания Ближним Востоком себя в качестве растущей державы, Китай также хочет обеспечить свою безопасность как внутри страны, так и за пределами национальной территории. Уйгуры, мусульманское национальное меньшинство, проживающее в СУАР, представляют особую озабоченность Пекина, который опасается распространения радикальной исламистской идеологии и с беспокоенностью смотрит на сообщения о присоединении китайских уйголов к Исламскому государству в Ираке и Сирии.

Китайские дипломаты провели работу над тем, чтобы страны региона избегали публичной критики КНР за его позицию в отношении уйгурского населения и за создание крупных лагерей для интернированных уйголов. Китай опасается, что гласность разожжет и без того недовольное население и, возможно, даже

спровоцирует материальную поддержку со стороны ближневосточных уйголов. Усилия Китая на сегодняшний день были в значительной степени успешными.

Китай является экономическим тяжеловесом на Ближнем Востоке, но его военное присутствие в регионе значительно скромнее. В 2017 г. Китай создал свою первую военную базу за рубежом в Джибути, которая расположена на Африканском Роге, на важном международном морском пути. Китай направил три военных судна для участия в многосторонних операциях по борьбе с пиратством в Аденском заливе в 2008 г., и он по-прежнему участвует в усилиях по борьбе с морскими пиратами. Пекин направил 700 миротворцев в операцию Организации Объединенных Наций в Судане в 2012 г. Кроме того, Китай выразил обеспокоенность по поводу терроризма и подчеркнул, что борьба с терроризмом является областью потенциального сотрудничества с Соединенными Штатами.

Китай вряд ли существенно увеличит свое военное присутствие на Ближнем Востоке в ближайшей перспективе, но его растущая экономика привела к увеличению ответственности за обеспечение безопасности. В настоящее время более 550 тыс. китайцев живут и работают на Ближнем Востоке²⁹⁶. За последние несколько лет Китай несколько раз эвакуировал своих граждан из стран Ближнего Востока. Когда в 2011 г. ситуация с безопасностью в Ливии ухудшилась, подразделения BBC и BMC HOAK, которые были в этом районе, приняли участие в эвакуации 35 тыс. китайских граждан. В частности, BMC HOAK вывезли 600 граждан КНР и почти 300 иностранцев из Йемена в 2015 г.²⁹⁷

По сути, стратегия Китая на Ближнем Востоке определяется его экономическими интересами. Китай наращивает свое коммерческое

---

²⁹⁶ Niu Xinchun, “China’s Interest in and Influence Over the Middle East”, trans. Haibing Xing, *Contemporary International Relations*, Vol. 24, No. 1, January/February 2014, p. 41–42.

²⁹⁷ Andrew Scobell and Nathan Beauchamp-Mustafaga, “The Flag Lags but Follows: The PLA and China’s Great Leap Outward”, in Philip C. Saunders, Arthur S. Ding, Andrew Scobell, Andrew N. D. Yang, and Joel Wuthnow, eds., *Chairman Xi Remakes the PLA; Assessing China’s Military Reforms*, Washington, D.C.: National Defense University Press, 2019, pp. 189–190.

взаимодействие со странами региона, но не заинтересован в существенном углублении своей дипломатической деятельности или деятельности в области безопасности. Как и Россия, Китай будет продолжать взаимодействовать со всеми странами в регионе, хотя это становится более сложным из-за непростой военно-политической обстановки, но, скорее всего, он не будет втягиваться во многие политические и военные конфликты в регионе.

Весьма положительным в этой связи выглядит тот факт, что Китай и Россия, отстаивая принцип единых стандартов и неделимости в вопросах международной безопасности, склонны одинаково оценивать непростую ситуацию на Ближнем Востоке. Это касается и негативной роли США в регионе. Поддерживая суверенитет и территориальную целостность Сирии, стороны выступают за прекращение насилия и урегулирование сирийского кризиса исключительно политико-дипломатическими средствами. В этих целях Москва и Пекин выступают с единых позиций в Совете Безопасности ООН, уже в четырех случаях согласованно использовали по сирийскому вопросу имеющееся у них право вето. Они также считают, что справедливое урегулирование палестино-израильского и арабо-израильского конфликтов на международно-правовой основе будет иметь огромное значение для укрепления безопасности на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Учитывая эту позицию, можно предположить, что совместные действия России и Китая в вопросах безопасности на Ближнем Востоке, а также последовательного обеспечения интересов на основе равенства и взаимной выгоды сторон будут способствовать дальнейшему смягчению напряженности в регионе. И не только на Ближнем Востоке. По словам китайского лидера Си Цзиньпина, которые он произнес по итогам встречи с В. Путиным в ноябре 2014 г., «Россия и Китай достигли полного понимания по всем вопросам как двустороннего, так и международного сотрудничества. ...Это показывает, насколько плодотворно сотрудничество между нашими странами».

Таким образом, для Китая важно, в частности, удержать нынешние низкие цены на нефть, чтобы поскорее восстановить свою экономику, тогда как для США важно вернуть цены на уровень

выше 40 долл. за баррель. Если так случится, то Китаю придется пересмотреть свои планы по восстановлению экономики. Нельзя забывать, добавил А. Маслов, что влияние США на Ближнем Востоке остается главным. «Это иллюзия – думать, будто Ближний Восток пойдет на большую сделку с Китаем. Нет, в общении с США этот регион по-прежнему чувствует себя комфортнее, чем с КНР», – подчеркнул эксперт.

Что касается роли Москвы на Ближнем Востоке, то с военно-политической точки зрения она выглядит значительно убедительнее, нежели роль Пекина, впрочем, как и везде в мире. «По уровню доверия к военным технологиям и к новым видам вооружения Россия значительно опережает КНР. Китай пока не рассматривается как крупная серьезная военная держава, хотя он пытается позиционировать себя таковой. Но, выбирая между Россией и Китаем, образно говоря, Ближний Восток по-прежнему выберет все равно США», – резюмировал А. Маслов.

Российская Федерация рассматривается Китаем в качестве главного внешнеполитического партнера, с которым установлены отношения всеобъемлющего стратегического взаимодействия. В Пекине исходят из того, что Россия является сильным в политическом и военном отношении государством, способствующим формированию выгодного КНР баланса сил в мире. При этом предполагается, что основой дальнейшего наращивания связей между Китаем и РФ в среднесрочной перспективе будет близость геополитических интересов, защита и продвижение которых требуют объединения усилий и взаимной поддержки. В настоящее время за счет координации действий двух стран, в том числе в рамках различных международных организаций и многосторонних механизмов (ООН, «Группа двадцати», БРИКС, ШОС, Форум «Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества»), Пекин получил дополнительные возможности для усиления своего влияния на международные политические и экономические процессы.

По мнению Пекина, расширение российско-китайских политических связей позволяет повысить уровень координации усилий РФ и КНР для противодействия агрессивной политике США, предусматривающей силовое продвижение «западных демократи-

ческих ценностей» и установление контроля над государствами ключевых регионов мира. Заинтересованность Китая в выработке совместных с Россией мер на данном направлении во многом обусловлена собственными прогнозами относительно возможных попыток Вашингтона дестабилизировать обстановку в КНР по сценарию «цветных революций на Ближнем Востоке».

В ряде случаев Китай пытается использовать результаты военно-технического сотрудничества с Россией для дальнейшего расширения рынка сбыта собственной продукции военного назначения, в том числе за счет стран, традиционно ориентированных на российскую военную технику (центральноазиатские государства, Алжир, Венесуэла, Египет, Эфиопия).

В то же время в долгосрочной перспективе, по мере наращивания экономического потенциала РФ, в российско-китайских отношениях могут возникнуть противоречия, связанные с обоюдным стремлением к расширению сфер своих интересов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Центральной Азии, Ближнем Востоке. Такой сценарий развития событий может привести к целенаправленным действиям КНР по сдерживанию Российской Федерации и к возникновению факторов, создающих угрозу для ее военной безопасности.

В заключение представляется возможным утверждать, что недавние сообщения о том, что Китай и Иран близки к подписанию стратегического партнерства в сферах экономики и безопасности, вызвали у некоторых американских наблюдателей новые опасения по поводу того, что Вашингтон постепенно уступает Ближний Восток своему главному стратегическому конкуренту. Специалисты американской аналитической корпорации RAND Али Вайн и К.-П. Кларк в своем исследовании²⁹⁸ сравнивают текущую ситуацию с той, что была после убийства в январе 2020 г. командира Корпуса стражей исламской революции и сил «Аль-Кудс» генерал-майора К. Сuleймани. Атака на К. Сuleймани подорвала американские отношения не только с Ираном, но и с Ираком, поскольку в ре-

---

²⁹⁸ <https://www.rand.org/blog/2020/09/in-the-middle-east-russia-and-china-expand-their-influence.html> (24.10.2020).

зультате удара беспилотника ВВС США он был убит в международном аэропорту Багдада, где также погиб командир иракского шиитского ополчения.

По мнению американских исследователей, в то время как Соединенные Штаты обеспокоены в первую очередь возрождающейся экспансией Китая на Ближний Восток после распространения коронавируса нового типа COVID-19, американские элиты также обеспокоены потенциальным «реваншем» России, которая, возможно, сейчас является самым влиятельным внешним игроком как в Сирии, так и в Ливии.

В военно-доктринальных документах «Стратегия национальной безопасности»²⁹⁹ Белого дома (2017 г.) и «Стратегия национальной обороны»³⁰⁰ Пентагона (2018 г.) отмечено, что в основном текущие вызовы и угрозы национальной безопасности Америки связаны с возрождением соперничества с Пекином и Москвой. Несмотря на то, что многие дискуссии в американских научно-исследовательских организациях сосредоточены на оценке ситуации в Азиатско-Тихоокеанском и Балтийском регионах, Ближний Восток становится все более заметным. В июне 2020 г. командующий Центральным командованием США генерал К. Маккензи-младший назвал этот регион ареной конкуренции «Дикого Запада», на которой Китай в основном использует свой экономический вес для создания долгосрочного стратегического «плацдарма» и Россия использует ограниченное, но «довольно интенсивное» развертывание военных средств, «чтобы подбросить песок в механизмы [Америки – примечание переводчика]» и «кажется, что она играет на мировой арене, когда дело касается ближневосточных проблем»³⁰¹.

Американские специалисты признают, что некоторое ослабление влияния США на Ближнем Востоке было неизбежно по объективным причинам. Относительное превосходство Америки в

---

²⁹⁹ <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (24.10.2020).

³⁰⁰ <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (24.10.2020).

³⁰¹ <https://www.lawfareblog.com/assessing-china-and-russias-moves-middle-east> (24.10.2020).

мировых делах значительно ниже, чем в момент распада СССР. Между тем Китай и Россия могут воспользоваться ситуацией и превратить недовольство существующими раскладами сил после окончания холодной войны для укрепления своих позиций на Ближнем Востоке.

Между тем военные аналитики и общественность США все чаще призывают к пересмотру роли американского государства в ближневосточном регионе не только из-за разочарования в связи с почти двумя десятилетиями «военного болота» в Афганистане и Ираке, но и из-за настроений в отношении того, что Соединенные Штаты должны ограничить и вывести свои войска с территории Ближнего Востока. Хотя эта позиция не является единодушной, однако она набирает все больше сторонников: эссе М. Карлин из Университета Джона Хопкинса и Т. Кофман Виттес из Бруклинского института в январском/февральском выпуске журнала Foreign Affairs за январь/февраль 2019 г.³⁰², статья Совета по международным отношениям Мартин Индик в январе 2020 г. в Wall Street Journal³⁰³ и статья И. Голденберга и К. Томаса из Центра новой американской безопасности в июле 2020 г.³⁰⁴ – три ярких тому примера.

Наконец, приходят к промежуточному выводу американские аналитики, Ближний Восток теперь не играет столь важной роли в системе национальных интересов США, как это было десятилетием или двумя ранее. Революция в альтернативной энергетике, происходящая в Соединенных Штатах, делает их менее зависимыми от импорта сырой нефти и природного газа из региона, а контртеррористические операции США и так значительно снизили уровень угрозы, которую мировое джихадистское движение представляет для Америки.

Учитывая то, как Вашингтон изменит баланс своих военных возможностей и перераспределит имеющуюся ресурсную базу в

---

³⁰² <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2018-12-11/americas-middle-east-purgatory> (24.10.2020).

³⁰³ <https://www.wsj.com/articles/the-middle-east-isnt-worth-it-anymore-11579277317> (24.10.2020).

³⁰⁴ <https://www.cnas.org/publications/commentary/demilitarizing-u-s-policy-in-the-middle-east> (24.10.2020).

сторону Азиатско-Тихоокеанского региона, Пекин и Москва получают свободу маневра, чтобы вторгнуться на Ближний Восток, утверждают эксперты RAND. Китай является главным торговым партнером Ирана и десяти стран Лиги арабских государств, а в 2016 г. он стал крупнейшим инвестором в страны региона. Тем временем в 2017 г. в Джибути в интересах военно-морских сил НОАК была возведена первая китайская военная база (в китайской терминологии объект обозначается как пункт материально-технического обеспечения) за пределами континентальной части КНР.

Эксперты RAND отмечают, что Россия продолжает позиционировать себя как «главный арбитр» в гражданских войнах в Сирии и Ливии, а продажа технологически сложных систем вооружения, рассматривается политическим руководством РФ в качестве инструмента ближневосточной политики. В качестве наиболее удачного примера американские специалисты приводят системы противовоздушной обороны С-400, поставленные в Турцию, страну-член НАТО. Пекин и Москва также увеличивают продажи оружия другим странам региона, включая ключевого игрока – Саудовскую Аравию.

Американские аналитики констатируют, что обе страны продолжат использовать возможности для увеличения своего влияния на Ближнем Востоке, особенно если ошибки США позволят им сделать это с помощью поэтапных, не требующих больших усилий проектов, которые предполагают положительную отдачу от инвестиций. Например, продолжающаяся американская кампания «максимального давления» на Иран почти наверняка вынудит Тегеран развивать более тесные связи с Пекином.

Выводы по главе

В результате проведенного исследования представляется возможным сделать следующие выводы и обобщения в отношении перспектив ближневосточной политики КНР:

1. По мнению китайских специалистов, несмотря на несомненные успехи ближневосточной политики КНР, существует ряд причин, препятствующих усилению ее позиций в регионе. Текущая

внешне-политическая линия не в полной мере соответствует статусу Китая в качестве ведущей мировой державы. Китайские эксперты отмечают, что пришло время менять прежнюю, слишком «мягкую» ближневосточную политику Китая. В данных условиях сотрудничество в сфере безопасности между КНР и странами Ближнего Востока приобретает приоритетное значение. Эксперты предполагают в ближайшей перспективе размещение на территории ближневосточных стран военных объектов КНР, включая военно-морские базы.

2. Государства ближневосточного региона пересматривают свои взгляды на взаимоотношения с США и КНР. Вашингтон в регионе не может предложить ничего нового, кроме проецирования собственной военной мощи. Такой подход давно изучен ближневосточными политологами и в значительной степени предсказуем. Проект «Один пояс, один путь» и проецирование «мягкой силы» указывают на то, что китайское государство стремится к большей роли в ближневосточном регионе, который оно считает для себя стратегически важным.

3. Российская Федерация рассматривается Китаем как главный внешнеполитический партнер, с которым установлены отношения всеобъемлющего стратегического взаимодействия. Однако в ряде случаев КНР пытается использовать военно-техническое сотрудничество с РФ (а иногда и другие способы) для расширения сбыта национальной продукции военного назначения за счет традиционно ориентированных на российскую военную технику стран Ближнего Востока (Например, Алжир и Египет). В долгосрочной перспективе в российско-китайских отношениях могут возникнуть противоречия, связанные со стремлением к расширению сфер своих интересов на Ближнем Востоке.

Заключение

В результате проведенного исследования представляется возможным сделать следующие выводы и обобщения в отношении ближневосточной политики КНР:

1. Исследование ближневосточной политики КНР невозможно без опоры на теоретические работы отечественных и зарубежных ученых, посвященные международным отношениям в области обеспечения национальной безопасности государства, теории национальной, глобальной и региональной безопасности. Комплексный характер ближневосточной политики КНР предопределяет использование методов системного анализа, статистического, исторического методов, функционального подхода к их изучению.

2. Политическое руководство Китая рассматривает ближневосточный регион в качестве зоны своих национальных интересов. Общее значение Ближнего Востока во внешнеполитическом курсе КНР обусловлено заинтересованностью китайских руководителей в стабильности и предсказуемости развития ситуации в регионе, что связано с необходимостью обеспечения энергетической безопасности китайского государства. Взаимодействуя со странами региона, китайские руководители не рассчитывают на сиюминутную выгоду, поскольку сделанные вложения смогут окупиться только в долгосрочной перспективе.

3. Несмотря на формирование противоречий с арабскими странами региона по вопросам транспортировки углеводородов, Китай продолжает углублять связи с неарабскими государствами Ближнего Востока. Одновременное воздействование большого количества стран региона в проекте «Один пояс, один путь» позволит перенести существующие противоречия арабских и неарабских стран на второй план за счет смещения акцентов на получение прибыли всеми участниками инициативы. Кроме того, руководство Китая расширяет свое влияние на Ближнем Востоке используя для этого миротворческие миссии ООН, экспорт вооружений, а также энергетическое сотрудничество.

4. У КНР и КСА, Ирана и Израиля существуют общие интересы, что подтверждает углубление двусторонних отношений. Китай наращивает свое присутствие в энергетической сфере стран Ближнего Востока, вкладывает в развитие нефтеперерабатывающей промышленности за счет строительства нефтехимических заводов. Китайские руководители намерены использовать ухудшение отношений Турции с Евросоюзом и НАТО для укрепления внешнеполитических и экономических позиций в Турции и продвижения за счет этого национальных интересов Пекина на Ближнем Востоке.

Руководство КНР рассматривает Египет, Ливан, Иорданию и Палестину в качестве платформы для восстановления Сирии, а также в качестве ключевых узлов проекта «Один пояс, один путь» в экономическом коридоре между Центральной и Западной Азией. В свою очередь, китайские компании принимают активное участие в строительстве и обслуживании объектов транспортной инфраструктуры Бахрейна, Катара, Кувейта, Омана и ОАЭ.

Сотрудничество Китая с Сирией, Ливией, Ираком, и Йеменом рассматривается политическим и военным руководством китайского государства в качестве меры, способной обеспечить безопасность своих национальных интересов в ближневосточном регионе.

5. По мнению китайских специалистов, нынешняя внешнеполитическая линия не соответствует статусу Китая в качестве ведущей мировой державы. Проект «Один пояс, один путь» и проецирование «мягкой силы» указывают на то, что китайское государство стремится к большей роли в ближневосточном регионе, который оно считает для себя стратегически важным. Представляется возможным сделать вывод, что в долгосрочной перспективе существует возможность возникновения противоречий в российско-китайских отношениях, связанных с расширением Китаем сфер влияния на Ближнем Востоке. Таким образом, комплексный анализ политики КНР в отношении государств Ближнего Востока позволил выявить, что КНР позиционирует себя как один из важнейших акторов системы международных отношений. При построении отношений с другими акторами Китай подчеркивает, что является развивающейся страной и ни в коем случае не претендует на статус сверхдержавы. Китай позиционирует себя как ведущую страну среди развивающихся стран, куда, как известно, входят и страны Ближнего Востока.

Список сокращений

АОН	Академия общественных наук
АРЕ	Арабская Республика Египет
АЭ	атомная энергия
АЭС	атомная электростанция
БВ	Ближний Восток
БВСА	Ближний Восток и Северная Африка
БПЛА	беспилотный летательный аппарат
БРИКС	Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР
ВВП	валовой внутренний продукт
ВВС	военно-воздушные силы
ВВТ	вооружение и военная техника
ВМБ	военно-морская база
ВМС	военно-морские силы
ВПР	военно-политическое руководство
ВТС	военно-техническое сотрудничество
ЕС	Европейский союз
ЗРК	зенитный ракетный комплекс
ИГ	Исламское государство (запрещено в РФ)
ИРИ	Исламская Республика Иран
КГПС	контактная группа по борьбе с пиратством
КНР	Китайская Народная Республика
КПК	Коммунистическая партия Китая
КСА	Королевство Саудовская Аравия
ЛАГ	Лига арабских государств
МАГАТЭ	Международное агентство по атомной энергии
МИД	Министерство иностранных дел
МО	Министерство обороны
МОБ	Министерство общественной безопасности
МУС	Международный уголовный суд
МЦ	мозговой центр
НВМ	Народная вооруженная милиция

НИО	научно-исследовательская организация
НОАК	Народно-освободительная армия Китая
НПЗ	нефтеперерабатывающий завод
НПК	нефтеперерабатывающий комплекс
НПС	Национальный переходный совет
ОАЭ	Объединенные Арабские Эмираты
ОИС	Организация исламского сотрудничества
ОПЕК	Организация стран-экспортеров нефти
ОПК	оборонно-промышленный комплекс
ОПОП	«Один пояс, один путь»
ПВО	противовоздушная оборона
ПИИ	прямые иностранные инвестиции
ПМТО	пункт материально-технического обеспечения
ПНС	Переходный национальный совет
РАН	Российская академия наук
САР	Сирийская Арабская Республика
СЭЗ	специальная экономическая зона
СБ ООН	Совет безопасности Организации Объединенных Наций
СВ	сухопутные войска
СВПД	Совместный всеобъемлющий план действий
СМИ	средства массовой информации
СПГ	сжиженный природный газ
СПЗ	страны Персидского залива
ССАГПЗ	Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива
СУАР	Синьцзян-Уйгурский автономный район
США	Соединенные Штаты Америки
ЦА	Центральная Азия
ЦВС	Центральный военный совет
ЦК КПК	Центральный Комитет Коммунистической Партии Китая
ЧВК	частная военная компания
ШОС	Шанхайская организация сотрудничества
ЭПНШП	Экономический пояс нового Шелкового пути

Об авторах

Полончук Руслан Андреевич

По образованию востоковед-филолог, переводчик-референт с китайского и английского языков.

Координатор проекта «Китай и его роль в новом мировом порядке» Центра стратегических оценок и прогнозов.

Аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации (РАНХиГС).

Автор монографий: «Роль и место военно-морских сил НОАК в обеспечении национальной безопасности Китая» (М., 2019) и «Военно-морские силы Народно-освободительной армии Китая в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития» (М., 2020), «Политика Китая в Арктике: текущее состояние и основные направления развития» (М., 2020).

Автор статей, посвящённых вопросам внутренней и внешней политики Китайской Народной Республики.

Шашок Лариса Александровна

По образованию лингвист-переводчик со знанием английского и португальского языков. Американист, преподаватель Московского государственного института международных отношений МИД РФ. Эксперт Института Ближнего Востока.

Автор монографии «Эволюция движения «Талибан»: от основания до наших дней» (М., 2020).

Автор статей, посвящённых политической проблематике Исламской Республики Афганистан.

Научное издание

Полончук Р.А., Шашок Л.А.

Ближневосточная политика Китайской Народной Республики

Сдано в набор 16.02.2021. Подписано в печать 24.02.2021. Формат 60x88/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 10,5.
Тираж 500 экз. Заказ №192.

Центр стратегических оценок и прогнозов
<http://csef.ru/> 129515, г. Москва, ул. Академика Королева, д. 13, стр. 1
Типография ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 12.
Лицензия на типографскую деятельность ПД №00595